

Гражданская война на Востоке России:

новые подходы, открытия, находки

Материалы научной конференции в Челябинске
19–20 апреля 2002 г.

Москва «ПОСЕВ»

2003

Данный сборник содержит материалы прошедшей в апреле 2002 г. научно-практической конференции «Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки». В статьях, тезисах докладов рассматриваются различные проблемы внутренней и внешней политики антибольшевицких правительств Востока России. Большое внимание уделено истории гражданской войны на Урале. Анализируются ранее неизученные вопросы, вводятся новые исторические факты. В частности, авторы рассматривают историю антибольшевицких вооруженных формирований, партизанских отрядов, регулярных частей Белых армий.

Исследуются различные аспекты экономической и социальной политики Белых правительств на Урале.

Ответственный редактор – В.Ж. Цветков.

Компьютерная верстка – А.Н. Моренко.

Корректор – Е.А. Журавлева.

Некоммерческое партнерство

«Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

Россия, 127051, Москва, ул. Петровка, д.26, стр.2, офис 96.

тел. /факс (095) 925-92-48, e-mail: posev@online.ru

www.posev.ru

Лицензия Государственного комитета по печати РФ

ЛП №066807 от 29.07.1999

Подписано в печать 7.12.2003.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 12.

Уч.-изд. л. 10. Тираж 700 экз.

Отпечатано с оригинал-макета

в ООО «Муромская Полиграфическая Компания»

602267, Владимирская обл., г. Муром, Меленковское шоссе, 21.

Тел./факс (09234) 6-39-38, 6-08-62

ISBN 5-85824-148-4

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев», 2003

© Исторический альманах «Белая Гвардия», 2003

© Авторы публикаций, 2003

Содержание

Конференция в Челябинске: «Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки» 5

Белкина И.В. Новые подходы в изучении истории гражданской войны 8

Цветков В.Ж. Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России 10

Сибиряков И.В. Образ гражданской войны в сети Интернет 23

Звягин С.П. Представления Верховного Правителя России А.В. Колчака о законности и правопорядке 28

Волков Е.В. Православное духовенство в войсках А.В.Колчака в годы гражданской войны 32

Телицын В.Л. Антибольшецкое бунтарство на Урале в годы гражданской войны: численность формирований, тактика и вооружение 37

Балмасов С.С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства 1918-1919 гг. 53

Плешкевич Е.А. Структура органов государственной власти и управления Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 г.) 62

Кобзов В.С. Офицерский корпус Оренбургского Казачьего Войска в 1918–1919 гг. 68

Щёткин С.В. «Белогвардейцы» в рядах милиции Челябинской губернии 76

Ганин А.В. II Оренбургский казачий корпус (февраль–апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях 80

<i>Махрова Т.К.</i> Начало противостояния (к событиям в Троицком уезде Оренбургской губернии, январь-апрель 1918 г.)	86
<i>Краснощечков А.А.</i> Восстание в Барнауле 11 июня 1918 г.	94
<i>Каревский А.А.</i> К истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: формирование 3-го Уральского корпуса летом–осенью 1918 г.	108
<i>Селянинова Г.Д.</i> Деятельность общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1918 г.	113
<i>Скориков А.И.</i> К вопросу об организации продовольственного дела в Челябинске в 1917–1919 гг.	120
<i>Нарский И.В.</i> Формы насилия и стратегии выживания населения на Урале в 1917–1922 гг.	128
<i>Лебедев А.Ю.</i> «Белые мальчики»: в мемуарах и воспоминаниях ...	132
<i>Худобородов А.Л.</i> Казачья эмиграция 1920-х–1930-х гг. о судьбе Белого Движения в период гражданской войны	137
<i>Константинов С.И.</i> Об авторе идеи похода от Урала до Ганга ...	140
<i>Кузнецов В.А.</i> Формирование частей и соединений в Оренбургском Казачьем Войске весной и летом 1918 г.	144
<i>Абрамовский А.П.</i> Новотроицкий партизанский отряд (июнь-июль 1919г.)	150
<i>Буяков А.М.</i> Особое отделение штаба колчаковской армии	153
<i>Крицкий Н.Н.</i> Радиошкола морского ведомства во Владивостоке 1918-1919 гг.	156

Конференция в Челябинске: «Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки»

19–20 апреля 2002 года в Челябинске проходила конференция, посвященная изучению проблем гражданской войны: «Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки», организованная Южно-Уральским государственным университетом. Данная конференция – одна из немногих отражающая региональные вопросы истории гражданской войны и Белого движения в России. Ее организатором выступили кафедра истории Южно-Уральского государственного университета и редколлегия альманаха «Белая Гвардия». Основное участие в ее подготовке принял автор известной монографии по истории офицерского состава армии адмирала А.В. Колчака, кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского университета Е.В. Волков, давний подписчик и автор альманаха «Белая Гвардия». На конференции присутствовали исследователи из Челябинска, Екатеринбурга, Оренбурга, Москвы.

В ходе работы конференции прозвучали доклады и сообщения, многие из которых вызвали большой интерес и обсуждались в ходе прений.

После вступительного слова, с которым выступил проректор по научной работе Южно-Уральского университета А.Л. Шестаков, собравшиеся прослушали весьма интересный доклад заведующего кафедрой истории России, доктора исторических наук, профессора И.В. Сибирякова, посвященный анализу Интернет-сайтов по истории гражданской войны, перспективам использования электронной литературы на занятиях по отечественной истории

С докладом на тему «Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России» выступил кандидат исторических наук, доцент МПГУ, главный редактор альманаха «Белая Гвардия» В.Ж. Цветков. В ходе доклада были обрисованы основные вехи в развитии современной российской историографии Белого движения, говорилось о перспективных направлениях исследований.

Наибольшее внимание и освещение, как это следовало из основной цели конференции, получила гражданская война на Урале. Е.А. Плешкевич, ассистент кафедры экономики и права УГАВМ, затронул в своем сообщении «Структура органов государственной власти и управления Временного областного правительства Урала» в августе–ноябре 1918 г. Малоизученную тему – «Милиция Челябинской губернии в 1919–1921 гг.» рассмотрел в своем докладе преподаватель Челябинского юридического института МВД РФ С.В. Щеткин. Вопрос «Организации продовольственного дела в Челябинске в 1917–1919 гг.» осветил в своем сообщении научный сотрудник историко-культурного центра г. Челябинска А.И. Ско-

риков. И.В. Нарский, доктор исторических наук, профессор Челябинского государственного университета выступил с проблемным докладом, охватывающим весь регион: «Урал в гражданской войне: формы насилия и стратегия выживания».

Очень большое внимание на конференции получил и соседний с Челябинской областью регион – Оренбургская область, а именно – история Оренбургского казачьего войска. Доктор исторических наук, профессор Челябинского юридического института МВД РФ В.С. Кобзов выступил с докладом об «Офицерском корпусе Оренбургского казачьего войска в 1918–1919 гг.». «Деятельность войскового правительства по формированию частей оренбургского казачества в июле–октябре 1918 г.» была освещена кандидатом исторических наук, старшим преподавателем Челябинского юридического института МВД РФ В.А. Кузнецовым. Член редколлегии альманаха «Белая Гвардия» А.В. Ганин выступил с докладом «О формировании и участии в боевых действиях 2-го Оренбургского казачьего корпуса в феврале–апреле 1919 г.».

Автор монографии о генерале Ханжине, доцент ОГПУ (г. Оренбург) В.Г. Семенов осветил в своем сообщении судьбу войскового старшины Е.В. Ершова. Организатор конференции Е.В. Волков затронул в своем докладе тему «Православного духовенства в войсках А.В. Колчака».

Несколько отличные доклады от общей тематики, отражавшей преимущественно историю Белого движения на Востоке России были сделаны доктором исторических наук, профессором ЧГПУ А.Л. Худоборовым (он затронул в своем сообщении тему «Казачьей эмиграции 1920–1930-х гг.») и доктором исторических наук, профессором А.П. Абрамовским (доклад «Новотроицкий партизанский отряд (июнь–июль 1919г.)»).

С заключительным словом выступил доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского университета И.В. Сибиряков, подчеркнувший важность подобных мероприятий для культурной и общественной жизни регионов.

С организаторами конференции была достигнута договоренность о дальнейшем сотрудничестве и обмене материалами по истории Белого движения и антибольшевизского сопротивления. Участниками конференции были сданы тезисы для публикации в отдельном сборнике и на страницах альманаха «Белая Гвардия». Всего в работе конференции участвовало около 100 студентов, аспирантов Южно-Уральского и Челябинского университетов.

К сожалению в работе конференции не смогли принять участие представители редколлегии альманаха «Белые армии. Белое дело» из г. Екатеринбурга. Надеемся, что в будущем научное сотрудничество в изучении гражданской войны на Урале и в Сибири будет продолжено.

В помещении университета была организована выставка литературы

*Конференция в Челябинске «Гражданская война на Востоке России»
19 апреля 2002 г., организованная кафедрой истории России Южноуральского
Государственного университета (слева направо):
И.В. Купцов (библиограф ЧНОУБ), Е.В. Волков (доцент ЮУрГУ), И.В. Сибиряков
(профессор ЮУрГУ), В.Ж. Цветков, А.В. Ганин, И.В. Нарский (профессор ЧелГУ).*

по истории Белого движения, где среди прочих изданий были представлены номера альманаха «Белая Гвардия», книги С.В. Волкова и только что вышедший в свет учебник по истории России 1801 – 1917 гг проф. С.Г. Пушкарёва.

По окончании конференции была проведена презентация издательской программы Содружества «Посев». Главный редактор альманаха «Белая Гвардия» В.Ж. Цветков рассказал об издании очередной книги в серии «Белые воины» «Каптель и каптелевцы», посвященной жизни знаменитого генерала и истории частей его имени. В составлении этого сборника примет участие Е.В. Волков. По окончании презентации был показан фильм о генерале Ханжине – командующем Западной армией. Автор сценария фильма – доцент Оренбургского государственного педагогического университета В.Г. Семенов.

По окончании заседания конференции, для москвичей состоялась экскурсия по городу с посещением его достопримечательностей и научных центров.

*Главный редактор альманаха «Белая Гвардия»,
доцент кафедры новейшей отечественной истории
МПУ В.Ж. Цветков.*

Новые подходы в изучении истории гражданской войны

Современная историческая наука в последнее десятилетие сделала крутой поворот в сторону изучения советского периода истории России. Наш взгляд этот процесс закономерен после долгих лет идеологического диктата. Главным, центральным вопросом на который пытаются дать ответ историки – это закономерность Октября 1917 г. Данная постановка проблемы позволила логически перейти к исследованию первых лет советской власти и попытаться разобраться в причинах, которые позволили большевикам не только прийти к власти, но и удержать ее. В этой связи на повестку дня встали вопросы, касающиеся периода гражданской войны. Популярность темы была обусловлена и широкими возможностями источниковой базы, а так же разнообразием подходов, выбираемых историками.

Таким образом, интерес к теме, поддержанный новой исторической реальностью привел к появлению множества исследований по истории гражданской войны. Однако это совсем не означает, что до периода 90-х годов никаких попыток изучения темы не было. Все разнообразие литературы и ее особенности на различных этапах развития исторической науки было проанализировано в историографических трудах последних лет, что позволяет не останавливаться подробно на данном вопросе.¹

Проводя анализ исторических работ новейшего времени по гражданской войне можно выявить некоторую закономерность в изучении темы. В постперестроечный период особый интерес вызвала разработка проблем «Белого движения»². Это не случайно, так как долгое время двумя основными противоборствующими сторонами в гражданской войне считались «Красная Армия» и «Белая Армия». Противники большевиков в советской исторической науке многие годы не являлись предметом изучения. Исследование политики противоборствующих сторон привело к единому мнению, что гражданская война обернулась величайшей трагедией для всего российского народа.

Гуманистическая направленность политики последних лет способствовала обращению к истории социального фактора. Это расширило само определение – «гражданская война». Различное понимание термина привело историков к разнообразию подходов в изучении истории гражданской войны.

Вкладывая в это понятие более глубокое содержание, а не только «фронтной», «вооруженный» фактор исследователи смогли раскрыть и весь спектр причин приведших к гражданской войне в России. Можно принимать или не принимать выводы сделанные историками, но различные точки зрения на условия, способствующие развязыванию войны, открывают широкий диапазон для выводов и обобщений. В свою очередь, данная проблема повлияла и на периодизацию истории граж-

данской войны.

Заметным рубежом для расширения дискуссии стал доклад Ю.А.Полякова, в котором автор наметил спорные вопросы и подвел итоги изучения темы.³ Историк, исходя из проведенных размышлений, пишет: «Нет логических оснований обвинять трудовые массы и большевиков в том, что они, совершив октябрьскую революцию, тем самым развязали гражданскую войну».⁴ Соответственно период гражданской войны в России может быть датирован 1917-1922 гг. Миллер считает, что эти годы говорят о подходе к понятию гражданской войны с точки зрения явления мировой истории. Применительно к истории России, многие определяют период с 1918 по 1920-й год.⁵

Ключевым моментом для современной историографии стало обсуждение вопроса о социальной основе антибольшевистского сопротивления. В исторических исследованиях чаще звучит мысль о необходимости отказаться от «красно-белого» угла рассмотрения темы, увидеть в ней борьбу различных социальных сил, мотивов. Сложность проблемы заключается и в исторической ситуации предреволюционной России. Рассмотрение аграрно-крестьянского вопроса требует более широкого проблемно-хронологического контекста. Многие истоки причин втягивания крестьянского населения в войну уходят за пределы 1917 года. Соответственно крестьянство отнюдь не было пассивным объектом борьбы различных политических партий, а активно отстаивало собственные интересы.

Рассматривая конфликт в российском обществе между деревней и городом, крестьянством и государством как один из основополагающих в российской истории начала XX века, приведший к крестьянской революции и крестьянской войне, многие современные историки активно исследуют итоги и последствия этих событий. Заметен логический процесс перехода страны к НЭПу. Эти экономические мероприятия начала 20-х годов можно отнести к фактическому проигрышу большевиков крестьянству. Следует полностью согласиться с мнением В.И. Голдина: «история российского крестьянства в годы гражданской войны в многообразии подходов к ее изучению остается актуальной проблемой для российских историков».⁶

Примечания:

¹Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; Тормозов В.Т. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998; Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; Осипова Т.В. Крестьянство

в гражданской войне: борьба на два фронта // Судьбы Российского крестьянства. М., 1996. С.90-161, и др.
²Свободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.). М., 1996; Михайлов И.В., Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917-1918 гг. // Отечественная история. 1998. №1; Цветков В.Ж. Белое движе-

ние в России 1917-1922 гг. // Вопросы истории. 2000. №7 и др.

³Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. №6.

⁴Там же. С.38.

⁵Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. №3. С.103.

⁶Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С.88.

Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России

В данной статье будут рассматриваться, главным образом, издания по истории Белого движения, увидевшие свет в течение последних 5 лет. Это связано с тем, что большая часть литературы по Белому движению, изданная за период до 1998 г. достаточно полно проанализирована в книге Г.А. Бордюгова, А.И. Ушакова и В.Ю. Чуракова «Белое дело: идеология, основы, режимы власти». М., 1998, монографии В.Т. Тормазова «Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения». М., РВЭ, 1998. Заметным вкладом в изучение историографии Белого движения стала также монография В.И. Голдина «Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии»¹. Не оцениваются многочисленные статьи, публикации документов в периодической печати, авторефераты докторских и кандидатских диссертаций. Основное внимание будет уделено монографической, справочной, мемуарной литературе посвященной именно истории Белого дела (а не антибольшевицкому сопротивлению и гражданской войне вообще).

Историография советского периода, оценивая события гражданской войны в России, весьма узко, ограниченно представляло Белое движение всего лишь как составную часть «агрессивных планов Антанты», направленных на свержение советской власти, ликвидацию «завоеваний Октября» и «реставрацию буржуазно-помещичьего строя». Реакционный характер, «стремление к восстановлению старых порядков» и «полная зависимость от иностранного империализма, его военной, материальной и политической поддержки», и, как следствие этого, «оторванность от народа», «крайняя узость социальной базы» таковы были принципиальные «точки отсчета» в оценке Белого движения, утверждавшиеся советской идеологией. Догматическое принятие бесперспективности и обреченности Белого движения делало ненужным углубленное изучение и объективный анализ его возникновения и развития, его социальной структуры и идеологии, политических и экономических программ, его специфических особенностей в различных регионах России и на различных этапах гражданской войны. Недооценка или незнание этих и многих других аспектов истории Белого движения, грубое и подчас намеренное, в угоду политической конъюнктуре искажение фактов, способствовали образованию своего рода «белого пятна» в истории России XX века.

Источниковедческие подходы к изучению «врагов советской власти» напрямую зависели от историографических оценок, а те, в свою очередь, диктовались идеологическими установками, исходившими от высших партийных и государственных структур. Источниковедческий аспект ис-

тории гражданской войны становился односторонним и тенденциозным. Мизерные по объемам публикации документальных материалов в сборниках «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны на... Орловщине, Полтавщине, Киевщине и т.д.» отражали только факты «белого террора» или, как представлялось составителям, «реакционной сущности» Белого движения в том или ином регионе. Последними, научными по сути, публикациями документов Белого дела в советское время можно было бы считать подборки материалов из «Архива Октябрьской революции» (А.О.Р.) на страницах журнала «Красный архив» 1920-х гг., а также журналов региональных Истпартов.

После начала «перестройки» хронологически отечественную историографию Белого движения можно условно разделить на три этапа. Первый относится к 1987 – 1991 годам. С одной стороны это было время последнего «советского» юбилея – 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Традиционно к таким датам издавалось десятки монографий, сборников документов, не говоря уже о сотнях публицистических статей в газетах и журналах. Но «последний юбилей» в условиях нарастающей политики «гласности», сопровождался не просто очередным «выбросом» изданий о «партийно-политическом руководстве» и «героях Красной армии», но и совершенно новыми методологическими подходами. Впервые появились исследования, посвященные отдельным личностям, участникам гражданской войны в рядах РККА, таких как М.В. Фрунзе, А.И. Егоров, В.К. Блюхер, М.Н. Тухачевский. Особый интерес вызывали личности репрессированных в 1930-е гг. Появились исследования по истории Белого движения, написанные на основании новых исторических источников. Слова «вводимые впервые в научный оборот» стали весьма частыми в то время.

Данный период можно, без сомнений, определить как период «открытий», когда к запретным ранее документам обратились впервые. Это стало возможным благодаря, прежде всего, открытию доступа (с 1988 г.) к «белогвардейским и белоэмигрантским фондам» Центрального Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ)) и Центрального Государственного архива Советской армии (ныне Российского Государственного военного архива (далее – РГВА)). Фонды эти были составлены на основе переданного в 1946 г. в СССР Русского Заграничного исторического архива в Праге (известного еще как «Пражская коллекция»). Вместо абстрактных ссылок на «Коллекцию ЦГАОР» появились четкие указания на фонды и дела конкретных архивных хранилищ.

Освоение архивов проходило, во многом, бессистемно, поскольку основной задачей было описание истории Белого движения вообще, а не его отдельных эпизодов. Для большинства публикаций была характерна известная доля политизированности, ориентация на читательский интерес к тем или иным событиям. Такие темы как «красный террор», гибель Вер-

ховного Правителя России адмирала А.В. Колчака, эвакуация белой армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма, первые годы эмиграции становились приоритетными. Показательно, что среди авторов по истории Белого движения было немало тех, кто начинал свои исследования еще в 1960-1970-е гг. Среди них можно выделить Г.З. Иоффе и Н.Г. Думову. Так в исследовании Н.Г. Думовой и В.Г. Трухановского основной акцент делался на взаимоотношениях российской и британской политических элит, в организации совместного антисоветского фронта. А одна из последних, опубликованных в России монографий Г.З. Иоффе, была посвящена личности генерала Л.Г. Корнилова и предполагалась как первое издание в серии исследований посвященных лидерам Белого движения. В своем интервью журналу «Посев» (ноябрь 2003 г.) Г.З. Иоффе отмечал необходимость написания комплексного труда по истории гражданской войны, на основании новых, уже введенных в научный оборот, источниках².

Второй этап (с 1991 по 1997 годы) характеризовался появлением первых обобщающих работ по истории Белого движения. Авторы стремились исследовать максимально возможное количество проблем внутренней политики белых правительств и военных действий белых армий. Интересно, что при этом обобщенные выводы по движению в целом делались на основании материалов лишь отдельных регионов. Среди подобных работ можно выделить монографию С.В. Карпенко о врангелевском Крыму³, В.П. Федюка о Белом Юге России, а также по истории зарождения и первых походов Добровольческой армии, Белому Дону и Кубани, Белому Крыму 1920 года⁴, А.В. Венкова, Ю.Д. Гражданова о донском казачестве⁵, В.И. Голдина о Белом Севере⁶. Первой работой, в которой был представлен анализ формирования, структуры, целей и задач Белого движения в целом и отдельных направлений его внутренней и внешней политики можно считать монографию В.Д. Зиминной «Белое движение в России»⁷.

В этот период начались и первые публикации архивных документов, воспоминаний. Еще на рубеже 1980-1990-х гг. увидели свет (нередко в журнальном или даже газетном виде) мемуары ген. А.В. Туркула, записки ген. П.Н. Врангеля, сочинения Р. Гуля и ген. Я.А. Слащова, отрывки из «Очерков русской смуты» ген. А.И. Деникина⁸. Большой объем источников стал доступен не только исследователям, но и массовому читателю. Здесь следует отметить и обширную серию «Архив русской революции»⁹, и серию «Белое дело» (под ред. С.В. Карпенко)¹⁰ и «Очерки русской смуты»¹¹. Глобальным проектом представлялось издание новой «Истории гражданской войны» под редакцией Ю.А. Полякова, замысел которой был опубликован на страницах журнала «История СССР» за 1990¹². Большой интерес вызвал сборник «Антибольшевистское движение в России», подготовленный на основе документов ГА РФ в ИРИ РАН, под руководством Г.А. Трукана¹³. Особенно примечательны представленные здесь материалы о высшей политической элите Белого движения (переписка ген. А.С. Лукомского,

А.И. Гучкова и Н.И. Астрова с А.И. Деникиным, отрывки из дневника премьер-министра Российского правительства). Приведенные документы стали позднее основой для его монографии «Антибольшевистские правительства России», увидевшей свет уже в 2000 году.

Показательным примером развития исторической науки в 1990-е годы стало зарождение многочисленных любительских, самодеятельных групп исследователей Белого движения. Определенную роль в этом сыграла увлеченность «героикой» гражданской войны. Многие исследователи, даже не имея специального исторического образования, были близки к российским военно-историческим клубам. Пик подобного интереса пришелся на середину 1990-х годов, когда по инициативе таких неформальных объединений проводились конференции, творческие вечера, издавались журналы и альманахи¹⁴. Особенностями данных исследований можно было считать повышенный интерес к отдельным военным вопросам (численность воинских частей, их участие в конкретных боевых операциях, биографии белых военачальников).

Для целого ряда исследователей любительская увлеченность историей Белого движения стала своего рода «стартовой площадкой» на пути в профессиональную науку. Результаты исторических изысканий этой категории авторов зачастую являются очень глубокими с точки зрения разработки какого-либо отдельного аспекта истории гражданской войны¹⁵.

Переходя к оценке третьего этапа (с 1998 г. по настоящее время) отечественной историографии Белого движения, следует отметить, что по-прежнему актуальной остается проблема поиска и введения в научный оборот новых исторических источников. В этом отношении весьма своевременными оказались издания межархивных справочников и путеводителей по фондам, вышедшие в свет в издательстве РОССПЭН в 1999 – 2001 гг.¹⁶ Возможность работы с данными изданиями не только существенно облегчает работу исследователя в обращении к конкретным фондам и документам, но и создает полную картину имеющихся и еще, увы, совершенно не использованных источников. Будем надеяться, что выход в свет путеводителей стимулирует исследовательскую работу в архивах. Ведь источниковая база по истории Белого движения очень обширна и включает в себя не только фонды ГА РФ и РГВА, но и фонды архивов Русского Зарубежья, частных собраний, не говоря уже о практически недоступных для большинства российских ученых коллекциях Гугеровского архива института войны, революции и мира.

Только введение новых источников позволит избежать концептуальных повторений, проверить достоверность или ложность сформировавшихся оценок. Дополнительную информацию содержат также опубликованные в Зарубежье воспоминания, переиздание которых представляется насущной необходимостью. За последние несколько лет многие российские издательства выпустили целый ряд мемуаров как руководителей,

так и рядовых участников Белого движения. Среди них можно выделить «Россию на переломе» и «Историю второй русской революции» П.Н. Миллюкова, «Воспоминания» Г.Е. Львова, «Воспоминания о Северо-Западной армии» ген. А.П. Родзянко, воспоминания опубликованные в серии «Белое дело», воспоминания дочери ген. М.В. Алексеева В.М. Алексеевой-Борель, «Походы и кони» С. Мамонтова, мемуары В.В. Шульгина, изданные в сборнике «Последний очевидец» и другие¹⁷.

Однако нельзя не отметить, что при повышенном внимании издателей к определенным фигурам («Записки» ген. Врангеля с 1991 года выдержали уже пять изданий, «Дроздовцы в огне» ген. Туркула издавались трижды), большое количество мемуарной литературы до сих пор остается абсолютно неизвестной не только широкому читателю, но и многим историкам. Из заслуживающих издания в России можно назвать: «Трагедию адмирала Колчака» С.П. Мельгунова, «Историю российской контрреволюции» ген. Н.Н. Головина, «Записки о революции» М.С. Маргулиеса, интересных, прежде всего, как воспоминания не просто члена Северо-Западного правительства, но и как видного масона, воспоминания председателя южнорусского «Союза Возрождения России» С.В. Мякотина, дневники видного деятеля Совета Государственного Объединения России Н.В. Савича, воспоминания председателя Омского Совета министров П.В. Вологодского, мемуары генералов В.К. Витковского, Б.Н. Литвинова, В.В. Добрынина, М.А. Фостикова, А.А. фон Лампе, М.А. Иностранцева, многих других участников Белого движения.

Наконец, следует, очевидно, завершить начатое еще в 1991 году издание «Очерков Русской Смуты» ген. А.И. Деникина в академическом формате. Его необходимо сделать максимально полным, с картами и фотографиями, имеющимися в оригинале. Актуальность подобного издания станет ясным, если принять во внимание тот факт, что уже выходили издания «Очерков» основанные на искаженном цензорами Истпарта, советском издании 1927 года¹⁸, а в 2002 году в издательстве «Олма-пресс» увидели свет очередное издание «Записок» ген. Врангеля и (наконец-то!) полное издание «Очерков Русской Смуты» ген. Деникина. Выпущенные в формате pocket-book, они, возможно, восполнят имеющиеся источниковедческие лакуны (особенно это важно в отношении «Очерков» Деникина), однако здесь абсолютно отсутствует научный аппарат. Практически одновременно, издательство «Айрис-пресс» выпустило в свет новое полное издание «Очерков». Это издание, снабженное добротным, емким предисловием московского историка А.С. Кручинина (главного редактора возрожденного в России альманаха «Военная Быль»), также, увы, лишено научного аппарата, за исключением указателя имен. Удивительно, но разве российские издательства не могут найти средств на репринтное воспроизведение данного «бестселлера» литературы Русского Зарубежья, предварительно согласовав этот вопрос с наследниками ген. Деникина?

Огромное количество исторических источников содержат фонды Государственного архива Российской Федерации. Ошибочно мнение, что все, заслуживающее внимания исследователей и читателей хранится либо в фондах Гуверовского института войны, революции и мира, либо в Бахметевском архиве в Нью-Йорке. В этом отношении большую ценность имеют вводимые в научный оборот материалы, относящиеся к истории различных политических движений и партий, участников Белого дела. В серии издательских проектов РОССПЭНа готовятся к печати полные собрания протоколов заседания южнорусского Особого Совещания при Главкоме ВСЮР, ген. Деникине, а также Комитета Членов Учредительного Собрания (Комуча). Позднее планируется издание протоколов заседаний, постановлений других белогвардейских правительств. Интересны и документы, отражающие деятельность различных партийных объединений. Еще в 1996-1998 гг. вышли в свет «Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии» и «Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии», отражающие историю партии в годы революции и гражданской войны. Можно приветствовать долгожданный выход в свет книги, под редакцией В.В. Шелохаева, «Всероссийский Национальный Центр», подготовленный в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века». Данное издание примечательно тем, что в нем содержится практически полный обзор проектов программ ведущего политического объединения Белой России, документально показано взаимодействие южнорусского и московского отделений Национального Центра, полностью приведены протоколы допросов его участников в ВЧК.

В серии «Россия. XX век» увидел свет двухтомник уникальных документов из фондов ГА РФа «Дело генерала Л.Г. Корнилова» (материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках). Данное издание отличается фундаментальностью источниковедческого раскрытия темы и станет, безусловно, одним из базовых в изучении начального периода истории Белого движения в России, позволит ответить на вопрос о реальности «генеральского заговора» против Временного правительства¹⁹.

Много важной информации о политической истории Белого движения и первых лет эмиграции содержит публикация переписки посла России во Франции, известного деятеля кадетской партии В.А. Маклакова и посла России в США, видного масона Б.А. Бахметева. Подготовленная к печати О.В. Будницким и снабженная богатым научным аппаратом она хронологически охватывает период 1919-1951 гг., то есть практически все время наибольшей политической активности Русского Зарубежья²⁰.

Из сборников воспоминаний, сгруппированных по определенному тематическому или хронологическому признаку можно выделить серию «Белое дело», начатую еще в 1992 году под редакцией С.В. Карпенко.

Данная серия была прервана на довольно большой временной промежуток. Тем отраднее ее возобновление. Серия претендует на обширный территориальный охват (от Белого Севера до Сибири) и на высокую репрезентативность материалов (планируется издавать как опубликованные в эмиграции источники, так и архивные).

Идея издания подобного рода серии нашла свое выражение в издаваемой с 2001 г. серии издательства Центрполиграф «Россия забытая и неизвестная. Белое движение». В свет вышло несколько объемных сборников, посвященных, на этот раз, отдельным этапам в истории Белого дела. Редактор-составитель С.В. Волков сосредоточил внимание на сочетании достаточно обширных фрагментов из воспоминаний, опубликованных в эмигрантских журналах, главным образом, «Первопоходник», «Вестник первопоходника», «Часовой», «Памятка ливенца» с отрывками из ставших источниковедческой «классикой» трудов А.И. Деникина, М.Г. Дроздовского, М.Н. Левитова, В.Е. Павлова²¹. В сборниках посвященных образованию Добровольческой армии, 1-му и 2-му Кубанскому походу, истории Белого флота, Белого движения на Северо-Западе, привлекает не только солидная источниковая база, но и обширные комментарии, профессионально выполненные вступительные статьи. В этой же серии увидела свет монография И.Ф. Плотникова, содержащая, помимо исследовательской части, богатый подбор как публиковавшихся ранее, так и архивных документов²².

Среди недостаточно используемых источников следует отметить материалы белой периодической печати. Огромное количество наименований газет, журналов, альманахов, выходивших в белых регионах, дают информацию по множеству вопросов, касающихся повседневной жизни белого тыла. Вышла в свет монография Л.А. Молчанова «Газетный мир антибольшевистской России», посвященная анализу белогвардейской периодики. В Санкт-Петербурге была выпущена книга, содержащая полное собрание листовок Белых армий²³. Но, несмотря на рост интереса к периодике, как к историческому источнику, большая часть газетной информации остается невостребованной исследователями. Среди редко используемых назовем также секретные сводки деникинского Отдела пропаганды (ОСВАГа), дающие представление о настроениях в тылу ВСЮР, об отношении населения к проводимой белыми политике.

Вопросы политической программы особенно интенсивно изучаются в настоящее время. При этом исследуются как вопросы деятельности правительственного аппарата в целом, так и его отдельных ведомств. Историк Г.А. Трукан (в 1995 году под его редакцией вышел первый сборник архивных документов «Россия антибольшевистская») в 2000 году издал монографию, отражающую особенности функционирования аппарата белых правительств Сибири и Юга России²⁴. Молодой московский историк Я.А. Бутаков изложил основные положения своей кандидатской диссертации в

монографии «Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 гг.)»²⁵. Выводы, к которым приходят исследователи политической составляющей Белого движения, сводятся к слабости аппарата белой власти, отсутствию взаимопонимания и взаимодействия с обществом, прежде всего с крестьянством, коррупция, личным амбициям лидеров, недооценке последствий антипатриотического сотрудничества с «интервентами» - вчерашними союзниками по Антанте, наконец, конфронтации с социалистическими антибольшевистскими партиями и политиками (особенно с эсерами).

Обобщая оценку вышеперечисленных изданий, можно выделить очевидные тенденции в историографии Белого движения. Если в начале 1990-х гг. внимание ученых привлекали вопросы гражданской войны вообще (отсюда и большое количество докторских и кандидатских диссертаций с обширным территориальным и проблемным охватом), то теперь все больше внимания уделяется частным темам, что позволяет углубленно их изучать. Однако для дальнейшего развития историографии необходимо все же не забывать и о комплексных исследованиях.

Одним из путей осуществления данной тенденции может стать издание сборников статей, в совокупности отражающих ту или иную сторону проблематики гражданской войны в России. Показательным примером издания подобного рода можно считать сборник «Гражданская война в России. События, мнения, оценки», посвященный памяти профессора Ю.И. Кораблева, и увидевший свет в 2002 году²⁶. Развернутый анализ сборника был дан в рецензии В.О. Дайнеса («Вопросы истории», № 1, 2003). Хотелось бы отметить очень подробную, содержательную статью И.В. Михайлова, анализирующую современную отечественную историографию гражданской войны. Правда вывод, к которому приходит автор, довольно категоричен: «о качественном обновлении изучения истории Гражданской войны говорить не приходится» до тех пор, пока «отечественная историография не перенасытится изучением одной из противоборствующих сторон, причем в ее «политико-романтизированном ключе». Полностью соглашаясь с тезисом о вредности «политической романтизации», нельзя забывать, что российская историография Белого движения может лишиться своей динамики и остановиться на нескольких «монопозициях», каждый из которых, с апломбом «патриарха», будет наставлять «на путь истинный» своих коллег историков. Нечто подобное уже было в историографии гражданской войны в 1960-1980-е гг. Не стоит повторять прошлые ошибки. Хороших, добротных, объективных исследований никогда не бывает много.

Данная тенденция выражается в работах отражающих историю отдельных регионов Белого фронта. В обширном исследовании петербургского историка А.В. Смолина, на основании фондов ГА РФ, а также документов архива Губерновского института, рассматривается история Белого

движения на Северо-Западе России. При этом анализируются как политические проблемы, так и вопросы экономического состояния региона, особенности военных действий²⁷. Уже вполне сложилась школа историков Белого движения на Востоке России, в которой центральное место занимает Научно-исследовательский Центр «Белая Россия», редколлегия екатеринбургского альманаха «Белая армия, Белое дело» (главный редактор Н.И. Дмитриев). Довольно активно разрабатываются проблемы истории Белой Сибири. Регулярно (раз в два года) в г. Кемерово проводятся научные конференции «Белая Сибирь» (прошло уже пять конференций), по результатам которых публикуются сборники докладов участников²⁸. Их организатор С.П. Звягин известен также работами по истории государственного аппарата и, особенно, правоохранительных органов колчаковского правительства²⁹. Омским историком В.А. Шуддяковым подготовлен и сдан в печать обширный труд по истории Сибирского казачьего Войска в годы первой мировой, гражданской войн и в эмиграции. Известны также исследования политической работы Временного Сибирского Областного правительства, вооруженных сил белого Восточного фронта³⁰. История Белого Севера продолжает активно разрабатываться В.И. Голдиным, авторитетным исследователем гражданской войны в России³¹.

Другая тенденция заключается в значительном росте интереса к деятельности отдельных личностей участников антибольшевизмского сопротивления. Через изучение их биографий рассматривается проблематика истории Белого движения в целом или какой-либо отдельной, значимой проблемы. Вышли в свет книги В.Г. Черкасова-Георгиевского посвященная жизненному пути Главкома ВСЮР ген. А.И. Деникина, Г.М. Ипполитова «Кто Вы, генерал А.И. Деникин?»³². В серии «Досье», издательства «ОЛМА-ПРЕСС» опубликован двухтомник В.Г. Краснова «Колчак. И жизнь, и смерть за Россию», С.Ю. Рыбаса «Генерал Кутепов»³³. На обширной источниковой базе составлены сборники в серии «Белые воины» издательства «Посев». В рамках серии уже опубликованы книги «Марков и марковцы», «Каппель и каппелевцы», готовятся к изданию книги «Дроздовский и дроздовцы», «Генерал Дитерихс»³⁴. Известным историком Русского Зарубежья Н.Н. Рутычем подготовлен и опубликован сборник биографий чинов Северо-Западной армии «Белый фронт генерала Юденича»³⁵. Но при этом интерес к персоналиям Белого движения сводится преимущественно к военным – лидерам и высшему командному составу белых армий. Политикам, деятелям белогвардейских правительств, уделяется существенно меньше внимания.

Среди аспектов военной истории Белого движения можно отметить постепенный отход от детального изучения тех или иных боевых операций, перечисления полков и дивизий белых армий и сосредоточенность на изучении особенностей формирования, социального состава, организации белых армий. Первое такого рода обзорное исследование московско-

го историка В.Ж. Цветкова было посвящено Добровольческой армии³⁶. Развернутая характеристика офицерского корпуса ВСЮР была дана в книгах С.В. Волкова³⁷. Им же были подготовлены уникальные справочники, содержащие биографии офицеров и генералитета Белого Юга, на основании которых издана обобщенная «Энциклопедия гражданской войны. Белое движение»³⁸. Глубокий анализ особенностей социального состава, профессиональных навыков, идеологии офицерского корпуса Российской армии адм. Колчака посвящена комплексная монография историка из Челябинска Е.В. Волкова³⁹.

Вообще издание биографической литературы является достаточно перспективным направлением историографии, поскольку позволяет заполнить многие лакуны по персоналиям тех или иных участников Белого движения. Первые подобные исследования принадлежали перу Н.Н. Рутыча⁴⁰. В 1999 году увидел свет справочник петербургского историка В.В. Клавинга «Белая Гвардия», однако биографии, помещенные на его страницах, относились не столько к деятелям Белого движения, сколько ко всем участникам антибольшевизмского движения в России в годы гражданской войны⁴¹.

Определенный интерес представляют исследования Белого движения в рамках вспомогательных исторических дисциплин – униформологии, вексиллологии, геральдике, нумизматике⁴².

Наконец, нельзя не отметить издание неперiodических альманахов, специализирующихся на изучении истории Белого движения – московской «Белой Гвардии» (главный редактор В.Ж. Цветков) и екатеринбургского «Белая армия, Белое дело» (главный редактор Н.И. Дмитриев). Екатеринбургское издание ориентировано, преимущественно, на историю Белого движения на Востоке России⁴³. «Белая Гвардия», имея больший объем и региональный охват, в своих тематических номерах рассматривает проблемы Белого движения в самых различных его аспектах, организует самостоятельные научные конференции⁴⁴. Материалы нескольких из них, состоявшихся в октябре 2000 г. в г. Севастополе, и в апреле 2002 г. в г. Челябинске опубликованы отдельными сборниками в издательстве «Посев»⁴⁵. Также нельзя не отметить таких изданий как «Новый Часовой», «Вестник РОВСа», «Наши вести» (Санкт-Петербург), «Доброволец» (Севастополь), «Доброволец» (Москва), «Новый исторический журнал» (Москва), «Михайлов день» (Ямбург), на страницах которых регулярно появляются публикации по истории, главным образом военной, Белого движения.

Безусловно, явлением в исследовании Белого движения стал выход в свет уникального фотоальбома «Белая Россия. 1917-1922 гг.», содержащего более тысячи разнообразных фотографий, рисунков, карт и схем из фондов ГА РФ, Российского Государственного архива кинофотодокументов, Музея современной истории России, частных коллекций. Этот аль-

бом примечателен еще и тем, что благодаря ему вводится в научный оборот такой немаловажный исторический источник, как фотография. Альбом уже вызвал немало откликов в научной и периодической печати, по праву заслужив определение «фотолетописи» Белого движения практически всех регионов России⁴⁶.

В последние годы в изучении Белого движения активно используются средства Интернета. Уже существует около 10 отдельных сайтов, в той или иной степени посвященных истории Белого дела и белых армий. Среди них можно отметить сайт альманаха «Белая Гвардия», «сайт Андрея Ганина», сайт С.П. Звягина «Белая Сибирь» и сайт С.В. Карпенко «Белое дело», сайт С.В. Волкова, сайт РОВСа И.Б. Иванова, сайт издательства «Посев» Б.С. Пушкарева и А.Ю. Штамма, сайт «Память чести». Сайты регулярно обновляются и пользуются большим интересом среди пользователей «всемирной паутины». Форумы, работающие на сайтах РОВСа и «Память чести», затрагивают самые разнообразные вопросы по истории боевых действий, внутренней политики Белого движения.

Итак, подводя итог анализу историографии Белого движения за последние 5 лет следует выделить развитие нескольких приоритетных направлений. Это – выявление и публикация новых источников, изучение социально-политических проблем и разнообразные исследования в области военной истории. Тем не менее, за последние годы существенно уменьшилось число комплексных, обобщающих исследований, слабо изучается среднее и младшее командное звено белых армий, практически нет работ посвященных состоянию белого тыла, анализу экономической политики Белого движения, и, особенно таких ее составляющих как промышленная, аграрно-крестьянская, финансовая, социальная политика. Из числа немногих специальных работ по экономической политике белых правительств, увидевших свет за последнее время, можно выделить, пожалуй, только монографию московского историка С.В. Карпенко и серии статей екатеринбургского исследователя Н.И. Дмитриева⁴⁷. Большинство же авторов обращаются к экономическим вопросам лишь в контексте анализа Белого движения в целом по России или в отдельном регионе. Очень мало работ по идеологии Белого дела.

Части изданной за последние годы литературы присущ описательный подход в освещении Белого дела, нередко проявляется его идеализация, гражданская война рассматривается порой только как противостояние двух сил, - «красных» и «белых» - при пассивном отношении к этой борьбе российского населения и т.д. Многим исследованиям свойственна излишняя публицистичность, некритическое отношение к используемым источникам. Так, например, при анализе причин поражения белых армий многие исследователи дословно повторяют оценки Н.В. Устрялова, П.Н. Милокова, генералов А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, А. Будберга, А.А. фон Лампе, практически не сравнивая их с другими авторами. Сле-

дует помнить, что рассматривать Белое движение можно только в контексте всей общественно-политической истории России XX века, истории политических партий и объединений.

Перспективы историографии Белого движения достаточно обширные. Останавливаться на достигнутом рано. Фрагментарность, мозаичность характерны именно для современного, поискового и дискуссионного, периода. Для создания большого числа обобщающих многоплановых исследований и монографий еще потребуются немалый объективно необходимый срок. Необходимо продолжать изучение этого уникального явления отечественной истории XX века и делать это с учетом уже достигнутых результатов российской исторической науки.

Примечания:

¹Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998; Тор-мазов В.Т. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., РВЭ, 1998; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.). Архангельск, 2000.

²Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М., 1990; Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989; Иоффе Г.З. «Белое дело» Генерал Корнилов. М., 1989; Иоффе Г.З. «Белое движение могло победить» // Посев, № 11, 2003.

³Карпенко С.В. Крах последнего белого диктатора. М., № 7, 1990.

⁴Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917 – 1918 гг. М., 1996; Ушаков А.И., Федюк В.П., Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920 гг. М., 1997.

⁵Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 – 1920 гг. М., 1993.

⁶Венков В.Д. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов на Дону, 1995; Гражданов Ю.Д. Союз орлов. Белое дело России и германская ин-

тервенция в 1917 – 1920 гг., Волгоград, 1997.

⁷Зиминова В.Д. Белое движение в России. Волгоград, 1997.

⁸Гуль Р. Ледяной поход, Деникин А. Поход на Москву, Гуль Р. Жизнь на фуске. М., 1990; Славцов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990; Туркул А.В. Дроздовцы в огне. М., 1991; Врангель П.Н. Записки. Кн. 1-2, М., 1991.

⁹Архив русской революции. М., т. 1-22, 1991-1993.

¹⁰Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Под редакцией С.В. Карпенко. М., 1992-1993.

¹¹Деникин А.И. Очерки русской смуты. тт. 1-2, М., 1991.

¹²Поляков Ю.А. Проспект издания «Истории гражданской войны». // История СССР. 1990, № 2.

¹³Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.

¹⁴Военная Быль, Москва, №№ 1-10, 1993-1998. Под редакцией А.С. Кручинина; Казачий Круг, №№ 1-2, М., 1991.

¹⁵Ганин А.В. Белые генералы. М., 1998; Дерябин А. Белые армии в гражданской войне в России. Исторический очерк. М., 1994; Белое движение на Юге России (1917-1920 гг.): неизвестные

страницы и новые оценки. Сборник статей. М., 1995.

¹⁶Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999; См. также: ГА РФ. Путеводитель. т. 5, Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917-2000 гг.). М., 2001; ГА РФ. Путеводитель. т. 6, Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. М., 1998.

¹⁷Милоков П.Н. Россия на переломе. М., 2001; Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001; Львов Г.Е. Воспоминания. М., 2002; Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2001; Мамонтов С. Походы и кони. М., 2002; Шульгин В. Последний очевидец. М., 2002.

¹⁸Из последних изданий А.И. Деникина можно отметить: Деникин А.И. Путь русского офицера, Очерки русской смуты. М., 2002; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты, тт. 1-5, М.-Минск, 2002; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты, т. 1, М., 2002.

¹⁹Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном Главнокоманду-

ющем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. В 2-х тт. // Серия «Россия. XX век», Международный фонд «Демократия». М., 2003.

²⁰Всероссийский Национальный Центр. М., 2001; Совершенно лично и доверительно. Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919 – 1951 гг. Под ред. О.В. Будницкого. тт. 1-3, М., 2001, 2002.

²¹Первые бои Добровольческой армии. М., 2001.

²²Зарождение Добровольческой армии. 1-й Кубанский («Ледяной») поход. М., 2001; Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. М., 2002; Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. М., 2002; Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003; А.В. Колчак. Исследователь, адмирал, Верховный Правитель России. Автор и составитель И.Ф. Плотников. М., 2002 и др.

²³Молчанов В.А. Газетный мир антибольшевистской России. М., 2001; Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917-1920 гг.). СПб, 2000.

²⁴Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

²⁵Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 гг.). М., 2000.

²⁶Гражданская война в России. События, мнения, оценки. (Памяти Ю.И. Кораблева). М., 2002.

²⁷Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. СПб, 1999.

²⁸История «Белой» Сибири. Тезисы научных конференций. Под редакцией С.П.

Звягина, Кемерово, 1997, 2000, 2002.

²⁹Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995.

³⁰Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997;

³¹Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918 – 1920 гг. М., 1993; «Белый Север, 1918-1920 гг. ч. 1, 2, под ред. В.И. Голдина, Архангельск, 1993; «Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919 гг.)». Под ред. В.И. Голдина, Архангельск, 1997.

³²Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин, 1999; Ипполитов Г.М. Кто Вы, генерал А.И. Деникин? Самара, 1999.

³³Краснов В.Г. Колчак. И жизнь и смерть за Россию. кн. 1-2, М., 2000; Рыбас С. Генерал Кутепов. М., 2000.

³⁴Марков и Марковцы. М., 2001; Каппель и каппелевцы. М., 2003.

³⁵Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002.

³⁶Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. М., 2000.

³⁷Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

³⁸Волков С.В. Белое движение в России: состав, организационная структура. М., 2000; Его же: Первые добровольцы на Юге России. М., 2001; Его же: «Энциклопедия гражданской войны. Белое движение». СПб. – М., 2002.

³⁹Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001.

⁴⁰Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии

и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения), М., 1997; Второе издание – 2002.

⁴¹Клавинг В.В. Белая Гвардия. СПб., 1999.

⁴²Петерс Д.И. Дополнительные материалы к истории наград периода гражданской войны и Белого движения. 1918-1922 гг. Филадельфия, 1997; Дерябин А., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России. 1917-1922 гг. Белые армии. М., 1999; Дерябин А.И. Белая армия на севере России. 1918-1920 гг. М., 2002; Его же Белые армии Северо-Запада России. 1918-1920 гг. М., 2002.

⁴³Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. №№ 1-12., 1993-2003.

⁴⁴Белая Гвардия. Исторический альманах. №№ 1-7, 1997-2003.

⁴⁵Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции. СПб., 2002; Гражданская война на Востоке России. М., 2003.

⁴⁶Белая Россия. 1917-1922 гг. Фотоальбом. Составители В.Ж. Цветков, Б.С. Пушкарёв. М., 2003.

⁴⁷Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917-1920 гг.). М., 2003; Дмитриев Н.И. Чрезвычайное Государственное Экономическое Сопровождение: как это было. // Белая армия, Белое дело, Исторический альманах, Екатеринбург, № 1, 1996, с. 65-101; Его же: «Новое железнодорожное строительство в Сибири при Российском правительстве адмирала А.В. Колчака. // В сб-ке: «История «Белой» Сибири. Тезисы 2-й научной конференции, Кемерово, 1997, с. 81-84 и др.

И.В. Сибиряков

Образ гражданской войны в сети Интернет

В начале XXI в. компьютерные технологии становятся важным элементом не только системы образования, но и образа жизни многих людей. Доля информации, которую молодые люди получают из сети Интернет, постоянно растет и, наверное, уже недалеко то время, когда именно Интернет будет формировать основные информационные потоки, стереотипы мышления, картину восприятия мира не только тысяч энергичных хакеров, но основной массы школьников и студентов нашей страны. Уже сегодня сеть является хорошим подспорьем для написания реферата или электронного общения с единомышленниками, уже сегодня ее авторитет нередко превышает авторитет школьного учителя или университетского профессора. И с этим фактом глупо не считаться.

Именно поэтому важно вовремя уловить основные тенденции развития сети, которая достаточно давно ведет себя подобно живому организму, создавая принципиально иную информационную, а значит политическую и историческую среду.

Готовясь к данной конференции, мы попытались установить основные тенденции в развитии сетевого образа гражданской войны, обработали данные почти 100 сайтов, так или иначе связанных с проблемами отечественной истории и получили следующие результаты.

Во-первых, очевидно, что тема гражданской войны в России остается одной из самых востребованных исторических тем, из тех, что постоянно присутствуют в сети. Ее популярность связана не только и даже не столько с обязательным изучением данной проблемы в школе или вузе, сколько с особой определяющей ролью этой темы в истории страны.

Гражданская война – это фундаментальное историческое событие, оказавшее огромное влияние на все процессы, происходившие в России в 20-е, 30-е, 40-е гг. XX в. Это признают практически все участники сетевого пространства. Учитывая тот факт, что сеть всегда была очень чутким индикатором общественных настроений, можно констатировать, что российское общество сегодня понимает особую важность проблем, так или иначе связанных с историей гражданской войны.

Возможно, интерес к данной проблематике, связан и с постоянно существующей в России угрозой повторения такого конфликта, которая осознанно или подсознательно, но фиксируется людьми. «Предчувствие гражданской войны» находится в исторической памяти русского этноса на уровне некоего культурно-исторического кода, без которого выживание самого этноса было бы просто невозможным.

Во-вторых, почти всеми, работающими в сети, признается особый трагизм данной темы. В сети практически нет анекдотов и карикатур на тему гражданской войны, почти отсутствуют компьютерные игры с таким сюжетом, в качестве музыкальных заставок используются печальные мелодии. Мы используем обороты «практически» и «почти», так как прекрасно понимаем безграничные масштабы сети. Мы оперируем лишь на очень небольшом сегменте этого информационного монстра, но при этом исходим из того, что именно в данный сегмент и попадает большинство обычных российских пользователей Интернета. Мы понимаем, что любая трагедия не может восприниматься всеми жителями земли как трагедия. Это исключено в силу фундаментальных определяющих особенностей человеческого социума. Поэтому мы вполне допускаем возникновение компьютерных игрушек, где главными героями станут Махно или Фрунзе, Чапаев или Колчак, которые, переходя с одного уровня на другой, будут «мочить» белых или красных. Против такого цинизма нет стопроцентной защиты. Но сейчас мы констатируем отсутствие массовой популярности таких игр и как следствие их незначительное количество. При этом мы, конечно, помним о том, что компьютерные технологии пока ориентированы на представителей среднего класса и фактически в массовом порядке недоступны социальным низам.

В-третьих, слабая изученность темы, которая подтверждается многократными призывами «продолжить разработку», «написать настоящую историю», «вспомнить героев» и т.д. Создатели многих сайтов очень легко отвергают тот историографический багаж, что был накоплен в предшествующие годы. Эффект «чистого листа» играет со многим интернет-технологами очень злую шутку. Они в третий, а то и в четвертый раз открывают Америку и изобретают колесо. Возможно, этот комплекс первооткрывателя связан с особенностями технического образования, а возможно, просто с возрастом создателей интернет-материалов.

Материалы, посвященные истории гражданской войны, и размещенные в сети очень условно можно разделить на следующие группы:

1. Документы нормативного характера (приказы, постановления, декреты). Особенно много документов такого типа можно отыскать в электронной библиотеке исторического факультета МГУ здесь превалируют декреты советской власти и на сайте «Белая гвардия», где размещены тексты деникинских указов. Достаточно большое количество документов по истории гражданской войны содержится на сайте «Заметки на полях».

2. Выступления, статьи, тезисы руководителей, как белого, так и красного движения. В этом плане очень неплохая подборка текстов собрана в библиотеке «Из архивов русской революции». Здесь представлены основные работы В.И. Ленина, Л.Д.Троцкого, Н.И. Бухарина и др.

3. Воспоминания известных руководителей белого и красного движений (фрагменты или полноформатные тексты). Так воспоминания

П.Н. Врангеля и А.И. Деникина выставлены на упомянутых уже сайтах «Белая гвардия» и «Из архивов русской революции, воспоминания Г. Махно и П. Краснова в самой большой русскоязычной электронной библиотеке – библиотеке Максима Машкова, воспоминания Дыбенко на сайте www.military.lib.ru.

4. Фотографии (как правило, это парадные портреты руководителей белого и красного движений. Обращает на себя внимание очень небольшое количество бытовых фотографий эпохи гражданской войны и низкое качество многих снимков, а так же отсутствие развернутых комментариев). Наиболее показательны в этом плане фотографии, размещенные на сайте «Белое дело».

5. Карты (представлены, как черно-белые, так и цветные карты, но изображения несут статичный характер, то есть возможности компьютерных технологий в полной мере не используются). В этом плане большой интерес могут представлять карты, размещенные на сайте «Генштаб. Ру» и карты, размещенные на сайте «РККА» (www.rkka.ru).

6. Форма и знаки отличия различных войсковых подразделений, принимавших участие в гражданской войне. С точки зрения информационной насыщенности, особого внимания к деталям в этом плане исследователям мог бы быть полезен сайт Ю.Веремева (www.armor.kiev.ru).

7. Плакаты времен гражданской войны (цветные и черно-белые, эмоционально яркие они дают очень полезную информацию о так называемой информационной войне, которую вели противоборствующие стороны в 1917-1922гг.). Большинство плакатов, размещены на сайтах различных региональных музеев. Интересной в этом плане представляется экспозиция Екатеринославского музея, выставленная на сайте dr.ua, а так же галерея военных плакатов на сайте mina.ru и сайте «Генштаб.ру».

8. Фрагменты художественных произведений (стихи, проза). Здесь, как правило, предпочтение отдается творчеству Маяковского, Волошина, Блока. Однако большинство произведений, размещенных в сети, даны без каких-либо комментариев. Особый интерес для исследователей, представляют журналы 20-х годов, размещенные на сайте «Советская литература». Здесь есть не только краткое описание нескольких десятков журналов, но и полнотекстовые версии журналов «Красная Новь», «На посту», «Леф», в которых были помещены разнообразные материалы, затрагивавшие проблемы гражданской войны (www.ruthenia.ru/sovlit).

9. Исследовательские материалы, которых в сети становится все больше и больше. Однако обращает на себя внимание тот факт, что на сегодняшний день в сети размещено очень мало материалов, созданных специально для тематических сайтов. В основном речь идет об электронных вариантах уже сделанных ранее научных публикаций. Даже в специальных электронных журналах («Мир истории» или «Сибирская заимка», нередко размещаются уже изданные ранее материалы).

10. Электронные книги памяти. Одна из первых таких книг была создана Сергеем Волковым на сайте «Белое движение» (ru)

11. Фрагменты учебников и учебных пособий

Основные тенденции, которые можно выделить при анализе материалов, размещенных в сети:

1. Очевидное преимущество сайтов, посвященных истории Белого движения. Оно проявляется и в количественном и в качественном плане. Точное соотношение установить невозможно. Но, отработав около 100 сайтов, так или иначе связанных с историей гражданской войны, мы можем говорить о примерном соотношении 1 к 3. Что касается преимуществ технического оформления то здесь можно отметить удобный интерфейс, богатую цветовую и графическую гамму, информационную насыщенность. В этом плане особо выделяется сайт «Белое дело», веб-мастером которого выступает Анна Надточенко. Привлекательно смотрится и виртуальный сервер Дмитрия Галковского. Однако и другие сайты, посвященные Белому движению, в техническом плане выглядят на порядок выше конкурентов. Чувствуются большие деньги, что позволяет предположить определенную политическую ангажированность данных проектов. Третьим преимуществом данных сайтов можно назвать глубину подачи материалов.

2. Слабый интерес к проблемам локальной и социальной истории. Крайне редко в центре внимания создателей сетевых материалов оказываются неизвестные широкому кругу пользователей сети военные операции или участники конфликта. Очень приятным, но редким все-таки исключением является сайт И.Н. Комендровского «Гражданская война в России. 1917-1922гг.» Сайт содержит очень много интересной информации, посвященной истории гражданской войны на Кубани. Очень перспективно в этом направлении уже несколько лет работают авторы сайта «Сибирская заимка». Но особенно можно отметить работу В.Соколова «Партизанское и повстанческое движение в Причумышье (1918-1922гг.)». Этот сайт практически полностью посвящен анализу истории гражданской войны в этом относительно небольшом уголке Алтайского края. На сайте содержатся очень интересные мемуары, фотографии, фрагменты художественных произведений. Но в целом таких сайтов в сети все еще в очень немного.

3. Объединение всех антибольшевицких сил в единый лагерь и попытка выстроить такой единый «виртуальный» антибольшевицкий фронт.

Основные проблемы, которые, на наш взгляд, сегодня существуют в сети:

1. Очень показательная политизированность большинства материалов. Полемиическая заостренность. Очевидно, желание многих авторов найти и оправдать «победителей» или «побежденных». В центре полемики оказались такие вопросы, как вопрос о причинах гражданской

войны, ее участников, терроре, итогах. Предпринимаются попытки создать альтернативные сценарии развития многих военных операций. В этом плане можно отметить усилия уже упомянутого И.Н. Комендровского, которые пока не получили должной поддержки. Но нет целостности, нет общей картины гражданской войны и что особенно тревожно, нет диалога.

2. Слабое изучение роли иностранной интервенции в истории гражданской войны.

3. Отсутствие в сети достаточного количества архивных материалов, причем в первозданном виде, что особенно важно для профессиональных историков. Здесь ученые большие надежды связывают с открывшимся весной 2001г. сайтом «Архивы России». Остальные архивные сайты, подобные сайту «Археобиблиообаза» или сайту ГАРФ ([http:// garf.narod.ru](http://garf.narod.ru)) дальше электронных версий путеводителей, пока не идут.

4. Слабая работа форумов, гостевых книг, почтовых ящиков, интернет-конференций.

5. Удивительный региональный разброс материалов. Первенство, безусловно, принадлежит Сибири и Дону. Намного слабее в сети представлены такие регионы как Урал, Поволжье.

6. Недостаточное количество аналитических материалов, специально подготовленных для сети.

7. Ощущается нехватка переводных материалов иностранных исследователей, подобных книге Я. Грея «Сталин. Человек истории», размещенной на сайте <http://knigidz.nm.ru>.

Детали, которые вызвали особое внимание в ходе работы с сайтами:

1. Цветовая гамма главных страниц большинства сайтов, посвященных позиции большевиков и Красной Армии, выдержана в красно-черных тонах, а посвященных белому движению, в сине-белых.

2. Большое количество объемных текстовых материалов, которые слабо воспринимаются пользователем.

3. Анонимность многих сайтов, веб-страниц, материалов.

4. Низкие рейтинги в топ-листах поисковых систем (Рэблер, Яндекс)

Вывод: если обычный молодой человек, не владеющий в совершенстве английским языком, пожелает получить в сети информацию о гражданской войне в России, но не в форме реферата или контрольной работы, он сможет при известном усердии узнать достаточно много новых интересных фактов, увидеть и прочитать новые тексты, фотографии, карты, но понять и почувствовать трагическую суть противостояния, скорее всего, будет не в состоянии. Для этого требуется интенсивная работа мысли и живое человеческое общение, которого не заменит никакой интернетовский чат.

Представления Верховного Правителя России А.В. Колчака о законности и правопорядке

Существует значительное число публикаций, посвященных Верховному Правителю России А.В. Колчаку. Однако до сих пор нет работы, анализирующей взгляды адмирала на проблему, вынесенную в заголовок. Между тем, вскоре после прихода к власти, в манифесте от 23 ноября 1918 г., Верховный Правитель России А.В. Колчак обнародовал свои приоритеты. «Передав мне верховную власть, – заявил он, – правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия, явится спасением; все остальное должно быть подчинено ее интересам и задачам».

Вместе с тем А.В. Колчак понимал необходимость наличия в своей программе и общегражданских целей. О них он сказал 28 ноября 1918 г. на встрече с представителями сибирских газет. «Я твердо укрепился в той мысли, – признался адмирал, – что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочных демократических основаниях». В этой связи теоретический и практический интерес представляет анализ тех причин, которые вызвали это и подобные высказывания адмирала. Здесь важно помнить предупреждение Э. Питца о том, что историк не может произвольно соединять мотивационные комплексы, выявленные им при изучении источников. Он должен найти их правильные пропорции, определить их отношения друг с другом для того, чтобы воспроизвести истинную картину мотивационных горизонтов, а тем самым картину и всей исторической действительности.

По нашему мнению, А.В. Колчак заявил об этом по следующим причинам. Во-первых, адмирал, как военачальник царской России, был государственным. Для него порядок в стране был непреложной аксиомой. Во-вторых, к либеральным мыслям А.В. Колчак мог прийти, побывав в ряде западных стран, в том числе и США. Здесь он, свободно владея тремя языками, в том числе и английским, мог познакомиться с преимуществами их государственного устройства и политической жизнью. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и влияние на Верховного Правителя его окружения, видную роль в котором играл бывший депутат 4-й Государственной думы кадет В.Н. Пепеляев. Большое воздействие на режим оказывали его коллеги по партии – В.А. Жардецкий и А.К. Клафтон. Общеизвестен тот вклад, который сделали омские кадеты для победы переворота 18 ноября 1918 г. Возможно, А.В. Колчак чувствовал себя обязанным перед этими людьми и Восточным отделом ЦК ПНС.

Мы считаем, что влиянием кадетов было обусловлено обещание Вер-

ховного правителя о том, что он не пойдет «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Неприязнь адмирала, как и многих военных, к политиканству была, по-видимому, вызвана разочарованием результатами революционных преобразований после февраля и неприятием октябрьского переворота 1917 г. В первом случае, была очевидна доминирующая роль эсеров, во втором – большевиков. Как известно, отношения кадетов с этими партиями не были союзническими.

Поэтому своей главной целью А.В. Колчак ставил не только «создание боеспособной армии, победу над большевиками», но и «установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру». Эта фраза Верховного Правителя отражала стремление «непредрешать», которому так были привержены военные руководители российской контрреволюции. Государственное устройство России тогда напрямую увязывалось с первоначальной военной победой над большевиками.

На встрече с корреспондентами А.В. Колчак посчитал необходимым еще раз вернуться к мысли о правопорядке. «Порядок и закон в моих глазах, – подчеркнул он, – являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом».

Стремясь шире ознакомить сибиряков со своей программой, Верховный Правитель распорядился распространить специальную Декларацию. Она была объявлена повсеместно на сельских сходах 7 декабря 1918 г. В ней адмирал вновь заявил, что «всегда являлся сторонником порядка и дисциплины, а теперь в особенности». Он прямо сказал, что будет требовать от всех не только уважения права, но и поддержания порядка и примет все меры по борьбе с насилием и произволом. В заключении Верховный Правитель призвал всех граждан к единению и борьбе с большевизмом, к труду и жертвам. В этой связи можно обратить внимание как на стремление адмирала расширить социальную базу своего режима, так и постоянно присущую руководителям России мысль о необходимости жертв для достижения государственно значимой цели. В этом прослеживается определенная близость взглядов и белых, и красных.

Некоторые газеты посчитали своим долгом пропагандировать намерения Верховного Правителя. «Крестьянский вестник» сообщил, что цель А.В. Колчака – «водворить в стране порядок и правосудие и обеспечить личную безопасность усталому от насилия населению России». Другое издание писало о том, что «новая свободная Россия будет создана на единении правительственной власти с народом».

Вскоре реалии гражданской войны внесли коррективы в настроения адмирала. Еще 16 февраля 1919 г. выступая на банкете в Екатеринбурге в

большом зале Уральского горного училища, он повторил слова о «насаждении» законности. Однако, уже 18 февраля 1919 г., в зале Благородного собрания Перми, А.В. Колчак оговорился, что Временное правительство будет стараться базироваться на принципах демократичности, поскольку это не будет идти в разрез с требованиями беспощадной борьбы. С этим, – призвал он, – необходимо примириться.

Эту мысль он развил 22 марта 1919 г., принимая членов бюро омского блока общественных организаций в составе А.А. Балакшина, Н.А. Филашева, В.В. Крутикова и А.К. Клафтона. Тогда Верховный Правитель прямо заявил, что «основная задача власти сейчас – полное уничтожение военной живой силы большевиков и по отношению к таковой основной задачей власти, все остальное должно получить характер служебный».

Мысль о необходимости и целесообразности насилия он повторил и в первых числах июня на объединенном заседании Екатеринбургских городских дум и земской управы. В тот день А.В. Колчак вновь высказался за закон и порядок. «Только суровые военные задачи, – оправдывался он, – заставляют иногда поступаться и в условиях борьбы вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающих от таких начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности правительство». Признавали принцип целесообразности, теперь уже революционной, и по ту сторону фронта. Сейчас мы хорошо знаем, куда завели подобные «оговорки».

Уже в середине 1919 г. был поднят вопрос о «незаконномерных» действиях низших властей на местах. В тот день Верховный Правитель принял делегацию Союза сибирских маслоделов. Выслушав их, он попросил сообщать ему о каждом таком случае. Действительные виновники, – пообещал адмирал, – понесут наказание, ибо внедрение законности – одна из коренных задач власти.

Своим западным союзникам руководители омского режима также заявляли о своей безоговорочной приверженности принципу защиты основных прав человека и гражданина. «Правительство, – говорилось в одной из нот начала июня 1919 г., – признает и считает всех, без различия национальности и религии, имеющими одинаковые права рассчитывать получить защиту государства, когда нарушаются кем-нибудь их права и интересы».

Трудно судить о том насколько А.В. Колчак был искренен в своей приверженности законности. Во всяком случае, хорошо его знавший, Г.К. Гинс привел в своей книге слова Верховного Правителя о том, что «дело не в законах, а в людях». Адмирал сетовал: «... мы строим из недоброкачественного материала. Все гниет, я поражаюсь, до чего все испоганилось. Что можно создать при таких условиях, если кругом, либо воры, либо трусы, либо невежды».

Безусловно, в составе и качестве своего окружения был повинен и сам

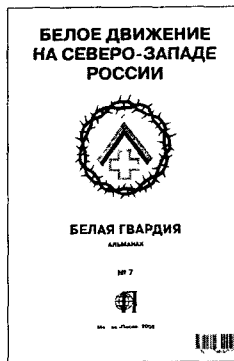
Верховный Правитель Г.К. Гинс признавал, что в «колчакии» весьма туманно понимали «законность и порядок» из-за царившего тогда повсюду «юридического шаблона», отступать от которого не хватало вдохновения. Был очевиден, на наш взгляд, недостаток не только подготовленных кадров, «вдохновения», но и политической воли лидера режима.

У авторитетного знатока проблемы Г.З. Иоффе, по-видимому, также были сомнения в приверженности А.В. Колчака, провозглашаемым лозунгам. Адмирал, – по словам историка, – считал, что решающим фактором в стабилизации режима будет победа на фронте, а не реформаторская возня в тылу, способная лишь подорвать военные усилия. Близкую позицию – занимает и Н. Перейра. Он считает, что А.В. Колчак «больше говорил о порядке и дисциплине, чем добивался их на практике». Действительно, в пользу этой точки зрения свидетельствуют высказывания самого Верховного Правителя, а главное – сибирская действительность. Четырнадцать месяцев правления адмирала оказалось достаточно, чтобы значительная часть сибиряков либо стала противником белых властей, либо стала относиться к ним равнодушно.

По нашему мнению, Верховный Правитель повторил извечную ошибку российской бюрократии, которая допускала существенное различие между «словом» и «делом». Либеральная фразеология деклараций соседствовала с повсеместным произволом «военщины», «атаманщины», милиции, властей всех уровней. Это стало одной из значимых причин поражения режима.

7-й номер альманаха «Белая Гвардия» БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ.

Седьмой номер исторического альманаха «Белая Гвардия» посвящен истории Белого движения на Северо-Западе России в 1917–1920 гг. Номер составлен на основе уникальных документов архива Северо-Западной армии Н.Н. Рутыча (Рутченко), переданного в фонды библиотеки «Русское Зарубежье», а также материалов Государственного архива Российской Федерации. Большинство их никогда не публиковались ранее и неизвестны не только российскому читателю, но и многим специалистам по истории гражданской войны в России. Когда образовалась Белая армия на Северо-Западе и из-за чего она погибла, существовала ли реальная возможность взятия Петрограда осенью 1919 года и победы в гражданской войне, была ли реальной поддержка со стороны Англии, Финляндии, Эстонии, как жил белый тыл – на все эти и многие другие вопросы отвечают исторические документы, размещенные на страницах очередного номера альманаха «Белая Гвардия». Возможно, что знакомство с этими документами изменит привычные оценки Северо-Западного фронта Белого движения. Номер иллюстрирован фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотофонодокументов, частных коллекций. Приведены карты-схемы боев за Петроград в 1919 году.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

Православное духовенство в войсках А.В. Колчака в годы гражданской войны

К началу гражданской войны православное духовенство не представляло собой единого замкнутого сословия. После либеральных реформ второй половины XIX века оно все больше превращалось в профессиональную группу, нежели оставалось духовной корпорацией. Различались духовные лица и по своим политическим пристрастиям. Особенно это стало наглядно проявляться после того, когда отдельные священники стали с 1906 г. заседать в Государственной Думе. По официальным данным к 1914 г. в России насчитывалось 67 епархий, управляемых 130 епископами, около 50 тыс. священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмах.¹

Как известно, в Российской империи существовал институт военного духовенства. В мирное время в русской армии находилось 730 военных священников. За годы Первой мировой войны в войсках служило свыше 5 тыс. лиц духовного звания.² С приходом к власти большевиков и развалом фронтов часть из них вступила в ряды воинских формирований, созданных антибольшевицкими силами.

Целый ряд иерархов церкви поддержал Белое движение и сотрудничал с его представителями. Самостоятельные церковные управления, создаваемые на окраинах страны, подчиненные белым правительствам, не считали себя раскольниками, не обращали внимания на то, что действуют вразрез официальному мнению Патриарха. Последний, как известно, пытался занять достаточно нейтральную позицию по отношению к воюющим сторонам в гражданской войне, умоляя прекратить кровопролитие. В своих обращениях от 8 июля и 25 сентября 1919 г. он призывал священнослужителей воздерживаться от поддержки любой власти, а октябрьское послание запрещало встречать белых колокольным звоном и молебнами, оказывать предпочтение той или другой стороне.³ Такие шаги главы Церкви обуславливались, во-первых, этикой христианства, как религии, стремившейся предотвратить истребление людей, тем более соотечественников. Поэтому Святейший выступал против насилия с любой стороны, будь то красные или белые. Он стремился удержать церковь в стороне от гражданской войны. Во-вторых, следует заметить, что патриарх находился на советской территории, и многие его шаги контролировались властями. Таким образом, Святейший вынужден был лавировать и действовать осторожно, чтобы сохранить церковную организацию.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 02-01-00492 а / Т.

Почему же священники, служившие в антибольшевицких воинских формированиях и просто помогавшие Белому движению, не придавали особого значения позиции Патриарха, и действовали вразрез его официальных обращений? Видимо здесь сыграл свою роль длительный так называемый Синодальный период в истории Русской Православной Церкви, когда Патриарха во главе духовенства не было. После Февраля 1917 г. власть государства над церковью значительно ослабла. Духовенство почувствовало себя более свободным. Не прошел бесследно для него и период думской монархии. Даже Поместный Всероссийский Собор РПЦ в своем постановлении о должности патриарха, указал, что он первый среди равных православных иерархов страны.

В то же время, призывы Патриарха, хотя и не частые, к руководителям Советской России прекратить террор, позволяют констатировать его определенную духовную близость к тем, кто встал в ряды антибольшевицких сил. Об этом свидетельствуют воспоминания бывшего личного адъютанта А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева, где он приводит следующий факт, опровергать который, у нас нет оснований. В первых числах января 1919 г. с Верховным Правителем встретился священник, прибывший в крестьянской одежде от Патриарха из Советской России с личным письмом к адмиралу и изображением святого Николая Чудотворца. Письмо содержало благословение Патриарха «на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси».⁴

Еще в ноябре 1918 г. в Томске состоялось Соборное совещание «сибирских и приволжских архипастырей и членов Всероссийского Церковного Собора», утвердившее Высшее Временное Церковное Управление, которое должно было прекратить свою деятельность «с момента восстановления сношений со Святейшим Патриархом, которому и отдаст отчет в своей деятельности». В его состав входили в качестве председателя архиепископ Томский, два епископа, два пресвитера, два мирянина из членов Всероссийского Поместного собора.⁵ Новое, уже колчаковское, правительство признало это учреждение.

Если говорить о военном духовенстве, то по штату в любой армии имелись полковые священники, благочинные гарнизонов и дивизий, священники армий. Значительное количество духовных лиц находилось при лазаретах. Все они, в свою очередь, подчинялись Главному Священнику Армии и Флота, представляя ему доклады о своей деятельности и о духовном состоянии воинских частей.

Главным Священником Армии и Флота вооруженных сил А.В. Колчака в феврале 1919 г. был избран пятидесятилетний протоиерей Александр Касаткин, служивший с октября 1916 г. Священником 1-й армии. Он в свое время окончил Костромскую духовную семинарию, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Имел ордена Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 4-й и 3-й степени с мечами.

Согласно положению о Главном Священнике Армии и Флота, утвержденному военным министром в мае 1919 г., он избирался Высшим Временным Церковным Управлением и утверждался Верховным Правителем. Ему были подчинены все церкви и благотворительные учреждения военного ведомства. В его компетенцию входило назначение благочинных и закрепление за ними церквей, не принадлежащих дивизиям. Он мог ходатайствовать перед военным руководством и ВВЦУ о награждении духовных лиц, производить дознание по делам подчиненных ему священников и налагать на них взыскания вплоть до увольнения со службы. Осуществлял распределение имеющихся у него финансовых средств и оказывал материальную поддержку нуждающихся семей военного духовенства. Ежегодно составлял отчет о деятельности его управления на основе докладов благочинных. В своей деятельности он руководствовался церковными правилами, уставом духовных консисторий, сводом законов и сводом военных постановлений.⁶

Основные функции военного духовенства выражались в следующих действиях. Во-первых, священники выступали духовными наставниками военнослужащих и должны были проводить с ними беседы воспитательного характера и, таким образом, поднимать боевой дух армии. Как правило, военное духовенство выступало против сквернословия, карточных игр, пьянства, мародерства в армейской среде. Помимо этого священники выполняли обязанности медперсонала, помогая раненым во время боя и в лазаретах. В-третьих, осуществляли погребение воинов, выполняя соответствующие церковные обряды. Извещали о гибели военнослужащих их близких, организовывали благотворительную помощь родственникам погибших. Следует заметить, что согласно международных соглашений конца XIX – начала XX в., они, как и медики в армии, считались «некомбатантами», то есть лицами невоюющими, и пользовались статусом неприкосновенности.

В условиях гражданской войны те духовные лица, которые поддерживали Белое движение, выступали и в роли пропагандистов. Главным идеологическим постулатом для них стала идея «крестового похода» против большевиков. Такой же лозунг, неоднократно озвучивали и руководители белых армий и правительств. Такая же идея проводилась католической церковью через 14 лет в гражданской войне в Испании. Здесь церковь также встала вместе с франкистами, на защиту традиционных ценностей в обществе. Идея «крестового похода» на испанской почве получила выражение в концепции «крусады». Она гласила, что противостояние только внешне носит характер гражданской войны, но на самом деле, это крестовый поход. Целью мятежа против Испанской республики является не нарушение, а восстановление порядка. Очень похожие по своему смыслу идеи, объясняющие крестовый поход против большевизма, проводились православным духовенством и в России.

В идеологических воззрениях православного духовенства порой проявлялись антисемитские настроения. Они, прежде всего, были связаны с религиозными причинами и исторически сложившимся негативным отношением славянского населения России к евреям, как к людям «неземледельческой культуры», занимавшимся, главным образом, торговлей, винокурением, ростовщичеством, а затем активно участвовавшим в революционном движении. Не секрет, что в руководстве РКП(б) и других значимых постах в Красной армии и советских учреждениях находилось значительное количество евреев. Но следует заметить, что такие настроения проявлялись лишь на бытовом уровне, не став шовинистическим лозунгом. К насильственным мерам против евреев, а тем более к погромам, служители Церкви никогда не призывали.

В мировоззрении духовенства очень ярко проявлялись традиционные установки, призванные обеспечить его корпоративность. Например, очень настороженно священники относились к техническому новшеству того времени – кинематографу. Так в 1919 г. сначала в Омске, а затем в Екатеринбурге, по требованию протоиерея Сибирской армии А. Русецкого, власти запретили прокат фильма по повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей», как картину «кошунственную и оскорбительную для религиозного чувства православных людей». Кроме того, необходимо заметить, что автор повести, по мотивам которой сняли фильм, еще ранее был отлучен от Церкви. В другой раз духовенство Владивостока наложило ограничения на съемки церковных обрядов кинокамерой.⁷

Если говорить о службе военных священников, то среди них также имелись свои герои. Так в годы русско-японской и Первой мировой войн за боевую доблесть специальной наградой – золотым наперсным крестом на георгиевской ленте наградили 111 лиц духовного звания, а 14 священников получили орден святого Георгия в 1914-1917 гг. Конечно, в годы гражданской войны священнослужителей, отличившихся в боях, было меньше. Но документы вооруженных формирований белых зафиксировали ряд представлений к наградам лиц духовного сана. К примеру, летом 1919 г. в бою отличился священник 42-го Троицкого стрелкового полка Южной армии о. И. Симонов, за что его представили к наперсному кресту на георгиевской ленте.⁸

Гражданская война, неустойчивая, быстро меняющаяся обстановка, способствовали нарушениям в среде духовенства. Порой духовные лица уличались не только в несоблюдении тех или иных церковных обетов и обрядов (священник 1-го Забайкальского казачьего полка А. Эпов венчал браки в Филиппов пост; иеромонах А. Тарасенко сожительствова с «госпожой Н.Н. Бойко»), но и в чрезмерном употреблении спиртного, в карточных играх и даже в мародерстве (священник 7-го Кузнецкого полка С.Трейеров) и растрате церковных средств (псаломщик И.Я. Попов из Владивостокского крепостного госпиталя).⁹ Недаром протоиерей А.А.Ка-

Антибольшевицкое бунтарство на Урале в годы гражданской войны: численность формирований, тактика и вооружение

саткин в марте 1919 г. издал секретное предписание, где призывал подчиненных к достойному образу жизни, соответствующему духовному сану. Нарушения норм церковной жизни священниками и церковнослужителями их вышестоящее начальство стремилось пресекать, кто-то получал небольшое взыскание, а на кого-то заводились расследования.

Почему же духовенству не удалось сплотить ряды антибольшевицких сил, опираясь на идеи Православия. Одна из причин этого, на наш взгляд, заключается в том, что само духовенство в период новой российской смуты оказалось не единым по своим политическим пристрастиям и настроениям. Всероссийский Поместный Собор показал: православное духовенство раскололось на правых и левых. К первым примыкал епископат и те, кто шел за ним. Вторые, главным образом, опирались на более радикальные слои в среде приходских священников. Другая причина, видимо, состояла в том, что в массе своей духовенство верило в монархическую идею, в ее возрождение, так как сознание, тем более традиционное, меняется очень медленно. А лидеры Белого движения в основном ориентировались на республиканские лозунги, на идеалы Февральской революции, отсюда и та пропасть непонимания, неприятия между ними и православным духовенством. Будущее страны они видели совсем по-разному. В-третьих, российское общество, вступившее в индустриальную стадию своего развития, прежде всего, жило светскими, а не религиозными идеалами. Авторитет духовенства в обществе постепенно падал.

Например, в Испании, где даже в 30-е гг. XX в. население, особенно сельское, в большинстве своем оставалось глубоко религиозным, единой католической церкви удалось сплотить вокруг себя антиреспубликанские, антисоциалистические силы, победа которых означала и победу церкви, Испания была объявлена католическим государством. В российской гражданской войне такое духовное единство между служителями Русской Православной Церкви и белыми генералами отсутствовало.

Примечания:

¹Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – С.35.

²Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк, 1954. – Т.2. – С.93.

³Пospelовский Д. Православная российская церковь и гражданская война // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994. – С.113; Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917-1922 гг. // Вопросы истории. – 2000. – № 7 – С.60.

⁴Князев В.В. «Жизнь для всех и смерть за всех». Записки личного адъютанта А.В.Колчака. – Кирово-Чепецк, 1991. – С.20-21.

⁵РГВА (Российский государственный военный архив). Ф.39597. Оп.1. Д.97. Л.6.

⁶РГВА. Ф.40253. Оп.1. Д.5. Л.1-2.

⁷Там же. Ф.40253. Оп.1. Д.2. Л.487-488; Д.6. Л.47.

⁸Там же. Ф.39606. Оп.1. Д.38. Л.188-189.

⁹Там же. Ф.40253. Оп.1. Д.10. Л.4-20, 21, 22, 27, 28, 29, 34, 44.

Одним из важнейших аспектов истории крестьянского бунтарства в период Гражданской войны остается вопрос о численности и вооружении восставших. Благодаря умелому оперированию цифрами, большевицкому лагерю удавалось «объяснять» свои неудачи «исключительно» численным превосходством бунтующих, а также отличным вооружением последних, полученным, якобы, благодаря связям с основными силами контрреволюции, что также «работало» на идею принадлежности антисоветской оппозиции в деревне к «диктатуре Колчака и Деникина»¹. Так, с севера Екатеринбургской губернии в губернский центр летом 1918 г. поступила депеша о победах частей Красной Армии над восставшими крестьянами: «Тов[арищ] Вайнян² сообщает, что станцию Рудянку заняли без боя сегодня в 7 часов. Жалкие остатки [восставших] отошли на Верхний Тагил. Мятежников отступает около трехсот человек при шести пулеметах»³. Если количество «мятежников» еще можно принять на веру (существует подтверждение из других источников⁴), то шесть пулеметов – это, скорее всего, домыслы красных командиров. (В воспоминаниях участников и свидетелей тех событий мы найдем множество подтверждений тому, что за пулеметы красные принимали обыкновенные трещотки⁵.) Но Вайняну захваченных пулеметов оказалось мало, и он сообщил о бронированном автомобиле, захваченном у «восставших невянцев»⁶.

Судя по сообщениям советской стороны, последняя побаивалась оппозицию, приписывая ей не только наличие бронетехники, но и грамотную организацию, и дерзкое осуществление своих операций, что предопределяло жестокость со стороны большевиков. Так, согласно секретной инструкции на имя «военного руководителя внутреннего фронта района Таватуй-Невянск тов[арища] Вайняна», штаб фронта поручил ему не позже, чем в 3-х дневный срок вырвать с корнем контрреволюционное гнездо, засевшее в районе между Шайтанкой и Таватуйем. История движения такова: 13-го числа (июня 1918 года – В. Т.) получена телеграмма следующего содержания: «Нижний Тагил обстреливается Невьянской белой гвардией, немедленно шлите силы. Телеграфное сообщение прервано. Военком Тагила Григорьев».

Вторая телеграмма от того же числа: «19 час. 10 мин. Высылайте немедленно силы, Тагил осаждают».

Из дальнейших переговоров выяснилось, что в Тагиле было совершенно дерзкое нападение на членов Совета, причем наступало свыше ста человек, которые, захватив с собой сто винтовок на паровозе, уехали обратно через Шайтанку – в Нижний Невьянск. Прилагаемая при сем опера-

тивная сводка от 14-го числа за № 97 рисует ход событий в этот день. В 1-й день туда было командировано сто пятьдесят железнодорожников при броневой платформе. «Но вследствие неудачного руководства платформу куда-то загнали, и наши отряды вынуждены были, оставив платформу отступить назад. В дополнение был послан латышский отряд под командой Осипова в сто человек. »⁷.

Здесь речь идет уже всего лишь о ста бойцах, вооруженных одними винтовками, и противостоящем им красном отряде железнодорожников на броневой платформе. Последняя, однако, оказалась утерянной в результате неразберихи в руководстве частями Красной гвардии. Реакция, впрочем, обычная для лета 1918 г., когда формирование «Рабоче-крестьянской красной армии» было в самом разгаре, и в качестве полков и батальонов последней выступали многочисленные партизанские отряды или «боевые рабочие дружины», а также «отряды интернационалистов», – все в спешном порядке сформированные и вооруженные, и действовавшие на свой страх и риск, с отказывающимся подчиниться большевизмским структурам командованием – в рамках отдельных губерний. Естественно и то, что объяснение своим неудачам руководство военными объединениями в борьбе с «внутренней контрреволюцией» (на востоке страны на период лета 1918 г. – исключительно крестьяне и казаки, вдохновленные выступлением чехословацкого корпуса) объясняли, зачастую фальсифицируя реальное положение дел: многократно увеличивая численность противостоящего им лагеря, вооружения, руководства и т.п.

Так, согласно докладу о состоянии 4-й уральской дивизии «т[оварища] Угрюмова» (Красноуфимское направление), от 30 октября 1918 г., противник располагал следующими силами: «На Клиновском направлении... в окрестных деревнях белогвардейские банды. На Мангашском направлении: партизанские отряды, численность которых достигает до шести тысяч человек. Отряды эти сведены в батальоны и имеют достаточное количество пулеметов и два 3-х дюймовых орудия»⁸.

Если речь идет о «партизанских отрядах» (которые в противовес красным создавала и оппозиция), то вряд ли их бойцы имели на своем вооружении столь серьезное оружие. Скорее всего, командир дивизии, стремясь оправдать свое поспешное отступление из стратегически важного района, приписал противнику артиллерию. Важно другое, летом – осенью 1918 г. Советскую власть на Урале смели не хорошо вооруженные отряды Белой гвардии (они появились лишь в самом конце того года), а самообьединенные в партизанские группы недовольные большевизмской политикой (и ее конкретными исполнителями) местные крестьяне (большинство) и воинственно настроенные – в принципе – казаки.

Известия об «огромных массах восставших» поступали и из других волостей. Быть может, численность населения волостей достигала «указанной цифры», но вряд ли все, как один, выступили в рядах бунтующих. Даже об единодушной поддержке говорить нельзя: издавна практически каждый случай массового крестьянского выступления предвлялся дере-

венским сходом, на котором «согласовывали несогласных», то есть силой заставляли колеблющихся идти со всеми⁹. Но эти колеблющиеся разбежались при первом удобном случае.

Даже принимая «на веру» такое огромное количество участников волнений, стоит обратить внимание на сообщение о том, что вооружение восставших слишком разнообразно, начиная с различного самодельного холодного оружия, кончая трехдюймовым орудием¹⁰. Именно холодным оружием, чаще всего «переоборудованным» из сельскохозяйственных орудий, и было вооружено бунтующее крестьянство, винтовки и пулеметы (а уж тем более автоматическое и артиллерийское вооружение) было редкостью, оно появлялось лишь тогда, когда его удавалось захватить во время боя или на военных складах (часть оружия попала в деревни с фронтов мировой войны, из окопов которой в глубинку России его принесли дезертиры и демобилизованные военнослужащие).

Екатеринбургская губерния: 1919 г., первые месяцы после вытеснения на восток армий адмирала А.В. Колчака. Всего за месяц здесь было изъято дезертиров 806 человек, (при чем из них большинство – красноармейцы оставшиеся при отступлении в 1918 г.), а также оружие: до 755 винтовок, два пулемета, десять дробовиков, тридцать девять револьверов, 9903 патрона, 81 пашка, десять бомб, сорок пять гранат, пять снарядов, один телеграфный провод 6500 сажень¹¹.

Действия и тактика повстанцев также не были однородны и зависели от целого комплекса обстоятельств и конкретной ситуации. Согласно рапорту, поступившему в военный совет города Перми (от 12 августа 1918 г.), «далее Осы нет никакого проезда, что в Гальянах все проходящие парходы обстреливаются»¹².

Обстреливались, правда, в слепую, не принося практически никакого вреда, и, рассчитывая более на панику, способную породить в среде обывателей и властей неподдельный страх даже перед десятком повстанцев, вооруженных двумя-тремя винтовками. А «кулацкие банды», действовавшие в Осинском уезде Пермской губернии летом 1918 г. «превосходят наши (красные – В. Т.) отряды численностью и, к сожалению даже морально. ...Имеют пулеметы-пугачи (о чем мы писали выше – В. Т.), треск которых действует на малодушных»¹³. Воюй, одним словом, не только числом, но и умением. Отсутствие вооружения компенсировалось по-иному. Восставшие крестьяне Белебеевского и Сенгилеевского уездов Уфимской губернии (март 1919 г.) «совершенно не организованы, действия их не носят характера планомерных операций, вооружены вилами, косами, немногим винтовок.

По заявлению представителя Восточного фронта Лазарева, «крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулемет, несмотря на груды трупов, и их ярость не поддается описанию»¹⁴.

Сообщения из Мензелинского, Бирского, Белебеевского и Уфимского уездов той же губернии: «массы шли прямо на убой, и, конечно, несли сильные потери от ружейного и пулеметного огня»¹⁵.

По мнению уральских большевиков, трудность борьбы с крестьянскими выступлениями (сентябрь 1919 г.) состояла в том, что «во время мятежа крестьяне посылают вперед женщин и детей, которые определенно заявляют - расстреливайте нас всех»¹⁶. Во «время восстания выступали даже женщины, ведя своих детей на штыки»¹⁷. Известны, однако, случаи, когда деревня целиком – от мала до велика – уходила в лес, оказывая настоящее сопротивление властям¹⁸.

А в политической сводке по Екатеринбургской губернии за 5 ноября 1919 г. подчеркивалось, что «никаких восстаний не было, но брожение замечается в отдельных волостях Красноуфимского уезда, где оперируют две шайки организовавшиеся из местных кулаков, не желающих встать в ряды армии, дезертируя, ведут агитацию против гражданской войны. Отдельными лицами этой шайки был произведен ряд террористических актов: ранен военком, убит член продкомитета и партийный работник [товарищ] Сольнихин. Часть шайки с главарем Бунаковым поймана, другой главарь ранен, но скрылся»¹⁹.

Здесь налицо целая цепочка антигосударственной деятельности – от антимобилизационной агитации до политических убийств. Причем удар приходился не по сочувствующим властям обывателям, а по конкретным личностям – тем, кто осуществлял мобилизацию и кто отвечал за продовольственную разверстку.

Повстанцы делали ставку не на вооружение или численность, а на собственную мобильность. Знание местности и помощь населения дополняли фактор «неуловимости» и «превосходства» повстанцев.

Не отказывались повстанцы и от принципа мобилизации, не понимая, к чему может привести насильственное «увеличение» своих рядов. Но к подобной практике прибегали, пожалуй, все противоборствующие в Гражданской войне стороны, считая ее единственно возможным средством к «пополнению» своих «сторонников». Результат – в точности до наоборот.

В результате, новое явление «зеленых», не желавших идти не только в Красную или Белую армии, но и в ряды повстанцев. Не помогали даже уговоры на деревенских сходах. Крестьянство противилось любого рода насилия. Не имела силы и объявленная восставшими «своего рода диктатура – кто не за нас, тот против нас, – и не желавших брать оружие в руки заставляли это делать силой»²⁰. Уже через день, другой «нежелавшие» по ночам просто разбегались. Не услышан был призыв «Народного союза защиты Родины и свободы» (1920 г.): «Неудачи противоборствующих армий произошли потому, что борьба с Советской Россией велась насильственно мобилизованной армией не одетой и голодной и поэтому грабившей крестьян, а не велась крестьянами, которые добровольно и сознательно вели бы эту борьбу за освобождение своих родных сел и деревень»²¹. А потому, в «действии повстанцы производят демонстрацию, стремясь внезапно породить панику»²².

«Демонстрация» срабатывала.

Не редки были случаи перехода на сторону повстанцев частей и подразделений Красной Армии. Причины к тому самые разнообразные: страх, неподготовленность к военным действиям, голод, нерадостные извести из дома...

«Действующая в районе Красноуфимска 4-я дивизия (Красной Армии – В. Т.) окончательно разбита, – сообщалась в телеграмме от 18 сентября 1918 г., – из четырех тысяч людей осталось только 3 роты с батареей.

...Выставили в тылу (3-й дивизии – В. Т.) специальную цепь с пулеметами для расстрела бегущих. В тридцати верстах от Тагила двести мобилизованных перешли в сторону чехословаков. Военсовет 3 Берзин, Смилга, Лашевич»²³.

Более прозаичным казался военком Мрачковский в своем телеграфном разговоре со штабом 3-й армии: «Положение фронта во всех отношениях угрожающее, *бьют так, что не успеваем утирать морду*. Вместе с этим не выдаем войскам продовольствия... недовольство растет с каждой минутой все сильнее войска заявляют открыто, что *они не могут передвигать ноги от голода, а не только драться...*»²⁴ (выделено мной – В. Т.).

Голодные красноармейцы не желали драться, а занимались элементарным грабежом. «О втором Екатеринбургском полке есть рекомендация, сопровождающая их в письменном виде. – Сообщалось из губернского центра. – Рекомендация чрезвычайно коротка – банда»²⁵.

Громадное влияние оказывали на красноармейцев письма из дому, где им сообщается, что семьи пухнут с голоду»²⁶.

Результатом явился перманентный процесс перехода одиночек и целых частей и подразделений Красной Армии на сторону повстанцев. В Пермском уезде, в декабре 1918 г., недавно сформированный из местного населения и расквартированный в селе Ильинском кавалерийский полк 29-я стрелковой дивизии перешел на сторону противника и «вместе с кулаками повстанцами организовал нападение на наши части. Изменил также первый Советский полк, состоящий из местных мобилизованных. Солдаты этого полка связали командира полка и Военкома тов[арища] Першина, члена Московского Совета и передали их белым»²⁷. Переход части красноармейцев с оружием в руках на сторону повстанцев был повсеместным явлением и продолжался на протяжении всего рассматриваемого нами периода, особенно в конце 1920 и начале 1921 г., когда комплекс причин, побуждающий красноармейцев изменять присяге, вобрал в себя все будоражащие сознание вчерашних крестьян социально-экономические и политические аспекты.

«...Воевать мы разучились. – Писал один из красных командиров. – Удивительно, крестьянин, вооруженный дубьем и вилами, разоружал и отбирал пулеметы у наших отрядов. Были случаи посылки орудия, пулеметов, винтовок, которые на фронте не действовали. Общего командования не было. Штаб 2-го полка превратился в помещение пыток и застенков времен дикого деспотизма»²⁸.

Измена строевых частей в сочетании с предательством в штабах и в тылу не лучшим образом влияли на настроение рядовых красноармейцев, еще не решившихся как же поступить в том случае, когда однополчане уже покинули расположение части и перешли на сторону противника.

Командование всерьез было обеспокоено все учащающимися случаями предательства.

Повстанцы, однако, не сумели использовать в полной мере подобные случаи, они не доверяли тем, кто еще вчера считал их своими врагами²⁹. Сказывалось отсутствие в среде повстанцев даже намек на пропаганду и разъяснения необходимости разумного отношения к перебежчикам.

Война остается войной, со всеми своими жестокостями (со всех сторон), кровью, жертвами, террором и беспределом – политическим и чисто уголовным. Не представляли собой исключение и повстанцы, на их совести не мало загубленных «душ», вина одних не требовала доказательств, вина других – остается до сих пор под знаком вопроса. К сожалению, войны страшны более тем, что в большей мере от противоборствующих сторон страдает мирное население, так сказать рядовой обыватель, чье единственное стремление – уцелеть в этой «мясорубке». Жестокость всегда порождает жестокость, на кровавую расправу противник всегда готов ответить аналогично, а, порой, с еще большей кровью. Известия о жестокостях и потоках крови поступали из всех регионов, ни одна губерния не стала исключением. Подобные факты не могли не сказаться на отношении к повстанцам мирного – обывательского – населения. И хотя спектр отношений и настроений последних достаточно широк, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о причинах, влияющих на обывательское мировоззрение, – тот же самый страх, что существовал и перед Советской властью.

В октябре 1918 г. настроение населения – «лишь бы не воевать на той или другой стороне»³⁰. Уборочная страда целиком захватила умы и сердца обывателя, ему было не до свержения властей или «Учредительного собрания», скорее бы все собрать с полей и получше укрыть от готовившихся к очередному штурму деревни продовольственных отрядов³¹. В Тюменской губернии, например, «часть населения на Советскую власть смотрит с точки зрения обывателя»³².

В 1919 г. ситуация несколько изменилась, обыватель многому научился, стал более избирателен. В состав Совдепов Пермской губернии, например, прошли в большинстве средние и даже зажиточные, причем оказалось, что беднота сознательно уклоняется от избрания и сама голосовала и избрала зажиточных, и «даже лиц кулацкого и спекулятивного класса». Объяснение подобного факта очень простое: «беднота не получила ничего на выборных должностях и неся таковые запускает свое и без того плохое хозяйство и положительно много теряет лично»³³. На «арену» выходил обывательский прагматизм – «хоть белые, хоть красные, лишь бы спокойно и необременительно»³⁴. Так, в Северо-Коневской волости Екатеринбургского уезда и губернии, по заявлению самих крестьян, им «все равно, что белые, что красные»³⁵.

Отсюда происходили и различия в отношении к повстанческому движению. В ряде уральских уездов (июнь 1919 г.), несмотря на то, что местное население непосредственного участия в восстаниях не принимало, все же относилось к восставшим сочувственно. Последние не разоряли крестьянское хозяйство, не обкладывали его непосильными налогами, не объявляли о перманентных труд – гужповинностях, и не изымали крестьянских лошадей. Повстанцы были местные, разорение соседского хозяйства означало репрессии против их собственного. Иное дело – «пришлые», вне зависимости от цвета флага или лозунгов.

В южной части Осинского уезда Пермской губернии осенью 1919 г. настроение деревенского обывателя характеризовалось, как «неважное», так как там «скрывается много вооруженных белогвардейцев из войск Колчака, уклонившихся от добровольной явки»³⁶. Эти «окруженцы» нередко наносили «визиты» в близлежащие к своим «схоронам» деревни, где пополняли свои запасы продовольствия, не учитывая, естественно, интересы и желание местных крестьян. В Красноуфимском уезде, если верить информатору ВЧК, «...беднота боится поднять голос, помня прошлогоднее контрреволюционное восстание возглавляемое помещиком Голубцовым», 6 ноября 1919 г. в Шаманской волости, «гражданином скрывающимся в окружающих лесах», был убит красноармеец, приехавший на поправку здоровья, а в Нижне-Исовской волости Верхотурского уезда крестьяне, «от голода [бегут] в Красную армию»³⁷.

Страх, помноженный на чувство голода, заставлял молчать, бежать из деревни, искать компромисса со всеми, порой между противниками – «кулачеством» и комбедом, дезертирами и военными комиссарами, повстанцами и чекистами, уголовниками и милицией. Конкретная ситуация заставляла мимикрировать обывателя, изворачиваться, быть более мобильным в своих действиях и осторожным в своих словах, неторопливым в выборе решения и в поиске союзников. Быть может, это предопределило преобладание «контрреволюционных» характеристик в оценках деревни, что отложились в советских и партийных документах той поры.

«Население в большинстве татарское, – сообщалось в информационном бюллетене Особого отдела ВЧК № 46 от 19-21 ноября 1919 г. о состоянии дел в восточных уездах Екатеринбургской губернии, – настроено контрреволюционно. При отходе наших частей от села Байкалово татары помогали белогвардейцам, указывали, где находятся оставленные нами орудия, фугасы и прочее. Избегают наряды и подводы, прячут лошадей, а сами скрываются по лесам»³⁸.

В лучшем случае обыватель старался Советскую власть «не замечать»³⁹. Так было проще. По Красноуфимскому уезду 2/3 населения относилось к Советской власти (декабрь 1919 г.) безразлично. Население «всячески отлынивало» от всех возлагаемых на него нарядов⁴⁰. Поступали и более тревожные сообщения. «Есть сведения, – сообщал информатор в декабре 1919 г., – что с удовольствием часть тавдинских крестьян (Екатеринбургская губерния – В. Т.) и населения (обывателей – В. Т.) дожидается

ется мобилизации до пяти лет, чтобы получить оружие каковыми воспользоваться для восстания против существующей власти...»⁴¹.

От подобных сел можно было ожидать чего угодно, вплоть до объявления войны. Вооруженные крестьяне не подчинялись никому, и любое решение государственных и партийных властей истолковывали на свой лад. Наличие в деревнях оружия придавало селянину уверенности в своей правоте и исключительности.

И все же более обыденными, особенно ближе к концу 1920 – началу 1921 г. были сообщения о неопределенном (среди населения) настроении. «Крестьяне напуганы грозящей ответственностью». «Настроение выжидательное, чья возьмет»⁴², – примерно такие же формулировки присутствовали в информационных сообщениях практически из всех регионов России⁴³. Причина одна – наблюдалась общая усталость⁴⁴.

О разнообразии мер воздействия на бунтующую деревню говорить не приходилось. Между собой сочетались: меры хозяйственного воздействия; силовые акции; агитация и пропаганда⁴⁵. Системы не было, хотя наличие стержневой идеи неизменно (самое главное – подспудно) ощущалось всегда.

Остановимся на каждой из обозначенных мер воздействия.

Экономическое воздействие отличалось заданностью, исходила из основных постулатов «военно-коммунистической» политики. Здоровый прагматизм проявлялся лишь как удивительное исключение: «спекуляция» рассматривалась, как абсолютное зло, тормозящее «продуктивный» (с точки зрения Наркомпрода) и плановый товарообмен с деревней. В уничтожении – исключительно силовыми методами – ее (спекуляции) виделась ликвидация и ненавистного рынка, и товарно-денежных отношений, и целых социальных слоев общества, а значит и «подпитки» основ антибольшевицкой оппозиции.

В Ныробской волости Чердынского уезда Пермской губернии комитетом бедноты в ноябре 1918 г. была наложена контрибуция «на кулаков», обвиненных в антисоветском заговоре, в размере 4500 рублей. В деревне Бандюме Чюраловской волости того же уезда, отрядом Чрезкома с кулаков изъят штраф в размере тринадцати тысяч рублей⁴⁶. Самое примечательное в том, что местные крестьяне не могли и представить себе таких сумм: обмен уже полгода как принял натуральные формы и дензнаков в деревнях (тем более в отдаленных районах) практически не видели. Однако рассчитано было точно, напуганные «кулаки», не сумевшие собрать указанную сумму штрафа, попритихли, и стали сторониться представителей властей, не проявляя, по крайней мере, явного, недовольства.

А в Ирбитском уезде Екатеринбургской губернии пойманных дезертиров и про штрафованных кулаков отправляли на угольные копи⁴⁷. Железнодорожный транспорт нуждался в угле, средств на нормальное обеспечение шахтеров не было, поэтому последних заменяли на дармовую рабочую силу, которая, хотя и вымирала от непосильного труда, но исправно восстанавливалась в количественном отношении – уезддезертиркомы и

революционные трибуналы трудились исправно. Подобную меру – привлечение осужденных к бесплатному труду – в скором времени возьмут на вооружение и на более высоком уровне.

Менее ретивых (не «зlostных») дезертиров задерживали и возвращали в казармы под угрозой отчуждения имущества и хлеба у запуганных семейств⁴⁸, обрекая последних на голодную смерть.

Искусственное расслоение деревни – вот что предопределяло большевицкую политику. Недаром же еще в 1918 г. считалось, что «кулацкие восстания, имевшие в [место] некоторых частях Осинского уезда (Пермской губернии – В. Т.) особенно способствовали расслоению в деревне»⁴⁹. Под определение «кулак» подгоняли всех бывших торговцев, хлебных скупщиков, спекулянтов, а также крестьян, нанимавших ранее и нанимающих до настоящего времени работников для извлечения из них прибыли; не работающих самих, занимающихся в деревне ростовщичеством, сдачей под работу хлеба, скота и других продуктов; крестьян, имеющих не менее десяти рабочих лошадей и обрабатывающих более двадцати десятин земли. Кроме того, «контрреволюционными элементами» считали всех беженцев Гражданской войны, если за время проживания в данном селе они «не рекомендовали себя как преданные советской власти граждане»; всех, живущих без определенных занятий или работающих не по своим специальностям; враждебно настроенных, не принимающих охотно участия в советском строительстве; интеллигенцию, середняков, настроенных враждебно к Советской власти, если эта враждебность в чем-либо проявилась⁵⁰. Спектр лиц, подпадающих под общее определение «контрреволюционный элемент», таким образом, достаточно широк, и справиться с ними одними мерами экономического характера власти не рассчитывали. Приоритетными оставались насильственное подавление выступлений.

О последнем явлении сохранилось более всего свидетельств, и это не случайно, так как насилие выступало (и выступает) как самый простой и эффективный способ решения любой проблемы, связанной с общественными кризисами. Особенно ярко и убедительно срабатывало насилие в годы Гражданской войны, когда право, закон, независимое правосудие и его институты уходили не то чтобы на второй план, а вообще из жизни общества. С первых дней постоктябрьской эпохи насилие заняло лидирующие позиции человеческого общения⁵¹.

Порой стремление властей подавить выступления силой и в одночасье оборачивались настоящими трагедиями. Из Кунгурского уезда Пермской области сообщали о взятых в качестве заложников, «нескольких человек крупной буржуазии» (по обвинению в агитации среди местного населения)⁵². Жители села Архангельского Стерлитамакского уезда Уфимской губернии отказались мобилизоваться. В селение прибыла карательная экспедиция в пятьсот штыков при нескольких пулеметах. Ранним утром 8 июля (1918 г.) селение было окружено. Все ценное грузилось на заранее заготовленные подводы, скот угонялся, дома взрывались гранатами. Всего было уничтожено более 3/4 селения⁵³.

Для осуществления подобного рода карательных операций летом 1918 г. приходилось снимать с уральского фронта «здоровые части эстонцев и направлять их на подавления контрреволюционных вспышек»⁵⁴, поскольку сформированные из крестьян батальоны и полки Красной Армии наотрез отказывались стрелять по «односельчанам» (не «помогли» угрозы расправы с нарушавшими присягу и показательные процессы по делу отдельных красноармейцев⁵⁵).

Сил «интернационалистов» для подавления недовольств явно не хватало. «...На целом ряде заводов свергнута Советская власть. — Указывалось в докладе Высшему Военному совету о положении дел в районе Екатеринбурга (14 июня 1918 г.). — Рабочие массы, провоцированные белогвардейцами и в особенности меньшевиками и правыми эсерами, озлобленные ухудшением продовольствия и раздраженные неумелой постановкой разрешения целого ряда вопросов, связанных с национализацией всей уральской промышленности, подняли формальное восстание против Советов. *Особенно резко выступают фронтовики, заявляющие, что они раньше всего пошлют на борьбу с чехословаками откупившуюся буржуазию, потом красноармейцев и в конце пойдут сами.* Верх-Невьянские рабочие в количестве пятисот человек ведут уже более двенадцати часов форменный бой с советскими войсками. В их руках пулеметы и даже бомбомет. Руководит ими опытная военная рука. В самом городе Екатеринбурге рабочие Верх-Исетского завода на многочисленном митинге не давали говорить представителям Советской власти и заявляли, что с чехословаками у них никакой вражды нет. *Красноармейские части стоят пока на стороне Советской власти, но настроение их непрочное. В активных действиях против контрреволюционеров — принимают участие только интернациональные роты и партийные дружины большевиков и левых эсеров. На усмирение восстания красноармейские части не посылаются.* Надо полагать, что подавление беспорядков в одном месте отобьет охоту поднимать восстание в других местах, но с настроением масс приходится волей неволей считаться военным силам, оперирующим в этом районе. Уже два раза на тыловых линиях был прерван железнодорожный путь, который восстановили, применяя вооруженную силу»⁵⁶ (выделено мной — В. Т.).

Перед карательными отрядами ставилась задача беспощадно выжигать те населенные пункты, население которых принимало участие в контрреволюционных выступлениях. Тактика «выжженной земли» оправдывалась тем, что если первое восстание будет жестоко подавлено и об этом будет широко оповещено все население уезда или губернии, то это отобьет всякую охоту к дальнейшим выступлениям «одураченных меньшевиками, правыми эсерами и белогвардейцами... масс, недовольных ухудшением продовольственного вопроса и предстоящей мобилизацией»⁵⁷.

Инструкции и приказы, отдаваемые советским военным руководством, изобиловали терминами, главная суть которых — «расправа и подавление». Так, 20 июня 1918 г. была получена телеграмма из Красноуфимска о том, что «контрреволюционное движение башкир разрастается и что

необходима поддержка советским войскам оружием и патронами... Тов[арищу] Тунтулу дана задача беспощадно расправиться с башкирами и немедленно реквизировать у них всех лошадей»⁵⁸. Месяц спустя из Верхотурья (Екатеринбургская губерния) сообщили, что деревенские восстания потребовали высылки туда карательных отрядов красноармейцев⁵⁹.

В инструкции инспектору тов[арищу] Георгенбергу, отвечавшему за подавления антисоветских выступлений на территории Екатеринбургья наказывалось «...путем арестов и расстрелов прямых виновников и путем взятия заложников нетрудно будет привести в покорность бунтующую буржуазию»⁶⁰.

Весенне-летние (1918 г.) карательные операции позволили властям «обобщить боевой опыт». В статье сотрудника ВЧК из «Еженедельника чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», с соответствующим рассматриваемой проблеме названием — «Несколько слов о предотвращении белогвардейских и кулацких выступлений в деревне», подытоживалось: «После ликвидации контрреволюционных выступлений в деревнях наталкиваемся на следующий печальный факт: активные руководители белогвардейцы — бывшие офицеры и кулаки — успевают скрыться, а ответственность за последствия ложится на спровоцированных малосознательных крестьян. В некоторых губерниях подобные явления наталкивали на мысль — в корне пресечь преступные кулацкие замыслы. Чтобы белые вместе с соцпредателями — правыми эсерами и меньшевиками — знали, что подстрекательство и провоцирование несознательных крестьянских масс на ненужные жертвы и ненужную кровь, прежде всего, отзовется на них самих. Чрезвычайные комиссии уже заблаговременно забирают заложников из представителей буржуазии, правых партий и бывшего офицерства. Как на достойный пример можно указать на Пермскую областную чрезвычайную комиссию, которая с этой целью арестовала семьдесят четыре заложника и список таковых опубликовала в местной печати. Арест заложников при создавшихся обстоятельствах надо признать экстренной мерой, но кроме этого в деле предотвращения кулацких выступлений надо приступить к еще более положительным и основательным приемам борьбы. Излюбленным коньком кулаков и белогвардейцев для их преступных целей являлся продовольственный вопрос, теперь они стали распространять самые нелепые сведения про мобилизацию красноармейцев. В деревенской жизни мобилизация представляет крупное событие и при отдаленности от культурных центров и затруднительных почтовых сношениях, одна рассылка уездными комиссариатами по военным делам соответствующих приказов о мобилизации является мерой недостаточной»⁶¹.

Статья подтверждала «стандартный» набор мер, способных «предотвратить» и «отбить интерес» к антибольшевицким выступлениям (акцентируя внимание на основополагающем элементе) — заложники. Последним отводилась и роль «живого щита».

Не всегда в документах фиксировались методы борьбы с оппозицией, но в данных случаях срабатывало желание скрыть действительность, да-

бы не нервировать и без того до смерти напуганных обывателей. Согласно информации политической сводки от 9 сентября 1918 г. в Осинском уезде (Пермская губерния) «белогвардейскими бандами была захвачена Сайгатка [...]. Теперь Сайгатка заняла обратно нашим Фокинским отрядом... Арестованы некоторые местные жители, помогавшие белогвардейцам. В Асиановской волости теперь все спокойно»⁶². «За кадром» остались события, нашедшие отражения лишь в воспоминаниях очевидцев: арестованных через час «судили» и еще через полчаса расстреляли, члены семей подверглись порке и изгнанию из родных домов, имущество конфисковано (по решению командира отряда) и передано рядовым бойцам; то, что не сумели унести, было сожжено⁶³. А в губернский центр шли потоком победные реляции, подобные ниже приведенной.

«Телеграмма в Пермь, командующему 3-й армии Берзину
1 октября 1918 года

Восстание подавлено и вырвано с корнем, банда разбита и бежит; пулемет, отобранный у продовольственного отряда главарями восстания, отобран обратно. Села, которые заняты были под штаб противника, принужден был артиллерийским огнем уничтожить, что и сделано, по приезду доложу подробности.

Воен[ный] руков[одитель] Александров»⁶⁴.

И здесь «набор» самых суровых мер карательно-репрессивного характера: вплоть до уничтожения бунтующих сел. «Тактика выжженной земли» сочеталась и со своеобразной «депортацией» мужского населения, способного носить оружие.

В Березовской волости Усольского уезда Пермской губернии «наблюдались частичные контрреволюционные выступления» (осень 1918 г.), которые подавляются местными коммунистами⁶⁵. «Методика» была проста: местные большевики, вооруженной группой в пять – десять человек заходили в дома «потенциальных» (по их мнению) контрреволюционеров, подвергали подозреваемых аресту, собрав, таким образом, пять человек, выводили их на сельское кладбище, где тут же расстреливали. И шли за следующей партией. После расстрела второй пятерки, деревня опустела, жители, бросив все свое добро, бежали в ближайшие села. Вернуть их обратно удалось только через неделю, причем убедительным оказался довод не о вине местных «инквизиторов», а о приближающихся сильнейших морозах⁶⁶.

Быть может, события в Усолье послужили одной из причин того, что в информационных сводках с тех пор учитывались все случаи ненасильственного решения проблем, связанных с крестьянскими выступлениями.

Приказ № 94 президиума ВЧК губернным чрезвычайным комиссиям «об улучшении разъяснительной работы среди деревенской бедноты и усиления борьбы с контрреволюцией» (от 4 декабря 1918 г.), в котором предписывалось немедленно установить негласный надзор за всеми крупными селами и волостями, агитирующих арестовывать, выяснять личности и препровождать в уездные и губернские чрезвычайные комиссии⁶⁷.

Но до чрезвычайных комиссий арестованных, как правило, не доводили. Захваченный пермский крестьянин Семен Томилов, «вез на лошади через заставу трех человек крестьян к белым с целью поступить в армию белых. Все четверо *преданы земле*»⁶⁸ (выделено мной – В. Т.). Страшная, но типичная формулировка тех лет. О том, откуда стало известно о намерениях пассажиров Томилова остается непонятным. Скорее всего, с арестованными не стали разбираться, сначала расстреляв, а затем сформулировав обвинение. Возницу убили, дабы не оставлять свидетелей.

И уж совсем ни кого не интересовало соблюдение хотя бы тех совершенно условных правовых приличий, отмеченных в приказе № 94, если речь шла о проявлениях монархических настроений.

Объяснения по использованию регулярных частей мало кого устраивали. Заявления о защите интересов крестьянского хозяйства воспринимались, как откровенная демагогия, особенно на фоне перманентных расправ с крестьянской оппозицией: от штрафов и расстрелов за открытое проявление недовольства, до отбываемого «вразумления населения» (за непосещение митингов исполком Колчеданской волости Камышловского уезда Екатеринбургской губернии принимал в сентябре 1919 г. меры подобного плана⁶⁹).

Практикуемые аресты, по мнению губернских чрезвычайных комиссий, предотвращали выступления⁷⁰, но сколько в «сети» попадало случайных людей, становившихся в последствии (кому удавалось выжить) потенциальными противниками Советской власти?

Для того чтобы запугать родных, и предотвратить возможный всплеск отрицательных настроений, исполком Быковской волости Красноуфимского уезда приказал арестовать родителей двадцати двух дезертиров, а их имущество взять на учет⁷¹. Не смущало власти и то, что большая часть дезертиров была не вооружена, и совсем не обязательно было прибегать к репрессиям (по сути дела – к институту заложничества) против родственников «зеленых».

Краскомы не церемонились в выборе методов и средств, перед ними был потенциальный противник, которого проще и рациональнее уничтожить (ликвидировав и «питательную среду» вокруг), чем вести занудную разъяснительную работу, лишая себя новых чинов и наград.

Распоряжения красных «генералов» подкреплялись теоретически и на уровне красных «министров» – народных комиссаров силовых ведомств⁷².

На местах все решалось гораздо проще, чем в кабинетах чиновников. Приказы красных «полевых командиров» подкреплялись решениями партийных и советских структур, однако последние не спешили разделить ответственность за «промахи и ошибки» с военным руководством, обставляя те же «карательные» формулировки целым каскадом оправдательных сентенций.

Гражданские власти уловили иной нюанс – репрессии, бьющие по состоянию хозяйства, семьи, детей и «отдающих» по дезертиру или по-

встанцу, более действенны, чем применение штыков. Всем сельским и волостным исполкомам предписывалось немедленно составить списки всего имущества «изменников-дезертиров». В случае если дезертировавший не явится с обмундированием, снаряжением и вооружением, которое им было взято из воинской части, предлагалось немедленно конфисковать его собственность (движимую, недвижимую и земельные наделы). Семьи дезертиров, как людей, «отказавшихся защищать рабоче-крестьянское дело», разрешалось лишать всех видов пособий и оказания помощи, установленной для семей красноармейцев. Отделам социального обеспечения и другим советским учреждениям и органам предписывалось прекращать выдачу родственникам дезертиров пособий и всевозможных видов помощи, установленной для семей красноармейцев, а также «губернскую выдачу» красноармейского пайка и прочего семьям дезертиров, всякого рода вспомоществование, оказываемое хозяйствам. Семьи дезертиров лишали льгот, прав преимущественного пользования разного рода продуктами и промышленными товарами⁷³. Подобного рода распоряжения настолько запугивали крестьян, что они всем селом порой записывались в большевицкую партию (и тянули туда своих совершеннолетних детей), публично отрекаясь от дезертировавших из Красной Армии родственников, рассчитывая таким образом уберечься от возможных репрессий⁷⁴.

Экономическая «экспансия» ударила не столько по деревне как таковой, сколько по конкретным семьям, именно здесь усилился витурioбщинный раскол. Общественные конфликты оборачивались трагическими событиями, разворачивавшимися в рядовых, как казалось, семьях.

«Классовое восприятие» сыграло свою роль (наряду с тривиальным «кодексом воина-победителя») и в расправах над пленными повстанцами (врага, даже потенциального, лучше уничтожить)⁷⁵, и в массовом мародерстве («экспроприаторов экспроприируют»)⁷⁶, и в тяжести наказания, и в откровенном хаосе, порожденном «особенностями момента»⁷⁷.

Подавлению выступлений *ненасильственными* методами отводилась второстепенная, вспомогательная роль. Многое зависело и от местного руководства – его способности гибко реагировать на изменения настроений деревенского населения. Но и на местах «трезвые головы» еще не успели вывести окончательно, и порой документы тех времен сохранили удивительные свидетельства о попытках предотвратить возможную вспышку насилия посредством поиска согласия, прежде всего с потенциальными союзниками. Так, согласно протоколу собрания Верх-Суксунского общества от 25 и 28 сентября, Кислевского общества от 25 сентября, Опалихинского общества от 25 сентября 1919 г. (все – Екатеринбургская губерния), для проведения ревмобилизации представителями партии было создано «соединенное» собрание волсовета и сельсоветов. «По освещению целей революционной мобилизации была предложена соответствующая резолюция, которую собрание не приняло. Усматривая в этом противодействие советвласти, собрание было распущено, с

предложением остаться тем, кто сочувствует советвласти. Осталось шестнадцать человек. Оставшиеся постановили переизбрать тех лиц, которые голосовали против революции, а проведению ревмобилизации вести усиленную агитацию за вступление в ряды Красной армии. Согласно этому постановлению, должны были быть переизбраны восемь человек в сельских обществах, но только одно общество постановило переизбрать сельский совет и представителей в волостной совет, остальные поддерживали старых»⁷⁸.

Благодаря этим, быть может и не совсем «демократическим» приемам, удалось избежать выплеска отрицательных эмоций и столкновения с властями. Крайне редки сообщения о подавлении оппозиционных выступлений без применения силы, без жертв и крови.

Действительно, именно на местной администрации лежала большая часть ответственности за изменения в поведении деревни: уездные и волостные власти обязаны были уметь оперативно реагировать на все тревожные сигналы и симптомы в неустойчивых настроениях населения, они же сами могли определять ход и совокупность мер, направленных на выполнение директив центра. В противном случае, оставалось одно средство – насилие. Но и прибегнуть к нему, переступив последнюю черту, отделяющую хрупкий мир с... крестьянством от всепоглощающего и крушащего конфликта было для многих не так просто. Конечно, далеко не всегда слова не расходились с делом, порой возбужденные кровью, командиры забывали об отданных накануне приказах, а их подчиненные творили откровенный самосуд, не отдавая себе отчета о возможных последствиях.

Сыграли свою роль и амнистии – к годовщинам Октябрьской революции и к 1 мая. В отличие от амнистии ко второй годовщине Октября, в 1920 г. не объявлялась общая амнистия. 1 мая 1920 г. были амнистированы три категории заключенных: «спекулянты», выходцы из непролетарских слоев, арестованные в первый раз, крестьяне (кроме «бандитов» и «особо вредных спекулянтов»), рядовые военнослужащие белых армий, сдавшиеся большевикам, либо плененные ими, либо – дезертиры. Кроме того, дважды, в июле и сентябре, ВЦИК заявлял, что амнистирует всех белых офицеров, перешедших на сторону большевиков⁷⁹. Последнее слово большевики не сдержали, ноябрь 1920 г. ознаменовался массовыми расстрелами, а начало 1921 г. – новыми вооруженными выступлениями.

Примечания:

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф. 511. Оп. 1. Д. 63. Л. 61 - 62.

² Вайнян Роберт Петрович (1895-1920) – командир Красной Армии, участник Гражданской войны. Умер от тифа.

³ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 102. Л. 6.

⁴ Центр документации по новейшей истории Свердловской области (ЦДНИ СО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 113, 114, 115.

⁵ РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 53. Л. 384.

⁶ Там же. Д. 102. Л. 9 об.

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ Там же. Д. 97. Л. 108

⁹ Цель крестьянских сходов – «обсудить несогласных». (См.: Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905-1917). М., 2000. С. 16).

¹⁰Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД Т 1 1918-1922. Документы и материалы М., 1998 С 171
¹¹РГВА Ф 176 Оп 2 Д 60 Л 49
¹²Там же Оп 1 Д 5 Л 61
¹³Там же Оп 3 Д 53 Л 384
¹⁴Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте 1926 № 1 С 41
¹⁵Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале 1855 – 1922 гг. Хроника и историография Оренбурга, 1999 С 239
¹⁶РГВА Ф 32015 Оп 1 Д 162 Л 10
¹⁷Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД С 193
¹⁸ЦДНИ СО Ф 76 Оп 1 Д 70 Л 121, Д 797 Л 19
¹⁹РГВА Ф 176 Оп 2 Д 53 Л 236
²⁰РГВА Ф 982 Оп 3 Д 36 Л 562
²¹ЦДНИ СО Ф 41 Оп 1 Д 142 Л 18 об
²²Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Новосибирск, 1997 С 213
²³РГВА Ф 176 Оп 1 Д 11 Л 89
²⁴Там же Оп 3 Д 97 Л 257
²⁵Там же Д 53 Л 69
²⁶Там же Д 2 Л 10
²⁷Там же Оп 2 Д 30 Л 22
²⁸ЦДНИ СО Ф 41 Оп 1 Д 141 Л 14 об - 15
²⁹ГАРФ Ф 1235 Оп 93 Д 102 Л 554
³⁰РГВА Ф 176 Оп 3 Д 132 Л 47
³¹Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы Тамбов, 1994 С 39
³²Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД С 330
³³РГВА Ф 176 Оп 3 Д 2 Л 15
³⁴«Ну, полно мне загадывать о ходе истории» // Отечественная история 1997 № 3 С 76 - 95
³⁵РГВА Ф 176 Оп 2 Д 53 Л 59

³⁶Там же Д 51 Л 37
³⁷Там же Д 50 Л 194 Д 63 Л 216, Д 53 Л 182 об
³⁸Там же Л 138
³⁹ЦДНИ СО Ф 76 Оп 1 Д 36 Л 70 72
⁴⁰РГВА Ф 176 Оп 2 Д 63 Л 201
⁴¹Там же Оп 3 Д 99 Л 108
⁴²ЦДНИ СО Ф 41 Оп 1 Д 141 Л 12 об
⁴³См. ГАРФ Ф 1235 Оп 94 Д 99, ЦДНИ СО Ф 76 Оп 1 Д 797 Л 124
⁴⁴Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД С 387
⁴⁵РГАСПИ Ф 17 Оп 12 Д 254 Л 11
⁴⁶РГВА Ф 176 Оп 2 Д 31 Л 4
⁴⁷Там же Д 61 Л 14
⁴⁸РГВА Ф 176 Оп 2 Д 63 Л 137 об
⁴⁹Там же Оп 3 Д 53 Л 85
⁵⁰Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Новосибирск, 1997 С 372
⁵¹См. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия М., 1997
⁵²РГВА Ф 176 Оп 3 Д 102 Л 6 об
⁵³Оренбургский край 1918 16 июля
⁵⁴РГВА Ф 176 Оп 3 Д 102 Л 18
⁵⁵ЦДНИ СО Ф 76 Оп 1 Д 797 Л 119
⁵⁶РГВА Ф 176 Оп 3 Д 102 Л 5-5 об
⁵⁷Там же Л 23 об
⁵⁸Л 6
⁵⁹Л 9
⁶⁰Л 24
⁶¹Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией 1918 № 2 29 сент
⁶²РГВА Ф 176 Оп 1 Д 23 Л 91
⁶³См. Революция. Устные рассказы о Гражданской войне М.-Л., 1931
⁶⁴РГВА Ф 176 Оп 3 Д 97 Л 22
⁶⁵Там же Оп 2 Д 31 Л 4
⁶⁶Беркович И. Преступления большевистской диктатуры [Харбин], 1924 С 16-19
⁶⁷Из истории Всероссий-

ской Чрезвычайной комиссии 1917-1921. Сборник документов М. 1958 С 233
⁶⁸РГВА Ф 32015 Оп 1 Д 62 Л 63 - 64
⁶⁹РГВА Ф 176 Оп 2 Д 53 Л 51
⁷⁰Сводка № 1 Екатеринбургского ГубЧК за 9 15 октября 1919 г. «В Каслинском заводе и его окрестностях разбрасывались летучки (листочки – В Т) антисоветского содержания, удалось установить существование белоохранительской организации, состоящей из двадцати шести человек. Банда имеет неизвестное количество конницы, намеревались выступить в день похорон павших в 1918 году товарищей, 14 октября, но выступление не состоялось, к встрече этого выступления меры были приняты уездвоенкомом и ГубЧК посылкой надежных отрядов. По указанию местного Совета на заводе арестовано 10 человек местных кулаков» (См. РГВА Ф 176 Оп 2 Д 53 Л 216)
⁷¹РГВА Ф 176 Оп 2 Д 63 Л 137 об
⁷²Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД С 278
⁷³Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Новосибирск, 1997 С 232 - 233
⁷⁴РГВА Ф 1317 Оп 1 Д 349 Л 202
⁷⁵Из оперативных сводок секретного отдела ВЧК за октябрь 1920 г. «После боя у деревни Новгородка (Уфимская губерния) со стороны противника пятнадцать убитых и десять пленных, которые были на месте расстреляны» (См. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД С 346)
⁷⁶Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД С 346
⁷⁷См. РГВА Ф 28174 Оп 2 Д 56 Л 75
⁷⁸РГВА Ф 176 Оп 2 Д 53 Л 169
⁷⁹См. ВЧК-ГПУ. Документы и материалы М., 1995 С 16

С.С. Балмасов

Функционирование органов военной цензуры Российского правительства 1918–1919 гг.

Значение органов военной цензуры в условиях гражданской войны имело очень большое значение, поскольку в их функции входило недопущение проникновения сведений, имеющих секретный характер в печать или передачу таких данных от одних лиц другим через почтовую корреспонденцию.

Военный министр и командующий Сибирской армией Гришин-Алмазов 30 июля 1918 г. утвердил временный штат штаба армии в составе 5 управлений. В составе 5-го управления штаба Сибирской армии, при военно-историческом отделе было образовано военно-цензурное отделение. Такая организация была утверждена приказом по Военному ведомству № 41 от 23 августа 1918 г. На театре военных действий, а впоследствии и в тылу были образованы цензурные посты, которые непосредственно занимались просмотром материалов, готовящихся к печати и почтовой корреспонденции, включая и заграничную¹.

В это время действие военной цензуры проходило согласно положению о цензуре от 20 июля 1914 г. (приложение к положению «О полевом управлении войск Свода военных постановлений»²).

Объединение военного аппарата Комитета Членов Учредительного Собрания и Временного Сибирского правительства коснулось и военной цензуры. В составе образованного единого органа по руководству войсками – Штаба Верховного Главнокомандующего было образовано 1-е Управление генерал-квартирмейстера, куда вошло и военно-цензурное отделение³.

При правительстве Колчака военно-цензурное отделение, возглавляемое капитаном Ставровым, 1 января 1919 г. было выделено в Особую канцелярию Верховного Правителя при Штабе Верховного Главнокомандующего, имеющую задачами осведомление и агитацию войск, сбор сведений о заграничной и отечественной печати и ее цензуре⁴.

В апреле 1919 г. Особая канцелярия Верховного Правителя была реформирована, а военно-цензурное отделение было выделено в Управление 2-го генерал-квартирмейстера Ставки в Осведомительный отдел под новым названием Цензурно-Контрольного Бюро⁵. В это время, в связи с обострением внутреннего положения в Сибири, объем работы органов цензуры увеличивается.

Военно-цензурным органам при работе с телеграфом предписывалось содействовать скорейшей передаче, в первую очередь, военных и правительственных телеграмм и задержке телеграмм антиправительственного

характера, а также шифрованных телеграмм и телеграмм с условными сигналами частных лиц; кроме того, по общему потоку телеграмм ежемесячно 2-му генерал-квартирмейстеру предоставлялся отчет, представлявший собой анализ настроения населения, а также делался выпуск для печати оперативных сводок⁶.

Кроме того, органы военной цензуры занимались и материалами, представляемыми вниманию зрителя в кинематографах⁷.

Новые документы, регулирующие функционирование органов военной цензуры, были приняты в качестве приложений к приказу № 411 от 11 мая 1919 г. – «Положение о цензуре периодической печати» и «Положение о цензуре почтовых отправок». Согласно этим положениям, «цензура периодической печати находится в ведении начальника гарнизона», при котором действовал пост военной цензуры, а «цензура почтовых отправок находится в ведении или соответствующего штаба армии, округа или корпуса на театре военных действий или начальников гарнизонов» тыла⁸.

Особый интерес представляют указания к работе органов военной цензуры на местах. Так, при работе с почтовой корреспонденцией им рекомендовалось: «Имея ввиду, что затушевки, даже чернильные, легко могут быть стерты химическим путем и текст письма – реставрирован, лучше их в особо секретных случаях вырезать»⁹.

Органам военной цензуры также четко указывалось, какого характера информация не подлежит отправлению почтой: фотографии переправ, дорог, укрепленных объектов, боевой техники, штабов и любых других кадров, которые бы могли облегчить противнику ведение боевых действий¹⁰.

Кроме того, предписывалось вырезать сведения военного характера из самой корреспонденции, касающиеся численности войск, их вооружения и т.д., ложные сведения о деятельности гражданских и военных органов правительства¹¹.

В то же время, широкие права в этом отношении предоставлялись военным цензорам, которые непосредственно занимались проверкой почты – они могли вообще не пропустить те данные, которые считали опасными для существующей власти¹².

Однако, в целом, по мнению Д.Ф. Рябикова, Цензурно-Контрольное Бюро функционировало «весьма продуктивно»¹³. Особую пользу для белого командования на востоке России давали представляемые этим органом регулярные сводки по всем материалам, проходящим через цензуру. Эти сводки рассылались как секретный материал всем старшим начальникам и нередко служили основанием к тем или иным мероприятиям в самых разных областях военного дела и расследованиям относительно действий отдельных лиц, групп населения и газет; по оценке командования, «эти сводки были очень полезны для старших начальников, которые физически не

могли лично следить за прессой, а из сводок получавших общую картину настроения печати и настроения населения в различных его кругах»¹⁴.

С образованием Цензурно-Контрольного Бюро его начальником был назначен полковник Николай Клементьевич Павловский, по образованию востоковед, знавший несколько восточных языков и по оценке вышестоящих командиров, считавшийся одним из лучших офицеров¹⁵.

Стоит отметить, что данные сводки составлялись им весьма правдиво, без сокрытия негативных проявлений и стремления сделать «приятное» начальству. Это делает их очень важными документами по истории гражданской войны в Сибири.

Охватывают эти сводки май-сентябрь 1919 г., но информация, в них содержащаяся, позволяет получать ценные данные о происходящем и за предыдущие годы. Особое внимание цензурой уделялось военнопленным Первой мировой войны. Однако, большинство из них, как и русские граждане, зная о существовании цензуры и опасаясь преследований, открыто своих мыслей о политике правительства, своем отношении к большевикам и гражданской войне не выражали¹⁶. В то же время, в их письмах долей отмечается острое желание вернуться на родину и большое недовольство тем, что несмотря на окончание войны, их продолжают держать в плену¹⁷. Немцы и австрийцы жаловались на большую смертность. Так, по данным их писем, только за 1918 г. в Сибири умерло 17 тысяч военнопленных¹⁸. Критиковали они и условия их содержания: «платят мало, хотя мы гораздо больше знаем и умеем лучше работать, чем русские. Русский народ – ленив, ничему не научился и ничего не умеет делать»¹⁹. В то же время, письма тех военнопленных, которые были отправлены на сельскохозяйственные работы и хорошо питались, отличались в лучшую сторону от писем тех, кто постоянно находился в лагерях и питался намного хуже²⁰.

Кроме того, по письмам военнопленных и корреспонденции к ним выяснялось, что положение немцев и австрийцев, находящихся в Сибири в плену, было намного лучше, чем положение тех, кто находился на свободе на родине, где в то время был сильный экономический кризис²¹. Так, например, письмо из Вены пленному австрийцу содержало сведения о том, что «некий Ф. вернулся из Сибири и привез 60 тысяч рублей, а Шоцкий привез миллион рублей и купил дачу»²². Плохая жизнь на родине вынуждала некоторых австрийцев переходить в чехословацкое подданство, однако, большинство из них питали к чехам и словакам ненависть и наотрез от этого отказывались²³.

В письмах пленных красных также встречались многочисленные жалобы на эпидемии, высокую смертность и санитарный персонал, который «только и ждет, чтобы обобрать умирающего больного»²⁴.

Большое внимание также уделялось иностранцам и войскам союзников вообще. Если среди частных лиц отмечалось желание, чтобы иностранные

ранние правительства скорее признали правительство Колчака²⁵, то среди военных отношение к этому вопросу было другим. Среди солдат Чехословацкого корпуса и Польского легиона отмечалась недовольство Омским правительством и его политикой, которую многие считали реакционной²⁶.

«Польские легионы, расквартированные в Ново-Николаевске, занялись систематическим хищением грузов из вагонов»²⁷ – такую характеристику получила их деятельность по письмам местных властей, которые, будучи бессильными бороться с этим явлением, просили немедленного отвода таких «союзников» из своего района.

Внутри самого Чехословацкого корпуса, судя по письмам, отмечалось отсутствие единства на национальной почве между чехами и словаками из-за стремления первых подчинить себе вторых²⁸. Многие из солдат этого подразделения обзавелись в Сибири русскими женами, устроились на работу и не желали ехать домой²⁹.

Однако, по данным прочитанных цензурой писем, чехи и словаки во многих случаях поддерживали связи с антиправительственными элементами³⁰.

При проверке писем американских солдат выяснилось, что они воевать за белых не желают, а их моральный дух низок. По словам из письма одного американского солдата, «Американские и союзнические войска в Сибири должны воевать за дело, в котором совершенно не заинтересованы. Большевики превосходят нас в 15 – 16 раз по силе и только их трусость, да отсутствие у них патронов и снаряжения спасает нас от уничтожения»³¹.

При нападениях партизан на железную дорогу, которую они охраняли на Дальнем Востоке, в большинстве случаев американские солдаты не оказывали им никакого сопротивления³².

Многие из них распространяли провокационные слухи о деятельности Омского правительства³³. Ответом на такое поведение американцев стала ненависть к ним основной части русского населения и тяготение сторонников белых к японцам. Так, среди офицерства данное японофильство, обусловленное активной помощью японцев белым на Дальнем Востоке в борьбе против партизан, достигло огромных размеров и выражалось словами письма одного офицера: «Я не вижу иного спасения для России, как только в помощи Японии живой силой. Без этого мы – погибли»³⁴.

Судя по письмам, японцы из всех союзников в наибольшей степени были расположены к Белому движению. По заключению Павловского, «в японских письмах высказывается, что Япония не заинтересована в аннексии русских территорий. Ей нужно лишь сырье, железо и рыба и она желает в лице русского народа видеть только своего друга»³⁵.

Коммерческие фирмы и частные лица жаловались на то, что не только почта, но и телеграммы вообще не доходят до адресата или приходят слишком поздно³⁶.

Интеллигенция в подавляющем большинстве поддерживало белых, но жаловалась на рост дороговизны и злоупотребления отдельных представителей власти³⁷. Особенно часто жаловались на казаков. Так, жители Уфы, описывая ужасы красного террора, во время которого в ее районе погибло не менее 1 тысячи человек, многие из которых были учащимися, сильно критиковали заменивших их казаков: Они вели себя возмутительно; женщинам не было от них прохода ни днем, ни ночью»³⁸. Кроме того, активно проявили себя в подобного рода действиях подчиненные атаману Анненкову, которые бесплатно пользовались телеграфом, грабили местное население³⁹.

В то же время, интеллигенция и торгово-промышленные круги боялись победы большевиков, однако, крайне негативно относились к возможности жертвований с их стороны на нужды белой армии⁴⁰.

Среди населения отмечался повышенный интерес к проблеме коррупции во власти, в том числе и по «делу Зефирова» (б. министра продовольствия): «Несмотря на то, что злоупотребления в некоторых чиновничьих кругах очевидны, власть почему-то слабо бичует это зло, могущее привести к самым печальным результатам». Одновременно высказывалось опасение, что сама власть покрывает Зефирова, задерживая расследование его дела⁴¹.

Среди рабочих отмечалась скрытая ненависть к Омскому правительству и надежды на возвращение большевиков⁴².

Крестьянство беспокоило мобилизации, реквизиции и особенно вопрос о земле, который они желали решить незамедлительно⁴³.

Судя по письмам, настроение крестьян к гражданской войне было безразличным и они «не согласны ни с большевиками, ни с Омским правительством, а только хотят, дабы их никто не трогал, в солдаты не брал, подати не платить, а жили бы вольно, а кто правит – все равно»⁴⁴.

Крестьяне хотели завершения войны, чтобы всецело заняться своим хозяйством⁴⁵.

Настроение белых армий Востока России представлялось так: офицерство выражало желание довести до победного конца дело борьбы против большевизма, но среди солдат уже в мае-июне 1919 г. отмечался упадок духа, усталость⁴⁶. В письмах солдаты постоянно жаловались на отвратительное снабжение и питание. Выяснялось, что настроение солдат зависело от постановки вопросов питания и снабжения в частях: там, где оно было хорошим, солдаты были настроены воевать, там же, где с этим были проблемы, боевой дух был слаб и наблюдалась большевицкая агитация⁴⁷. Большевики умело использовали при пропаганде и то обстоятельство, что летом 1919 г. солдат у белых получал 48 рублей жалованья, а у красных – 350⁴⁸. Положение в тылу с обеспечением продовольствием и снабжением было намного хуже, чем на фронте. Вообще же, состояние солдат с питанием характеризовалось словами одного из них: «Кормят

плохо, дают по полфунта хлеба, в котором половина – мякина, а суп и кашу уже не ели 8 дней»⁴⁹. Кроме того, недовольство солдат наблюдалось из-за пренебрежительного отношения к ним офицеров. Отрицательную реакцию у простых солдат вызывало и то, что «белые обходятся с пленными по-зверски»⁵⁰.

Негативное влияние на военных оказывал разгул спекулянтов в тылу, поэтому, по словам одного солдата, «побывав в тылу, убеждения левеют»⁵¹.

В отношении действий командования высказывалась жесткая критика за неподготовленное весеннее наступление 1919 г., обернувшееся катастрофой⁵². По отношению к конфликту между Гайдой и Лебедевым поддерживали первого и ругали второго⁵³.

Интересно отметить отношение общества к премьер-министру П.В. Вологодскому, которого считали во многом ответственным за «атаманщину» на Дальнем Востоке⁵⁴. Атаманы творили невиданный ранее произвол, который во многом и вызвал массовый протест местного населения⁵⁵. Летом 1919 г. общественность была настроена против Вологодского. Высказывалось мнение оставить его на посту Председателя Совета Министров только до признания союзниками правительства Колчака, поскольку его присутствие в Совмине союзники считали гарантией сохранения белогвардейцами демократичности⁵⁶.

Благодаря военной цензуре, выявились и злоупотребления при формировании «добровольческих карпатских формирований» из уроженцев восточных районов Австро-Венгрии. По данным одного из таких «добровольцев»: «нас записывали, кто хочет поступать добровольно, а кто не хотел – того мордовали, гоняли и били прикладами»⁵⁷.

Отмечалось и то, что работа цензурных органов на местах, в том числе штаба Сибирской армии, велась нерегулярно, от чего страдала работа Центрального Контрольно-Цензурного Бюро⁵⁸. В то же время, на начало лета 1919 г. отмечалось, что по своему духу чины этой армии отличались более здоровым духом, чем в других подобных структурах, однако, к началу осени эта армия разложилась и по письменному свидетельству одного солдата, «у сибиряков одна мысль во время боя – поскорее перейти на сторону красных»⁵⁹.

Размеры спекуляции, охватившей подконтрольную правительству Колчака территорию, впечатляют. В ряде районов, например, в Приамурье, 70 процентов почтовой корреспонденции составляли письма и телеграммы о спекуляции⁶⁰. По мнению интеллигенции, это было главное зло, разрушающее в тылу все то, что делала армия на фронте⁶¹.

Примечательно, что по мере ухудшения положения на фронте, котировки сибирского рубля падали и уже в июне 1919 г. его курс был ниже курса «керенок» и «романовских»⁶², имевших тогда хождение в советской России и отмененных в Сибири, что являлось зловещим знаком

для Омского правительства – рынок высказывался в пользу победы большевиков...

Благодаря работе цензуры выяснилось наличие в тюрьмах Тюкалинска и Бийска подпольных организаций при бездействии тюремной администрации⁶³.

Таким образом, составление цензурных сводок позволяло в ряде случаев своевременно реагировать на ситуацию.

Однако, несмотря на то, что практически вся подконтрольная белым территория Сибири была покрыта сетью военно-цензурных органов, в ее работе были и ошибки. Верховный Правитель уделял работе Цензурно-Контрольного Бюро огромное значение и регулярно читал не только предоставляемые ему сводки и обзоры, но нередко и сами газеты. Иногда результатом такого чтения становилась критика в адрес как Д.Ф. Рябикова, так и Н.К. Павловского поскольку в ряде случаев газетам удавалось обходить цензуру и публиковать материалы, наносящие вред Белому делу⁶⁴.

Об этом свидетельствует и телеграмма 20 июня 1919 г. самого Колчака М.К. Дитерихсу и Д.А. Лебедеву: «На театре военных действий в районе непосредственного расположения штаба Сибирской армии, газеты открыто ведут противоправительственную работу. Что делает цензура штаба армии? Требую прекратить этот кабак, образовавшийся в Екатеринбургe и предупредить газеты вроде «Нашего Урала» и «Отечественных Ведомостей», что при продолжении противоправительственной работы и каких-либо намеков на вмешательство в дела армии, я их закрою и вышлю этот кабак из пределов театра военных действий»⁶⁵.

Реакция начальника Штаба Верховного Главнокомандующего Д.А. Лебедева была незамедлительной и выразилась в тот же день в виде телеграммы 2-му генерал-квартирмейстеру Ставки Д.Ф. Рябикову, в ведении которого находилась военная цензура: «Нужно обратить особое внимание на мерзость, которую пишут екатеринбургские газеты. Прошу следить и доложить мне. Я их закрою»⁶⁶.

Реакция Д.Ф. Рябикова на указанные упущения также не заставила себя ждать. Уже 20 июня 1919 г. он посылает телеграмму начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору Богословскому, военно-цензурное отделение которого пропустило в печать вызвавшие негодование Д.А. Лебедева сведения. В этой телеграмме он просит его «принять незамедлительные меры к прекращению печатания газетой «Отечественные ведомости» статей и заметок, обсуждающих вопросы командования, организации боевых действий»⁶⁷.

Колчак, в большинстве случаев, строго карал несоблюдение правил публикации. Например, редактор газеты «Русская армия» полковник Геркен был арестован и отстранен от занимаемой должности по приказу Колчака. Причиной этого стала публикация им заметки, представляющей для врага ценность и, несмотря на все попытки отстоять его, это не удалось, и

Верховный Правитель приказал предупредить все информационные агентства и прессу, действующую в Сибири, что так будет с нарушителями цензуры и в дальнейшем⁶⁸.

Благодаря действиям Контрольно-Цензурного Бюро нередко выявлялись злоупотребления высшего командного состава в отношении пользования телеграфом, отдельные представители которого вели беседы совершенно частного характера и отказывались за них платить⁶⁹. Как выяснилось, Ставка такие случаи покрывала и поэтому с такими случаями было тяжело бороться⁷⁰.

Примером таких бесед, перегружавших телеграф, можно отметить переговоры между представителем Ставки полковником Киященко и одним из представителей Иркутского военного округа Левешевым, которые за казенный счет обсуждали своих однокашников и погоду⁷¹.

Ставка не только не предпринимала мер против этого, но и покрывала случаи нецелевого пользования телеграфом. Из-за этого его работа тормозилась и часто было невозможно вовремя отправить телеграммы не только частным лицам, но и видным чиновникам в правительстве и военном аппарате⁷².

Деятельность Контрольно-Цензурного Бюро представляла огромную ценность не только для военного аппарата, но и правительства в целом. При наличии аналитического центра, состоящего из компетентных лиц, руководство Белой Сибири могло своевременно получать информацию о тех или иных проблемах на фронте и в тылу. Ошибка военных состояла в том, что они засекречивали данные цензуры. Министры были не осведомлены. Слова одного крестьянина, отраженные в его письме, доказывают это: «Раньше у красных был непорядок – их гнали, а теперь у белых непорядок – их гонят»⁷³.

Примечания:

¹ГА РФ. Ф.5793. Оп.1. Д.1г. Л.151.

²Там же. Л.165.

³РГ ВА. Ф. 39499. Оп.1. Д.1. Л.4.

⁴ГА РФ. Ф.5793. Оп.1. Д.1г. Л.151.

⁵Там же. Л.15 об.

⁶Там же. Л.164.

⁷Там же. Л.165.

⁸Там же. Лл.165 - 166.

⁹Там же. Л.166.

¹⁰Там же. Л.166 об.

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³Там же. Л.19 об.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же. Л.20.

¹⁶Там же. Л.267.

¹⁷Там же. Л.268.

¹⁸Там же. Л.272.

¹⁹Там же.

²⁰Там же. Л.273.

²¹Там же. Л.278.

²²Там же.

²³Там же.

²⁴Там же. Л.273.

²⁵Там же. Л.276.

²⁶Там же. Л.288.

²⁷Там же. Л.275.

²⁸Там же. Л.267.

²⁹Там же. Л.268.

³⁰Там же. Л.288.

³¹Там же. Л.270.

³²Там же. Л.275.

³³Там же. Л.270.

³⁴Там же. Л.296.

³⁵Там же. Л.287.

³⁶Там же. Л.274.

³⁷Там же.

³⁸Там же. Л.269.

³⁹Там же. Л.274.

⁴⁰Там же. Л.285.

⁴¹Там же. Л.270.

⁴²Там же. Л.275.

⁴³Там же.

⁴⁴Там же. Л.279.

⁴⁵Там же. Л.280.

⁴⁶Там же. Л.276.

⁴⁷Там же. Л.277.

⁴⁸Там же. Л.280.

⁴⁹Там же. Л.277.

⁵⁰Там же. Л.280.

⁵¹Там же.

⁵²Там же. Л.278.

⁵³Там же. Л.291.

⁵⁴Там же. Лл.298 - 299.

⁵⁵Там же. Л.300.

⁵⁶Там же. Л.292.

⁵⁷Там же. Л.291.

⁵⁸Там же. Л.281.

⁵⁹Там же. Л.296.

⁶⁰Там же. Л.295.

⁶¹Там же. Л.283.

⁶²Там же. Лл.287 - 288.

⁶³Там же. Л.290.

⁶⁴Там же. Л.200.

⁶⁵Там же. Лл.20 - 20 об.

⁶⁶Там же. Л.304.

⁶⁷Там же. Л.303.

⁶⁸Там же. Л.21.

⁶⁹Там же. Л.306.

⁷⁰Там же. Л.308.

⁷¹Там же. Л.309.

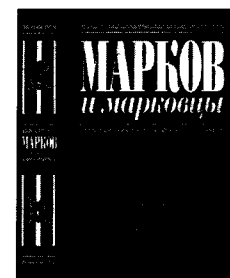
⁷²Там же. Л.311.

⁷³Там же. Л.295.

Книги военно-исторической серии «Белые войны»

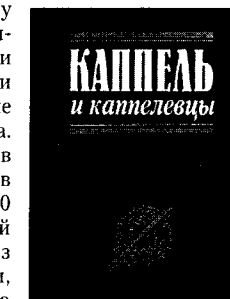
Марков и марковцы

Первая книга серии, издаваемая при поддержке русского предпринимателя А.Н. Алекаева, представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Белой армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основной книги стал известный в эмиграции двухтомник полковника В. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», но практически неизвестный широкому кругу российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это – дневник С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), дневник начальника штаба Марковской дивизии полковника Биттенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Каппель и каппелевцы

Вторая книга серии «Белые войны» посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. Основу книги составили архивные документы, воспоминания, дневники офицеров частей Волжского стрелкового корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева. Материал разбит по основным этапам гражданской войны в России – боевые действия на Волге в 1918 году, на Урале и в Сибири в 1919 году, Великий Сибирский Ледяной поход в 1920 году. Эти этапы непосредственно связаны с боевой биографией генерала В.О. Каппеля. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов, а также из частных коллекций. В книге приведены данные о социальном составе частей «каппелевцев», об особенностях комплектования частей корпуса.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

Структура органов государственной власти и управления Временного Областного правительства Урала (август – ноябрь 1918 г.)

В течение двух последних десятилетий история государственных образований антибольшевизского лагеря не раз привлекала внимание отечественных историков. В период гражданской войны на Урале было образовано три антибольшевизских правительства. Каждое из них видело себя в составе России, однако опиралось при этом на свою федеральную модель устройства. Бушкурдистан предполагал посредством федерализма решить задачу национального развития, Войсковое правительство Оренбургского Казачьего Войска пыталось сохранить казачью самобытность, Временное Областное правительство Урала (далее – ВОПУ) – создать условия для экономического подъема уральской горной промышленности. В связи с этим история их образования имеет не только научное, но и прикладное значение: Урал в этот период стал уникальной «лабораторией», где прошли апробацию различные формы федеративного устройства страны.

Наименее изученным по сравнению с другими правительствами Урала остается ВОПУ. Историки обращали внимание на причины и порядок его образования, однако ограниченность источниковой базы не позволяла до сих пор в этом вопросе поставить точку¹. Структура органов власти этого политического образования до сих пор не стала предметом научного рассмотрения.

ВОПУ было образовано 19 августа 1918 г. Характер временного исполнительного органа государственной власти оно получило из-за того, что должно было действовать только до созыва Уральского Законодательного Собрания (Уральской Областной Думы)², выборы в которое должны были состояться после освобождения Урала от большевиков. Дата созыва Областной Думы была намечена на 21 декабря 1918 г.³ Государственная власть на Урале включала только исполнительный орган – Временное Областное правительство Урала.

Как известно, структура органов власти является производной политических целей, для достижения которых необходимо обладание политической властью в той или иной степени.

Основной целью деятельности антибольшевизских правительств выступала победа в гражданской войне. Между тем, планируя послевоенное устройство страны и своего региона, они обозначили и второстепенные цели. Эти цели не были постоянными и в зависимости от политической и военной ситуации эволюционировали. В процессе формирования

правительство Урала своей целью определило создание иного политического климата, нежели чем у эсеровского Комуча или реакционного Омска. «Для горнозаводского Урала совершенно не подойдет ни политика Самары, ни политика Омска ... отдать освобожденный горнозаводской Урал той или другой стороне означало в обоих случаях толкать его на большевизм»⁴. Другой целью было не допущение перевеса «реакционного» Омска усиленного правительством атамана А. Дутова на предстоящем Государственном Собрании по организации Всероссийской власти. Но уже после образования автономной власти цели правительства стали эволюционировать в сторону экономического районирования. Уральское правительство предлагало симметричную структуру будущей российской федерации, т.е. все ее субъекты должны быть наделены равными правами. Само же деление страны на «немногие областные территории» т.е. субъекты должно было исходить из «совокупности экономических, этнографических, бытовых и других условий и приблизительно сравнимых по размерам территорий, по количеству населения или государственному значению»⁵.

Предполагаемая территория Уральской области была определена на основе экономической целесообразности. Так по одному из вариантов предполагалось включить в состав Уральской автономной области «весь Уральский горный хребет, начиная с севера и до конца южных отрогов, а также восточный и западный склон»⁶. Причем интересы сопредельных с Уралом районов не учитывались. Правительство Урала, обращаясь к федеративной модели государственного устройства, предлагало лишь децентрализацию государственной власти и управления. При этом оно апеллировало к экономическим интересам страны. Образование субъектов будущей федерации по национальному признаку не допускалось.

Полномочия ВОПУ были определены в ходе его образования, а сфера управления согласована с Временным Сибирским правительством (далее – ВСП). К полномочиям областного правительства были отнесены все сферы управления, за исключением обороны, железнодорожного и водного транспорта, иностранных дел и эмиссии. Эти вопросы должны были относиться к центральной власти, а до ее образования поручались Временному правительству Сибири. Полностью это соглашение не было реализовано. Управление связью (почта и телеграф), должно было отойти к министерству связи Сибирского правительства. Однако фактически, связь осталась в ведении уральского правительства. С учетом разделения на Урале полномочий между двумя правительствами, на основе признака подчиненности, общая структура государственной власти на Урале включала:

- органы власти и управления, относящиеся к исключительной компетенции ВОПУ;
- органы управления, относящиеся к исключительной компетенции

ВСП;

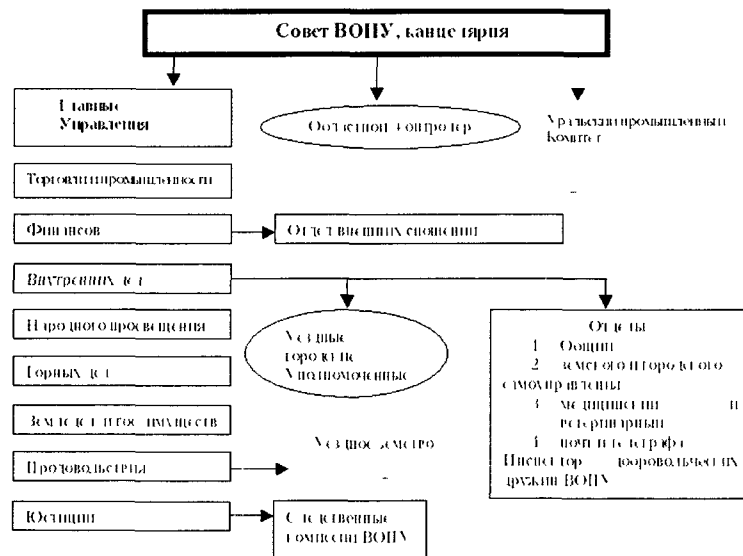
– органы управления, относящиеся к совместной компетенции

Органом государственной власти и управления выступало областное правительство. Оно состояло из совета и девяти главных управлений и областного контролера

Совет ВОПУ состоял из председателя, заместителя и членов правительства. Он сочетал в себе законодательные и исполнительные функции. В Совет правительства входили главные управляющие и их товарищи (заместители). Кроме них в состав правительства с правами товарища министра был введен управляющий делами. Таким образом, Совет правительства включал 20 человек. Отраслевое управление было возложено на девять Главных управлений. К 19 августа их было организовано восемь: торговли и промышленности, финансов, горных дел, юстиции, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, народного просвещения, труда⁷. Позже было организовано девятое Главное управление продовольствия.

Контроль за расходованием государственных средств осуществлял Областной контролер.

Строение органов власти ВОПУ август – ноябрь 1918 г.⁸

Возглавил совет Председатель правительства и Главноуправляющий торговли и промышленности, председатель биржевого комитета П.В. Иванов. Заместителем Председателя правительства и Главноуправляющим финансов был назначен Л.А. Кроль. В составе правительства пре-

обладали представители социалистических партий. Представителей партии народной свободы, хотя и занимали ключевые посты в правительстве находились в меньшинстве. Трое из членов правительства участвовали в работе эсеровского Временного комитета народной власти. Часть членов правительства входили в состав органов местного самоуправления – Думы и Земской управы. Политическая окраска по мнению Г.К. Гинса была практически однородной – левоцентристской⁹. Однако политическое многоголосье уральского правительства сделало его нерешительным и аморфным. Представители партий, вошедшие в состав уральского правительства, не имея за собой поддержки большинства, боялись ответственности.

Для решения вопросов в тех сферах, управление которыми было передано в ведение Сибирского правительства в структуре утвержденных главных управлений создавались специальные отделы, например, отдел почты и телеграфа при Главном управлении внутренних дел, либо эти вопросы поручались кому-нибудь из членов правительства. Так на заместителя председателя правительства Л.А. Кроля были возложены обязанности по «сношениям с союзными и нейтральными миссиями», а в конце августа в структуре Главного отдела финансов был образован отдел внешних сношений.¹⁰ Его возглавил И.И. Войтов, бывший до этого управляющим делами Приуральского окружного комиссариата.¹¹

Были попытки создания и собственной армии. Уже на следующий день Совет главноуполномоченных поручил П.В. Иванову и П.А. Кронбергу войти в переговоры с генералом В.В. Голицыным по поводу приглашения его на службу Временному правительству Урала и, в зависимости от результатов этих переговоров, рассмотреть вопрос об организации военного отдела при правительстве¹². Результат переговоров был отрицательным. Не найдя военного руководителя, правительство отказалось от формирования военного отдела. Однако оно не отказалось от формирования собственных воинских формирований. В составе Главного управления внутренних дел была предусмотрена должность инспектора добровольческой дружины, на которую был приглашен полковник Н.В. Шереховский.

Оформление главных управлений было завершено к началу ноября. Их структуры были утверждены постановлением Совета правительства.

Снабжение населения Урала и армии продовольствием фактически было возложено на земство. Главное управление продовольствия имело контрольные функции. Руководители Екатеринбургской земской управы были назначены руководителями Главного управления продовольствия.

Ведущей отраслью была горная промышленность. В виду ее важности она была выделена в отдельное главное управление. Управление отраслью было деполитизировано. Управляющим Главного управления горных дел был назначен беспартийный инженер А.Е. Гутт.

Кроме этого для организации мероприятий по снабжению армии и тыла был создан еще один орган – Уральский промышленный комитет (далее – УПК)¹³. Он был создан как чрезвычайный орган по управлению уральской промышленностью на период ее восстановления. Функции и состав комитета были согласованы с Временным Сибирским правительством. Главная задача Уральского промышленного комитета состояла в том, чтобы как можно быстрее «реанимировать» заводы, пострадавшие от боевых действий и хозяйственной разрухи. Комитет состоял из постоянного бюро и общего собрания комитета. Постоянное бюро включало представителей от Главного Управления Горных дел, труда, 4-х членов от Временного Областного правительства Урала, назначаемых с согласия Временного правительства Сибири, в том числе и от чехословаков, представитель от Временного правительства Сибири. После урегулирования отношений с Самарским комитетом, планировалось предоставить место для его представителя. Порядок принятия решения – коллегиальный. Общее собрание созывалось по мере надобности, но не реже одного раза в месяц. В период между собраниями управление осуществляло постоянное бюро. Для проведения мероприятий комитет пользовался существующими органами государственного регулирования промышленности. Особой заботой промышленного комитета было решение социальных вопросов, связанных со взаимоотношениями администрации и работников.

Руководителем УПК был назначен Главноуправляющий Горного управления А.Е. Гутт. Его заместителем – барон А.Е. Гейкинг. В состав бюро вошли С.С. Постников, П.А. Голубев, П.М. Бухтеев. Позже по договоренности между С.С. Постниковым и А.Е. Гуттом в состав бюро были приглашены представитель от Главного управления труда и от Чехословацкого национального комитета. Для представителя Самарского комитета было зарезервировано одно место. Однако от Комуча так никто и не вошел. Статус УПК был зафиксирован в двустороннем соглашении «Об экономических взаимоотношениях Сибири и Области Урала»¹⁴ УПК стал органом, используя который Сибирь участвовала в управлении промышленностью Урала.

Подводя итоги анализа структуры и состава органов управления горной промышленностью можно отметить, что партия Народной свободы, чьи представители возглавили ключевые посты в правительстве, устранилась от решения основной цели – восстановления горной промышленности Урала. Орган, объединивший управление всей горной промышленностью Урала в большей степени контролировался Сибирью. Представители социалистических партий пытались решить социальные проблемы населения. Однако их решение зависело в первую очередь от уровня промышленного производства.

Анализ системы органов власти и управления ВОПУ показывает, что

ее структура была образована без учета военного времени. Система состояла из исполнительных органов, по управлению промышленностью и социальной сферой в рыночных условиях. Организационная структура областного правительства не была завершенной¹⁵. Наиболее важные для поддержания государственной власти сферы управления и экономики находились под контролем Сибири.

Сочетание внешних и внутренних причин прекратили деятельность ВОПУ. 4 ноября был опубликован указ Временного Всероссийского правительства о его роспуске. После этого была попытка сохранить структуры отраслевого управления правительства, но до конца года они были упразднены.

Примечания:

¹См. подробнее: Плешкевич Е. А. Временное областное правительство Урала: дискуссионная о причинах образования // Белая армия. Белое дело 2002 - № 10. С. 48-57.

²Угро Сибири – 1918 – 10 августа.

³Документы Временного областного правительства Урала // Уральский областник (историко-литературный журнал). – 1991. - №2 - С. 67.

⁴Кроль Л. А. Указ. соч. С. 64.

⁵Иванов П. В. Представление в Главное управление торговли и промышленности (Документы Временного областного правительства Ура-

ла) // Уральский областник (историко-литературный журнал). – 1991. - №1. С. 78.

⁶Доклад о границах территории Уральской области (Документы Временного областного правительства Урала) // Уральский областник (историко-литературный журнал). – 1991. - №1. С. 82.

⁷Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала // Уральский областник (историко-литературный журнал). – 1991. - №1 – С. 76.

⁸Пунктиром обозначены ор-

ганы управления совместной компетенции.

⁹Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1 С. 134.

¹⁰ОГАЧО Ф. 596. Оп. 1. Д. 137. Л. 3, 17.

¹¹ОГАЧО Ф. 596. Оп. 1. Д. 137. Л. 18.

¹²ОГАЧО Ф. 596. Оп. 1. Д. 137. Л. 4.

¹³ГАСО Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 11.

¹⁴ГАСО. Ф. 1951-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 13-14.

¹⁵Исполнительные органы Комуча состояли из 14 ведомств, ВСП из 11 министерств.

третье издание первого выпуска библиотечки россиеведения

«Коммунистический режим и народное сопротивление в России. 1917-1991»

Под редакцией Б.С. Пушкарёва.

Под таким названием в середине октября 1997 г. вышел в свет спецвыпуск журнала «Посев», посвященный осмыслению событий отечественной истории 1917-1991 гг. Его содержание – обвинительный акт преступлениям коммунистического режима, хроника народного сопротивления (перечислено 210 наиболее характерных его вех. Подобная сплошная хронология в литературе дается впервые), анализ последствий владычества большевиков и возможные варианты иного развития событий (их приведено 10).

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

Офицерский корпус Оренбургского Казачьего Войска в 1918-1919 гг.

В конце 1917 г. в связи с вооруженным захватом власти большевиками и поддержавшими их левыми эсерами, военно-политическая обстановка в Оренбургской губернии накалилась до предела. Представители новой власти изначально заняли резко негативную позицию по отношению к местному казачеству, попытавшись расколоть его на два непримиримых лагеря. Как отмечал в своих мемуарах один из лидеров оренбургского казачества генерал-майор И.Г. Акулинин, после отречения Императора, строевое офицерство никогда не занимавшееся политикой растерялось, между ним и казаками стало расти отчуждение несмотря на то, что «офицеры, происходя из войскового сословия, стояли к казакам ближе, чем в регулярных полках и отношения между офицерским составом и нижними чинами в казачьих частях были проще». Пытаясь на начальном этапе нейтрализовать казаков, агитаторы большевиков внушали им мысль, что новая власть борется не с казачеством, а с их начальством, которое защищает интересы буржуазии. Яркая выраженная антиофицерская агитация принесла свои плоды, хотя казаки и не выдали своих командиров на расправу, но и не поддержали усилия войскового начальства по наведению порядка в губернии.

Войсковой атаман полковник А.И. Дутов отказался признать легитимность прихода к власти большевиков и, оставшись верным принесенной Временному правительству присяге, предпринял шаги к восстановлению порядка в крае. Однако призыв атамана подняться на борьбу с «узурпаторами-большевиками» поддержки в казачьей среде не нашел. Войсковое правительство оказалось в тяжелом положении, на его стороне выступили только находившиеся в Оренбурге офицеры, юнкера военного училища, кадеты двух корпусов, часть личного состава школы прапорщиков и небольшая часть добровольцев. Кроме того, в Оренбург по инициативе сестры милосердия М.А. Нестерович, прибыло из Москвы около 120 офицеров, испытанных на себе все прелести политики новой власти¹. Именно эти силы и составили костяк отряда Дутова.

Малочисленные силы сдержат наступления красногвардейских частей не смогли и вынуждены были оставить город. Часть антибольшевицких сил во главе с начальником Оренбургского военного казачьего училища генерал-майором К.М. Слесаревым² ушла на территорию Уральского казачьего войска, войсковой атаман полковник Дутов едва смог пробиться в Верхнеуральск. В момент прибытия в город, там проходили заседания 2-го Чрезвычайного войскового круга. Попытки атамана

поднять казаков на борьбу с большевиками встретили сопротивление части депутатов и только после длительных дебатов удалось переломить сложившуюся ситуацию. Однако принятое решение о формировании дружин самообороны не было реализовано. Как отмечал генерал Акулинин «Население, за исключением 5-6 верных и стойких станиц, как, например, Карагайской, Петропавловской, Краснинской, Кассельской, Остроленской, никакого участия в борьбе с большевиками не принимало: одни станицы, боясь большевицких расправ, держали «нейтралитет», другие явно сочувствовали приходу большевиков, а третьи даже помогали им, как например станица Арсинская и отчасти Верхнеуральская».

Против участия казаков в борьбе с большевиками открыто выступила и часть офицеров. В их числе оказались есаул Н.Д. Каширин, его брат подъесаул И.Д. Каширин, подъесаул Ф.Г. Пичугин, подъесаул Н.Г. Енборисов. В составе Казачьего подотдела ВЦИК ратобат есаул А.Г. Нагаев³, с большевиками сотрудничал есаул И.А. Юдин⁴.

Все эти события деморализовали офицеров войска, большинство из них абсолютно не ориентируясь в происходивших событиях и не желая возврата царского режима, предпочло занять выжидательную позицию. И только небольшая часть, преимущественно младшие офицеры, рискнули открыто обозначить свое отношение к новой власти.

Одним из первых в войске сформировал отряд для борьбы с большевиками войсковой старшина Ю.И. Мамаев, прибывший из Троицка на помощь к атаману Дутову. Вскоре были созданы небольшие отряды подъесаулов В.А. Бородин, К.Н. Михайлова и Г.В. Енборисова, которые получили название «партизанских»⁵. Отряды, за исключением возглавляемого Енборисовым, в основном состояли из офицеров, юнкеров и незначительного количества казаков-добровольцев. Во время нахождения в Верхнеуральске, они подверглись переформированию. Пришедшие с Мамаевым из Троицка офицеры составили первый партизанский отряд, отряд подъесаула Михайлова стал именоваться вторым, Бородин – третьим, Енборисова – четвертым партизанским отрядом Оренбургского Казачьего Войска.

В марте – апреле на территории 1-го округа образовались отряды войскового старшины Н.В. Лукина⁶, совершившего 4 апреля 1918 г. нападение на занятый красногвардейскими частями Оренбург, подъесаулов А.П. Донецкова и Е.В. Ершова. Последним отрядом в станице Изобильной был разгромлен отряд председателя Оренбургского губисполкома Цвиллинга. Вскоре аналогичные отряды возникли в низовых станицах, их организаторами стали войсковые старшины: Н. Шмотин, Д.М. Красноярцев, Н.П. Корноухов; подъесаулы Ф.А. Богданов, Нестеренко; сотники Слотов, Тимашев, Мелянин, капитан А.М. Булгаков. Вскоре разрозненные отряды были объединены под общим командованием войскового старшины Красноярцева и именно они приступили к активным боевым

действиям и сумели в конечном итоге занять столицу Войска. Активно выступил в поддержку Дутова атаман 2-го округа хорунжий В.Н. Захаров, избранный на этот пост на окружном съезде в январе 1918 г.

В середине мая большевики ночью захватили Павловскую станицу и сожгли ее. Против красногвардейцев был брошен партизанский отряд есаула К.М. Асламова⁷, выбивший их из Павловской станицы и вынудивший большевиков вернуться в Оренбург. Однако и большевики не сидели сложа руки. В первую очередь они обрушили репрессии на офицеров, которые не признали новую власть и рискнули выступить против нее. По данным войскового штаба только в 3-м округе большевиками были расстреляны полковник К.Т. Кузнецов (начальник Троицкого гарнизона), атаманы округа войсковой старшина А.Н. Половников, коллежский регистратор И.С. Терещенко (избран атаманом после ареста Половникова), подъесаул П.В. Токарев, сотники: А.М. Дерягин, И. Кожевников; хорунжие: Н.И. Плотников, М. Елагин, А. Носов; прапорщики: А. Матюнов, И.Ф. Плотников, П.И. Беспалов. Некоторые офицеры, давали большевикам подписки о неучастии в боевых действиях. В частности, в начале августа 1918 г. после заявления есаула Починского, от командования 3-м Уфимо-Самарским полком был отстранен войсковой старшина В. Кручинин, давший «в Троицке подписку большевикам в том, что он осуждает политику Войскового правительства и ему не будет подчиняться».

Выступление чехословацкого корпуса, парализовавшего деятельность местных советских органов в Челябинске, привело к активизации антибольшевицких сил в 4 округе. Казаки Челябинской станицы под руководством Н.А. Арнольдова, Л.П. Шахматова⁸ и ряда лидеров меньшевиков и народных социалистов, на своем сходе приняли решение о разгоне уездно-городского Совета и передаче власти в руки Военного совета гарнизона, который возглавил полковник Н.Г. Сорочинский. Военный совет с первых же дней своего существования приступил к формированию отрядов для борьбы с большевиками. На местах к аналогичной работе приступили и офицеры, находившиеся в станицах. Одними из первых организовано стали формировать части казаки 4-го округа, для чего в станице Кундравинской была создана т.н. военная комиссия во главе с бывшим депутатом Государственной думы П.Ф. Вopiловым. По призыву комиссии казаки стали формировать добровольческие полки и отправлять их для борьбы с красногвардейскими отрядами. Казаки самой Кундравинской станицы сформировали два полка. 1-й добровольческий Кундравинский возглавил есаул Прокопьев, 2-й – подъесаул Зуев. Вскоре на фронте появились Уйский, Петропавловский, Чебаркульский, Полтавский, Степной полки, отдельные конные сотни и пешие дружины.

Инициаторами их создания, а затем и командирами, как правило, являлись младшие офицеры. Из обер-офицеров состоял практически весь командный состав казачьих частей. Положение практически не измени-

лось и осенью 1918 г., когда войсковые власти приступили к реорганизации казачьих подразделений. По-прежнему всю тяжесть военных действий несла на своих плечах офицерская молодежь. К примеру, 2-м Правобережным казачьим полком в сентябре 1918 г. командовал сотник Орлов, 2-м казачьим пластунским полком командовал капитан Козин, в ноябре 24 полком командовал есаул Н. Муругов, сотнями командовали: 1-й сотник И. Кузьмин, 2-й – прапорщик Кожевников, 3-й – прапорщик Горбунов, 4-й – хорунжий Чертыковцев. Только 5 и 6-ю сотни возглавляли подъесаулы Муругов и Ложкин. Однако в феврале 1918 г. их сменили опять же прапорщики – Баев и Соболев.

Сложившееся положение ярко подтверждается и другими примерами. В 9-м Оренбургском Казачьем Полку (ОКП) сотнями командовали сотник И.С. Докшин, прапорщики Д.Е. Красильников, А.М. Сысин, Н.П. Бородин, Г.М. Ильиных, в 10-м ОКП есаула А.М. Кочурова обязанности сотенных командиров исполняли сотники П. Савинов, Г.Ситинков, К. Савельев, хорунжий С. Стародубцев. В 5-м ОКП войскового старшины К. Горбунова сотнями командовали сотник П. Никонов, хорунжие А. Завьялов, А. Ефимов, М. Дюскин, прапорщики К. Кузнецов и С. Новиков. В это же время многие генералы и штаб-офицеры, имевшие богатый боевой опыт, находились в тылу. Генерал-майоры З.Дашкин, Н. Красноярцев и Смолин исполняли обязанности наблюдающих за обучением казаков в 1-м округе, Кардаиловского участка и 4-го округа, числился больным полковник Н. Михайлов, полковник Ф.С. Луговских и войсковой старшина В.П. Водопьянов исполняли обязанности мировых судей, полковник В.А. Токарев являлся членом правления 3-го округа.

Немало старших офицеров осело в тыловых учреждениях, хотя их боевой опыт был как никогда важен. Генерал-лейтенант Л.П. Тимашев, командовавший в первую мировую войну полком, бригадой и казачьей дивизией, в разгар боев с красногвардейскими отрядами возглавлял управление военно-учебных заведений Оренбургского военного округа, генерал-лейтенант А.И. Ипатович-Горанский ведал административным управлением, полковники А.Р. Исаенко и В.И. Печенкин исполняли обязанности генерала для поручений при командующем войсками Оренбургского военного округа и правителя канцелярии штаба Оренбургского казачьего войска, генерал-майор Н.П. Мальцев возглавлял Оренбургскую местную бригаду (запасная часть, предназначенная для обучения новобранцев). В этой же бригаде на конец 1918 г. числилось еще 5 штаб-офицеров. Однако при этом следует отметить, что из числа еще «царского производства» генералов, в отдельной Оренбургской и Западной армиях командовали казачьими соединениями генерал-лейтенанты Г.В. Жуков, В.Н. Шишкин, генерал-майор В.Н. Печенкин.

В это же время многие части испытывали острую нехватку командного состава, в частности, в сентябре 1918 г. только в одном 20 ОКП не

хватало до штатной численности 30 офицеров, в 1 ОКП 15 штаб -- и обер-офицеров, большинство из находившихся на фронте офицеров опыта командования в боевых условиях не имело, что прямым образом сказывалось на результативности действий полков.

Находясь в составе действующих частей, младшие офицеры несли наибольшие потери. В августе 1918 г. в бою погиб командир сотни подъесаул Г. Красноярцев, посмертно представленный к награждению орденом Св. Георгия 4 степени, в июле в районе Нязепетровского завода погиб командир Чебаркульского полка есаул В.А. Леонов. Во время взятия Каслинского завода в конной атаке был убит командир 3-й сотни 6-го ОКП подъесаул А.П. Боровских, в аналогичной ситуации погиб хорунжий 18-го ОКП С.Н. Юзеев. Подобное положение вызывало недовольство у находившихся на фронте казачьих офицеров, тем более что остававшиеся в тылу нередко замечались в пьянстве и увеселениях.

В июле 1918 г. начальник войскового штаба полковник В.Н. Половников отмечал, что «многие из состоящих на службе офицеров не откликнулись на призыв главнокомандующего казачьими отрядами, действующими против большевиков и не встали в ряды борцов на защиту войска. Были случаи отказа штаб-офицеров от исполнения поручений командующих фронтами, очевидно потому, что командующие были моложе их чином. Не время теперь считаться со старшинством и умалять власть тех, кто, движимый любовью к родному войску и России, не жалея ни сил, ни жизни, не знает отдыха, отдает всего себя на борьбу со злейшим врагом казаков -- большевиками и благодаря лишь своей самоотверженной работе выдвинут на видное место командующего отрядом или фронтом.... Все офицеры, способные взяться за оружие и готовые пожертвовать своим покоем, своей жизнью за благо войска и России, приглашаются встать в ряды борцов хотя бы и на маленькие должности или даже рядовым бойцом... все офицеры, способные нести службу, получают назначения в существующие хотя бы временно части, назначение их на должности зависит от командиров частей, не получившие назначения в части составят войсковой офицерский резерв и обязаны нести службу как рядовые бойцы».

Имели место случаи, когда мобилизованные офицеры относились к службе недобросовестно, участвовали случаи пьянства, что вынудило власти издать приказ, по которому предписывалось уличенных в пьянстве офицеров арестовывать и предавать военному суду. Командир 20-го ОКП подъесаул Смирнов доносил в войсковой штаб, что многие офицеры из категории «нейтралитетчиков» недавно попавшие в строевые части, своих обязанностей не выполняют, «их девизом является аккуратная получка денежных и продуктовых довольствий, -- сообщал командир полка, -- частые отпуска, кутежи, увеселения, беспечность, карты».

Многочисленные нарекания со стороны фронтового офицерства вынудили власти пойти на принятие более решительных, чем прежде, мер к

уклоняющимся от участия в боевых действиях офицерам. В ноябре 1918 г. на основе сообщения командира полка войскового старшины Д. Ершова, атаман 1-го округа К.Л. Каргин направил в Войсковое правительством рапорт, в котором отмечалось: «в станицах в среде казаков замечается недовольство тем, что командный состав на фронте состоит главным образом из молодых офицеров и казаки не видят около себя таких опытных командиров, с которыми они служили и разделяли все тяготы тяжелой войны с немцами. Казаки недоумевают, почему все опытные офицеры в этот тяжелый момент находятся в тыловых штабах». В начале января 1919 г. начальник войскового штаба генерал-майор В.Н. Половников сообщал начальнику Оренбургского военного училища: «В настоящее время в Оренбургском казачьем войске происходит исключительная по своим размерам мобилизация и для вновь формируемых частей не хватает офицеров вообще и, в частности, опытных. Вследствие этого войско вынуждено брать своих офицеров из штабов, управлений и учебных заведений. Во вверенном вам училище на должностях казначей и заведующего хозяйственной частью состоят два войсковых офицера -- полковники Николай и Александр Исаенко, которых войско предназначило на должности помощников командиров полков. Вам следует означенных выше офицеров откомандировать в распоряжение войскового штаба». Вскоре полковник Н. Исаенко получил назначение помощником командира 1-го Оренбургского пластунского казачьего полка, а член гарнизонного военного суда войсковой старшина И. Лобов -- на должность помощника командира 28-го ОКП. Предписания о мобилизации были направлены и находившимся в отставке офицерам. В их числе оказались генерал-майоры Я. Рогожников, В. Тырсин, А. Милеев; полковники: Г. Чулошников, П. Головин; войсковые старшины: И. Горохов, И. Сидоренков, В.Прыткаев, Н. Скрыпников, А. Авдеев, В. Горохов, А.Шнырев, Доможиров, Н. Лебедкин и еще 10 обер-офицеров. Отставной полковник Г. Петров был даже назначен командующим 1-й бригадой 1-й Оренбургской казачьей дивизии, а полковник В. Калачев был зачислен рядовым бойцом в 19-й ОКП.

Однако не спасли положение и старые офицерские кадры. Несмотря на многократное превосходство над красноармейскими частями в опытных командных кадрах, казачьи полки не сумели добиться поставленной цели и потерпели сокрушительное поражение. В этом, на наш взгляд, свою роль сыграл временной фактор. Большевики сумели перестроиться, учесть уроки поражений и скрепить свою армию железной дисциплиной, не гнушаясь при этом никакими мерами. Гражданская война, ведшаяся внутри страны и против своего же народа, требовала иной чем в мировую войну тактики, военных приемов и психологической подготовки. Некоторые офицеры так и не смогли адаптироваться к новой обстановке и власти вынуждены были их отстранять от командования. В августе 1918 г. подъесаул П. Демин «за недостойное для военнослужащего поведение во

время боя» был разжалован в рядовые, в марте 1919 г. от командования 19-м ОКП «как несоответствующий своему назначению» был отстранен подъясаул Скрыпников, в мае последовал приказ предписывавший полковника Доможирова «не назначать на командные должности выше командира полка в виду его неподготовленности для управления частями выше полка».

Поражения на фронте окончательно деморализовали часть казачьего офицерства, оно стало сдаваться в плен, дезертировало из частей, что вынудило к изданию приказа по Отдельной Оренбургской армии о расстреле дезертиров независимо от чинов и занимаемых должностей. Но принимавшиеся меры изменить положения уже не могли. Один из офицеров писал домой: «в штабах в это время заливали вином победу (имеется в виду осень 1918 г.), и не предпринимали ничего, чтобы укрепить фронт. Вот и случилось то, что мы давно предвидели: нас двинули и погнали. Офицеры стали покидать фронт, а солдаты сдаваться в плен. Фронт сдерживался только оренбургскими казаками, но ободрившегося противника трудно было сдержать. Разыгрались последние бои в районе Оренбургского казачьего войска. В это время армия уже была уничтожена, не пулями и снарядами, а умелой советской агитацией».

Говоря о причинах поражений, генерал И.Г. Акулинин отмечал, что «среди казаков, защищавших непосредственно войсковую территорию, подъем и энтузиазм — при успехах, часто сменялся упадком духа — при неудачах — особенно, когда приходилось отступать к границам войска или вести бои на войсковой территории. В этих случаях на настроении казаков сказывалась боязнь потери разорения своих станиц, сопряженная с опасностью для родных и близких».

Примечания:

¹Нестерович (Берг) М.А. была участницей боев во время захвата большевиками власти в Москве и по заданию офицерской организации участвовала в переброске добровольцев на Дон и в Оренбург. Всего при ее помощи из Москвы выехало 2627 офицеров.

²В 1918-1920 гг. генерал Слесарев руководил училищем, после занятия войсковой территории Красной армией отступил в Сибирь, в марте 1920 г. под Красноярском взят в плен, некоторое время служил в Красной ар-

мии начальником школы красных командиров. Во время Западно-Сибирского восстания арестован по обвинению в участии в подпольной работе и в марте 1921 г. расстрелян.

³В статье В.П. Баканова «Есаул Афанасий Григорьевич Нагаев», опубликованной в сборнике «Оренбургское казачье войско. Военная служба и общественная жизнь» (Челябинск, 1997), отмечается, что Нагаев с первых дней февральской революции встал на большевистские позиции, дав

на общероссийском казачьем съезде в марте 1917 г. резкий отпор реакционно настроенному офицерству. Однако это не так. В обнаруженной в РГВА статье, относящейся к этому времени и опубликованной в газете «Свободное слово солдата», есаул Нагаев писал «Я не большевик. Не смешивая подлинный большевизм с отдельными агентами Германии и провокаторами, проникшими в его среду, я решительно осуждаю тактику большевиков, способную, по моему мнению, привести ро-

дину и революцию к гибели. Я убежден, что лишь в последнем сражении усилили наступления на фронте, мощным ударом можно приобрести мир и спасти родину от развала». Данная статья явилась ответом Нагаева на его исключение из войскового сословия.

⁴Есаул И.А. Юдин за сотрудничество с большевиками по решению войскового круга был предан военному суду и приговорен к расстрелу. Атаман Дутов приговор не утвердил, но суд повторно подтвердил свое решение.

После это войсковой атаман разжаловал Юдина в рядовые и решение его дальнейшей судьбы передал на усмотрение казаков станицы, к которой был причислен Юдин.

⁵В Тургае «партизанские» отряды были переформированы и сведены в один под командованием войскового старшины Ю.Мамаева. В его составе имелись конная и пешая сотни, а также пулеметно-стрелковая команда, передвигавшаяся на повозках.

⁶Войсковой старшина Лу-

кин выдан казаками Нежинского поселка по требованию советских властей и был ими расстрелян.

⁷Есаул Асламов являлся забайкальским казаком, впоследствии вернулся на родину, возглавлял штаб Забайкальского Казачьего Войска, был произведен в генерал-майоры.

⁸Тем не менее, казаки Арнольдов и Шахматов по решению Войскового Круга были арестованы за сотрудничество с большевиками, но по суду впоследствии были оправданы.

Альманах «Белая Гвардия» № 6

Редактор и составитель В.Ж. Цветков.

Специальный выпуск альманаха посвящен проблемам антибольшевистского повстанческого сопротивления в России в годы гражданской войны. Обширный территориальный охват, солидная документальная база публикаций, высокий уровень профессионализма авторов делают данное издание уникальным. Его основу составили материалы научных конференций и семинаров, прошедших в Ижевске, Тамбове, Ярославле, Волгограде, Ливнах в 1999–2001 гг. В издание вошли архивные материалы о восстаниях в Центральной России, Сибири, на Урале и в Поволжье. Приводятся полные боевые расписания Партизанской армии Тамбовского края, Русской Народной Добровольческой армии Б. Савинкова. Выпуск иллюстрирован фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, Государственного центрального музея современной истории России, частных коллекций, цветными рисунками формы и знаков различия бойцов повстанческих армий.

АНТИБОЛЬШЕВИЦКОЕ
ПОВСТАНЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

№ 6

Москва, октябрь 2002

А. ТУРКУЛ «ДРОЗДОВЦЫ В ОГНЕ».

Москва. «Воениздат», 1995. Переплет, 367 стр.

Картины гражданской войны 1918–1920 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша.

Г. ВЕНУС «ВОЙНА И ЛЮДИ»

Семнадцать месяцев с дроздовцами.

В книге мы видим солдат и офицеров Белой Армии в годы гражданской войны их собственными глазами. победы, поражения, подвиги.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кулишовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

«Белогвардейцы» в рядах милиции Челябинской губернии

В начале 20-х годов, несмотря на окончание боевых действий в стране, гражданский мир полностью восстановлен не был. В отношении лиц, воевавших в составе Белых армий, хотя и была объявлена амнистия, но полного прощения большевиков они не получили. В частности, в кадровой политике в Советской Рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) проводилась дискриминационная политика в отношении тех, кто ранее служил либо в правоохранительных органах царской России, либо в Белой армии. Первые по Конституции РСФСР 1918 г. были лишены гражданства и не могли находиться на государственной службе¹, вторые постоянно контролировались и были под подозрением. В каждом отчете о деятельности милиции за определенный период времени (месяц, квартал, полугодие, год) заполнялась рубрика «Сведения о количестве офицеров в комсоставе и административно-хозяйственном персонале». В первую очередь увольнения затронули бывших офицеров, которые находились на специальном учете.

29 августа 1921 г. ВЦИК принял постановление, 13 апреля 1922 г. объявленное приказом по милиции РСФСР, «О порядке принятия на службу в милицию и уголовный розыск лиц, ранее служивших в полиции и жандармерии». На службу в РКМ могли быть приняты лишь те, из бывших полицейских и офицеров кто был восстановлен в правах гражданства. На основании ряда нормативных актов при любых чистках кадров в милиции в первую очередь рассматривалась степень политической благонадежность сотрудников, а лишь затем принимались во внимание остальные критерии.

Осенью 1921 г. во все государственные учреждения Челябинской губернии была отправлена форма анкеты, которую должны были заполнить все без исключения сотрудники, ранее служившие офицерами и военными чиновниками в царской и белой армиях. Помимо времени и места рождения, национальности, сословной принадлежности, образования, чина и должности в белой армии, партийности, сотрудник должен был подробно описать когда и где он поступил в белую армию (добровольно или по мобилизации), в каких боях принимал участие, имел ли награды, при каких условиях попал в плен («персонально или при массовой сдаче»), имеются ли родственники в красной армии, есть ли родственники, ранее служившие в полиции. И, наконец, указать политическое настроение на момент заполнения анкеты и, в последнюю очередь указать «склонность к какому-либо роду занятий».

Ни один вопрос в анкете респондентом не должен был быть пропущен, ответы надо было давать исчерпывающие, об уклоняющихся от анкетирования предписывалось немедленно сообщать в отдел управления. На того сотрудника, который находился в отпуске по болезни или в командировке, анкеты заполнялись администрацией. За проведение анкетирования заведующие учреждениями несли персональную ответственность.²

В результате проведенного анкетирования и дальнейшего отслеживания бывших «белогвардейцев» выяснилось, что на службе в РКМ Челябинской губернии находилось 2 прапорщика, 4 подпрапорщика, 3 из которых служили на командных должностях, 3 в административно-хозяйственных.³ Кроме них в милиции Верхнеуральского уезда 20% личного состава служили в армии А.В.Колчака, в Троицком уезде – 75%. В Курганском уезде начальником гореуздной милиции был Федор Поликарпович Веденников, в прошлом унтер-офицер царской армии, с марта по август 1919 г. служивший писарем 2-го Уфимского корпусного транспорта армии Колчака. Всего по Курганскому уезду из числа комсостава в армии Колчака ранее служили 5 унтер-офицерами, 13 рядовыми, а из 131 милиционера 120 ранее служили в армии Колчака (90%).⁴

Не всегда увольняли исключительно по политическим мотивам, были случаи когда действительно увольняли за совершение преступлений. Так, например, в 1921 г. комиссией по «очистке милиции» в Курганском уезде был отправлен под суд старший конный милиционер А.И.Лызов, служивший милиционером при Колчаке. По «словам многих милиционеров» Лызов избивал заключенных, отличался вообще грубым обращением с населением и халатным отношением к службе.

То обстоятельство, что часть Оренбургского казачества выступила против большевиков в годы гражданской войны, привело к недоверию к казакам вообще. Так, например, осенью 1921 г. комиссией по «проверке и оздоровлению» милиции Троицкого уезда 15 казаков как политически неблагонадежные (только потому, что они были казаками, хотя сражались за Советскую власть во время повстанческого движения на Южном Урале) и «кулацкий элемент» были уволены из органов внутренних дел.

Результаты проведенного анкетирования служащих советских учреждений использовались, в том числе и в ходе чисток в рядах милиции. В сентябре 1922 г. комиссией «по очистке штата» угрозыска Челябинской губернии, созданной на основании распоряжения начальника УР Республики от 14 августа того же года, были рассмотрены личные дела на 29 человек. Было признано, что у 22 сотрудников политическая подготовка отсутствует, в тоже время «способность к работе» была слабой только у 6 человек. Но во главу угла, как уже отмечалось, был положен первый критерий, а не второй.

Было установлено, что инспектор угрозыска Н.Т.Носков «при царизме» был квартальным надзирателем в полиции, во времена «колчаковщи-

ны» служил в сыском отделении, а во времена Советской власти был «причастен к политическому бандитизму в Курганском уезде». Несмотря на отмеченную «хорошую способность к работе» Н.Т.Носков был рекомендован к увольнению из органов внутренних дел.

Начальник канцелярии управления угрозыска губернии Д.С.Домогатский, ранее служивший в полиции, при Колчаке – помощником начальника городской милиции Челябинска, был признан «старым специалистом своего дела», но так как он «политических убеждений уклоняется», человек «довольно хитрый и изворотливый, в общем, тип подозрительный», то было решено «уволить обязательно».

Агент 2-го разряда А.И.Угрюмов служил околоточным надзирателем, при Колчаке был милиционером, причем эвакуировался вместе с белой милицией в Сибирь – уволен. Всего было уволено 8 человек, из которых 4 по политическим мотивам.

При чем, первоначально сотрудник РКМ ранее служивший в Белой армии мог остаться на службе, если он сумел доказать, что был мобилизован при А.В.Колчаке, а не поступил добровольцем в его армию. Поэтому мы используем термин «белогвардейцы» в кавычках, ведь если человек был призван насильно, то можно ли его считать действительно сознательным противником большевиков. И если сотрудники приводили свидетельства, что были мобилизованы, то их оставляли на службе. Как правило, на службу в милицию направлялись с биржи труда, уже на этом уровне сотрудники ГПУ «вычисляли» бывших «белогвардейцев» и пытались их снять с учета безработных, что не всегда получалось. Однажды попытка чекистов провалилась из-за того, что офицеры оказались, по их мнению, «людьми принципиальными» – обратились к профсоюзам и подняли шум, в итоге остались на учете и были приняты на работу.

Но затем ситуация постепенно меняется, так еще в 1923 г. в числе состоявших на службе в милиции Челябинской губернии 696 человек, ранее служили в Белой армии 138 сотрудников (в том числе 4 офицерами, 5 в полиции и жандармерии), то есть каждый пятый.⁵ В том же 1923 г. проводилась структурная реорганизация милиции Челябинской губернии, в ходе которой были сформированы административные отдела Челябинска, Троицка, Златоуста и Кургана, и совокупная численность милиции была сокращена до 450 работников.

Это позволило избавиться от последних «белогвардейцев», которые были уволены в следующем 1924 г. Так, например, 7 мая из милиции Челябинской губернии был уволен начальник канцелярии управления Н.И.Кашкадамов как «пораженный в правах согласно Конституции» (В 1918 г. был мобилизован в армию Колчака, в царской армии с 1911 г.). В его аттестации указывалось, что он работник сильный, хорошо знаком с делопроизводством, исполнительный, умственно развит, с

подчиненными вежлив, вывод – назначению соответствует как незаменимый работник.

25 мая комиссией по проверке личного состава милиции было рассмотрено 70 личных дел сотрудников, из них были уволены 53 человека. При чем за политическую неблагонадежность 28 работников РКМ, среди которых были: милиционер И.Ф.Токмин, ранее служивший добровольцем в армии Колчака, инспектор угрозыска И.В.Пещиков как бывший «колчаковский юнкер», младшие милиционеры Г.Самсонов, Н.Никанович за службу в милиции при Колчаке, Г.Козынев за «связь с контрразведкой Колчака», Ф.Шатров как бывший полицейский. В итоге 2 были уволены за связь с контрразведкой, 2 как служившие в армии, 3 – милиции Колчака и 1 как бывший полицейский.⁶

События в милиции Челябинской губернии не были исключением, они проходили в русле общих тенденций по стране. В том же 1924 г. из состава РККА были уволены 1584 человека, служившие ранее офицерами в Белых армиях. Как отмечает исследователь С.В.Волков, это была последняя подобная категория.⁷

Массового характера увольнения из рядов РКМ в начале 20-х годов бывших белогвардейцев не приняли по причине того, что значительная часть мужского взрослого населения во времена «колчаковщины» была мобилизована в состав Белой армии. И, видимо, без их вовлечения на службу в РКМ невозможно было достичь штатной численности, особенно важной в условиях повстанческого движения, когда милиция должна была представлять боевую единицу. Поэтому, временно на прошлое закрыли глаза, а увольнению подверглись либо поступившие в белую армию добровольно либо служившие при Колчаке в органах охраны правопорядка. Лишь позднее, при ликвидации губернского административного устройства и, связанным с ним очередным сокращением кадров «выдавливание» бывших белогвардейцев из РКМ было завершено. И среди личного состава милиции Южного Урала во второй половине 20-х годов, по нашим сведениям, упоминаний о них более не встречается.

Примечания:

¹Малыгин А.Я. Милиция в период НЭПа// Полиция и милиция России. Очерки истории. М., 1993. С. 119.

²ОГАЧО. Ф. Р - 138. Оп.3. Д. 1. Л. 4, 8.

³ОГАЧО. Ф.Р-10. Оп.1. Д.107. Л.25 об.

⁴ОГАЧО. Ф. Р - 138. Оп. 3. Д. 26. Л. 103.

⁵ОГАЧО. Ф. Р - 138. Оп. 1. Д. 1. Л. 713, Л. 57, 125 об.

⁶ОГАЧО Ф. Р - 138. Оп.3. Д. 29. Л. 1 – 4.

⁷Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 388.

II Оренбургский казачий корпус (февраль-апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях

В последние десять лет внимание исследователей Белого движения все больше привлекает проблематика истории отдельных частей и соединений белых армий. В этом направлении уже достигнуты определенные успехи. По проблемам истории частей и соединений белых армий на востоке России к настоящему времени опубликовано значительное количество работ.¹ Однако еще больше материала осталось вне поля зрения историков. Это утверждение можно отнести и к истории II-го Оренбургского казачьего корпуса. Обстоятельства формирования этого соединения и его участия в боевых действиях отражают особенности военного строительства периода Гражданской войны и позволяют приблизиться к пониманию причин поражения белых под Оренбургом весной-летом 1919 года.

II-й Оренбургский казачий корпус Отдельной Оренбургской армии формировался во второй половине февраля 1919 года в тяжелых условиях боевой обстановки. 21 января после ожесточенных боев белыми был оставлен Оренбург. Далее красные планировали, заняв южную часть Урала, развить наступление на Челябинск.² Части Отдельной Оренбургской армии белых были вынуждены отходить на восток, потеряв связь с Уральской армией. И хотя красным не удалось наладить регулярную железнодорожную связь с Туркестаном,³ моральный дух казачьих частей резко понизился, начался самовольный уход по домам и переходы на сторону красных. Это явление было вызвано не только неудачами на фронте, но и значительным переутомлением войск в результате продолжительной бессменной работы на фронте⁴, а также милиционным характером комплектования частей.⁵ Не способствовали повышению боевого духа сильные холода со снеговыми метелями и поддержка крестьянским населением красных. Наконец, именно в этот период, 18 февраля, на сторону красных, после тайных переговоров, перешли башкирские части.⁶

При таких обстоятельствах 16 февраля командир IV-го Оренбургского армейского корпуса генерал-майор В.Н. Шишкин получил телеграмму командующего армией с приказом о формировании на базе своего соединения нового корпуса в составе 4-й и 5-й Оренбургских казачьих дивизий и о своем назначении командиром этого корпуса. Из штаба IV-го Оренбургского армейского корпуса была выделена часть офицеров и чиновников на образование кадра штаба нового корпуса. В тот же день эти чины приступили к работе по управлению частями образованного соединения. К исполнению должности начальника штаба был допущен исполняющий должность начальника штаба 4-й Оренбургской казачьей дивизии вой-

сковой старшина Л.И. Тушканов, которому поручалось сформировать управление корпуса. Он так и остался «исполняющим должность» начальника штаба корпуса вплоть до его расформирования.

Войсковой старшина Тушканов прибыл в штаб корпуса только 21 февраля и был на следующий день отправлен комкором в штаб армии за директивами, вернувшись оттуда вечером 23 февраля. Все это время должность начальника штаба корпуса временно исполнял подполковник Шмидт – начальник оперативного отделения штаба, находившийся ранее на той же должности в IV-м корпусе. Сам комкор генерал-майор Шишкин вступил в должность 19 февраля.

IV-й Оренбургский армейский корпус выделял из своего состава 4-ю Оренбургскую казачью дивизию (сформирована из казаков IV (Челябинского) военного округа⁷) и 42-й Троицкий стрелковый полк и должен был сдать новому корпусу свой участок фронта, чтобы срочно, в связи с изменой башкир и глубоким обходом красных на Танылково – Баймак, выдвигаться на правый фланг армии в район станицы Кизильской.⁸ Участок был принят корпусом уже 18-19 февраля. Штаб корпуса расположился на станции Кувандык Орской железной дороги.

Первоначально в корпус вошли 19-й, 20-й, 24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки (все в составе 4-й Оренбургской казачьей дивизии), 42-й Троицкий стрелковый полк и взвод 12-й Оренбургской казачьей батареи. Боевой состав корпуса был незначителен, даже по меркам Гражданской войны и насчитывал тогда: 92 офицера, 544 штыка, 1477 сабель, 28 пулеметов и 2 орудия.⁹ При разделе имущества двух корпусов II-й Оренбургский казачий корпус «не получил ни одного аршина телефонного и телеграфного провода, ввиду чего на установление технической связи надежды не было».¹⁰ Позднее в корпус вошли 21-й, 23-й, 26-й, 28-й Оренбургские казачьи полки (все в составе 5-й Оренбургской казачьей дивизии).

Штаб корпуса сформировался в ходе боевых действий и состоял из четырех (!) человек: начальника штаба, начальника оперативного отделения и двух старших адъютантов по оперативной и разведывательной части, все остальные должности заняты не были. Не было даже писарей. Особенно остро чувствовалась нехватка работников административного и хозяйственного отделений, за которых несли службу те же чины штаба. Фактически структура штаба корпуса и обязанности его чинов напоминали структуру штаба дивизии.¹¹ Тем не менее, положительным явлением было то, что офицеры штаба, служившие вместе в IV-м армейском корпусе, были хотя бы знакомы друг с другом, что немаловажно в условиях боевых действий. И хотя штаб формировался в ходе боев, его создание не было полной импровизацией, как, например, это было с армейскими штабами в русско-японскую войну.¹²

Период боевых действий до середины марта 1919 года был крайне тяжел для корпуса. Пытаясь сдерживать продвижение красных на фронте,

и, находясь под постоянной угрозой флангового удара с севера, части корпуса были вынуждены отходить в надежный тыл – на станицы II (Верхнеуральского) военного округа. Уже 20 февраля был оставлен Кувандык, а 22 февраля в результате обхода красных корпус потерял всю свою артиллерию (2 орудия).

В связи с неудачами и непрерывными боями без отдыха, что было обусловлено отсутствием резервов, небывалые размеры приняло разложение казачьих частей, особенно 24-го и 25-го Оренбургских казачьих полков, которые пришлось отвести в тыл и в середине марта расформировать, передав их личный состав в остальные части 4-й Оренбургской казачьей дивизии.¹³ Кроме того, в бою 25 февраля у Мамбетова 2-ой сотней 28-го Оренбургского казачьего полка при отступлении были брошены пикеты – тревожный признак для казачьей части, свидетельствующий о моральном разложении. В тот же день в бою у поселка Орловский в качестве разведчиков и, главным образом, агитаторов красных действовали недавно перешедшие к ним казаки станицы Никольской, а следовавшие за ними красные атаковали казаков в нетрезвом состоянии.¹⁴ На следующий день имел место случай перехода к красным 91 казака 25-го полка с двумя прапорщиками (!) и пулеметом. Из-за разложения некоторых полков значительная часть казачьих командиров, вплоть до начальников боевых участков, находилась в полной растерянности, усугубляла положение противоречивость разведсводок и отсутствие технической связи.

В этой обстановке 8 марта 1919 года командование корпусом принял Генерального Штаба генерал-майор И.Г. Акулинин.¹⁵ Уже через день части корпуса перешли в наступление на одном из участков, захватив помимо пленных, лошадей и оружия, еще и секретный оперативный приказ по 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии красных, а также, что было особенно важно, телефонный, два телеграфных аппарата и 12 катушек провода. Нельзя не отметить, что вести боевые действия И.Г. Акулинину пришлось в тех же местах, что и почти год назад во время Тургайского похода. О чем-то думал тогда казачий генерал?!

18 марта, после необходимой перегруппировки, войска корпуса перешли в наступление, развивавшееся с переменным успехом. В ходе боев офицеры корпуса, показывая пример казакам, лично вели части в атаку. Вследствие этого потери среди офицеров были велики: геройски погиб командир дивизиона 23-го Оренбургского казачьего полка хорунжий Холодилин, ранены войсковые старшины Зуев и Альметьев, полковник Ушаков. Сам командир корпуса неоднократно находился на передовом наблюдательном пункте, а начальник штаба корпуса войсковой старшина Л.И. Тушканов вел войска в атаку.¹⁶

18 марта был расформирован 23-й Оренбургский казачий полк, а 28 марта 1919 г. приказом войскам Отдельной Оренбургской армии № 189 расформировывалась 5-я Оренбургская казачья дивизия с передачей

21-го Оренбургского казачьего полка во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию I-го Оренбургского казачьего корпуса, а 26-го и 28-го полков, личного состава и имущества дивизии – в 4-ю Оренбургскую казачью дивизию.

Несмотря на это ослабление, части корпуса продолжали наступать. Продвижению корпуса способствовали успехи на фронте Западной армии: взятие Уфы (13 марта), Белебея (7 апреля), Бугульмы (10 апреля) и Бугуруслана (15 апреля). Вместе с тем, значительную сложность представляла собой координация действий казачьих частей и соединений.¹⁷ Так, в ходе боев за хутор Тереклинский 1 апреля, в штаб 1-й Оренбургской казачьей дивизии I-го Оренбургского казачьего корпуса был направлен обер-квартирмейстер штаба II-го корпуса подполковник Шмидт с предложением оказать поддержку частям своего корпуса. Начальник дивизии генерал-майор Л.Н. Доможиров отказал в поддержке, сославшись на отсутствие соответствующих указаний из штаба I-го корпуса и опасность быть отрезанным от своей базы при переходе реки Урал. В итоге 2 апреля пришлось оставить недавно занятую станицу Таналыцкая. А 4 апреля под обстрел красных попал штаб II-го корпуса, причем был ранен штабной топограф, 4 казака и 5 лошадей.

Неудачи красных на других участках фронта явились причиной их дальнейшего поспешного отступления на Оренбург и Актюбинск при незначительном сопротивлении.¹⁸ Их наступление по казачьим землям на Верхнеуральск, Троицк, Челябинск не удалось, зерновые районы III (Троицкого) и IV (Челябинского) военных округов Оренбургского казачьего войска остались за казаками.

6 апреля белыми была вновь занята станица Таналыцкая, 9 апреля штаб корпуса получил сведения о занятии частями 2-й Оренбургской казачьей дивизии Орска и частями IV-го Оренбургского армейского корпуса Кананикольского завода. Получив эти сведения, генерал Акулинин приказал частям корпуса занять Преображенский завод и станцию Сара, что было выполнено 10-11 апреля. Постепенно освобождались от красных станицы I (Оренбургского) военного округа, а 15 апреля была с боем взята станция Кувандык. В среднем, скорость движения частей корпуса с 9 апреля составила 60-70 верст в сутки, казакам необходимо было достичь Оренбурга до полного разлива рек.¹⁹ Из разведсводок поступали сведения о возможном оставлении Оренбурга красными без боя.²⁰ Тогда же И.Г. Акулинин пришел к убеждению, что необходимо взять Оренбург, не дав красным возможности опомниться. 17 апреля он отдал оперативный приказ № 9 (б) о занятии Оренбурга к Светлой Заутрене – 23 часам 50 минутам 19 апреля и о сборе всех частей на пасхальную молитву вокруг войскового собора.²¹ Войскам предстояла упорная борьба за город.²²

В заключение можно выделить основные проблемы, препятствовавшие более успешным действиям корпуса в рассматриваемый нами пе-

риод, которые в полной мере дали о себе знать во время Оренбургской операции:

- малочисленность казачьих частей;
- слабое техническое обеспечение (нехватка орудий, пулеметов и боеприпасов к ним);
- отсутствие устойчивой связи между частями;
- проблема снабжения (отсутствие железнодорожной связи с Сибирью и сложность подвоза гужевым транспортом из-за разлива рек и порчи дорог).

Вместе с тем, на примере II-го Оренбургского казачьего корпуса видно, как практически с нуля, в феврале 1919 года было создано вполне боеспособное соединение успешно проявившее себя в последующих боях.

Примечания:

¹См., напр.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Отдельная Оренбургская армия (1918-1920) //Гражданская война в России (1919-1920). Материалы второй сессии международной научной конференции. М., 1995; Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000; Ганин А.В. Южная армия Восточного фронта //История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6-7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 94-97; Дерябин А.И. Сибирская армия 1918 г. //Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. Москва. 1993. № 1 (2). С. 26-29; Он же. Народная армия Комуча. 1918 г. //Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. Москва. 1993. № 3. С. 32-35; Он же. Белые армии в Гражданской войне в России. М., 1994; Он же. Гражданская война в России 1917-1922 гг. Белые армии. М., 1998; Он же. Сибирские стрелки в армии адмирала А.В. Колчака //Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал.

Москва. 1998. № 1 (7). С. 28-30; Каревский А.А. К истории Поволжской Народной армии Комитета членов Учредительного собрания //Белая Гвардия. Альманах № 2. М., 1998. С. 5-9; Он же. К истории российской армии Уфимской директории //История белой Сибири. Тезисы 3-й научной конференции 2-3 февраля 1999 г. С. 23-27; Он же. К истории антибольшевизского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом-осенью 1918 г. //Ижевско-Воткинское восстание. М., 2000. С. 5-12; Он же. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 4-й Восточно-Сибирский армейский корпус летом-осенью 1918 г. //Белое движение на Востоке России. Белая Гвардия. Альманах № 5. М., 2001. С. 84-87; Он же. К истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 5-й Приамурский корпус осенью 1918 г. //История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6-7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 97-

100; Он же. Военное строительство правительства «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима-осень 1918 г. Дисс. к.и.н. М., 2001; Кобзов В.С. Военное строительство в Оренбургском казачьем войске в 1917-1919 гг. //Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в 18-20 вв. Челябинск, 1997. С. 68-81; Левкин Г.Г. Дальне-Восточная армия (белая) 1920-1921 гг. //Материалы научно-практической историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию Хабаровского краеведческого музея. Хабаровск, 1994. С. 135-139; Лобанов Д.А. Пермская стрелковая дивизия армии адмирала Колчака. 1918-1919 гг. // Белое движение на Востоке России. Альманах Белая гвардия. Москва. 2001. № 5. С. 88-91; Новиков П.А. 3 Иркутская Сибирская стрелковая дивизия //Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2000. № 10. С. 9-25; Петров А.А. Создание 2-го Уфимского армейского

корпуса в 1918 - начале 1919 годов //Третий петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. Дополнительный выпуск. СПб., 1999. С. 12-14; Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918 г.) //Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 68-83; Он же. Белая Сибирская армия (май-декабрь 1918 г.). Дисс. к.и.н. Новосибирск, 2000; Он же. История II Степного корпуса белой Сибирской армии (1918 год). Новосибирск, 2001; Фомин В.Н., Фомин К.В. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921-1922 гг.: дислокация, численный и командный состав //Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2000. № 7. С. 36-42 и др. ² Огородников Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. С. 56-57. ³РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 102; Регулярного сообщения по Ташкентской железной дороге не существовало вплоть до середины сентября 1919 года, то есть до окончания крупномасштабных

боевых действий в регионе. Иноятов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984. С. 49. ⁴РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 10б. ⁵Будберг А.П. Дневник //Архив русской революции. Т. XIV. Берлин, 1924. С. 233. ⁶В дальнейшем некоторые башкирские части, например 1-й башкирский кавалерийский полк М.Л. Муртазина, неоднократно переходили то к белым, то к красным, используя это в своих интересах. См.: Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927. С. 70, 94, 96, 99. ⁷Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX - начале XX вв. Челябинск, 1997. С. 158. ⁸РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 92. ⁹РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 2. ¹⁰Там же. Л. 2об. ¹¹Об особенностях структуры корпусных и дивизионных штабов см.: Зайцов А.А.

Служба Генерального штаба. Нью-Йорк, 1961. С. 29-30. ¹²Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Маньчжурии //Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64-82. ¹³РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 5об; Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 74. ¹⁴РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 6об. ¹⁵Генерал В.Н. Шишкин получил назначение в Омск на должность заведующего комендовством. ¹⁶РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Лл. 9об, 14; 18об. ¹⁷Там же. Д. 2. Л. 136. ¹⁸Огородников Ф. Указ. соч. С. 144-145. ¹⁹Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками 1917-1920. Шанхай, 1937. С. 117. ²⁰РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 18. Л. 87. ²¹Там же. Д. 5. Л. 16-16об. ²²Вопросы, связанные с участием II Оренбургского казачьего корпуса в Оренбургской операции и с ликвидацией корпуса, будут рассмотрены автором в отдельном очерке.

Ярославское восстание. Июль 1918 год.

(Спецвыпуск «Посева» за 1998 г. Библиотечка руссиеведения. Вып. № 2.)

Брошюра содержит материалы научной конференции, посвященной 80-летию восстания в Ярославле, организованной при участии членов «Мемориала» и НТС. По-новому оцениваются события одного из драматичных эпизодов гражданской войны в России, впервые в научный оборот вводится ряд документальных материалов из центральных и местных архивов, напечатаны воспоминания руководителя восстания полковника А.П. Перхурова, генерала К.И. Гоппера. Издание иллюстрировано картами-схемами и фотографиями, показывающими ход восстания и итоги бомбардировки города большевиками.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

Начало противостояния (к событиям в Троицком уезде Оренбургской губернии, январь-апрель 1918 г.)

Новейшая российская история (и отображение ее в средствах массовой информации), к сожалению, являет собой пример того, как сложно определить в противоборстве двух сторон правого и виноватого, в череде событий – причину и следствие, в истоках трагедии – нелепую случайность, точный расчет или высшую справедливость. Реконструкция же реального хода событий периода гражданской войны иногда представляется делом почти безнадежным, учитывая состояние источниковой базы, особенности советской историографии и вполне понятное желание участников событий сделать изложение и интерпретацию этих событий максимально безопасными (или выгодными) для себя. Все сказанное ниже – лишь попытка воссоздать отдельные эпизоды начального периода «красно-белого» противостояния и связь между ними. Попытка, требующая уточнения хронологической последовательности событий и идентификации персоналий. Попытка, не выходящая за рамки «точечного» краеведения, но обнаруживающая некоторые общие, скорее эмоциональные, чем рациональные, основы раскола российского общества.

Троицк – центр 3-го округа (военного отдела) Оренбургского Казачьего Войска (далее – ОКВ) – в первые послеоктябрьские месяцы жил напряженно, решался вопрос, какой орган будет «хозяином уезда»: Совет рабочих и солдатских депутатов, представлявший «победивший класс», объединенный (в марте 1918 г.) Совет казачьих, крестьянских и мусульманских депутатов, представлявший большинство населения, или сословный Окружной Круг.

Противодействие казаков захвату власти большевиками вызвало со стороны последних попытку опорочить противника. В газетах стала появляться информация о том, что в Троицке казаки грабят, насилуют и убивают жителей. Советы Челябинска и сибирских городов прислали в Троицк делегатов для проверки достоверности газетных сообщений. Было устроено заседание Совета казачьих депутатов с участием прибывших делегатов. Начальник Троицкого гарнизона полковник Кузнецов, занимавший резко отрицательную позицию по отношению к большевикам, при открытии заседания повел себя не лучшим образом, оскорбив делегата Курганского совета солдатских депутатов прапорщика Петрова, который, обиженный, пригрозил нашествием на Троицк всего 6-тысячного курганского гарнизона. Конфликт сгладил председатель Чрезвычайного войскового Круга А.И. Кривошеков, но в Курган было решено послать телеграмму, опровергающую сообщения газет о бесчинствах казаков. Кузнецов пытал-

ся не пропустить телеграмму, но под угрозой разрастания конфликта вынужден был отступить. После этого события город ненадолго успокоился, но большевики постепенно накапливали силы и готовились к захвату власти, Советы же казачьих депутатов и окружное правление, по оценке одного из наблюдателей – Н.Ф. Турчанинова, «бряцали оружием, но спасовали, когда наступил тяжелый момент».¹

Этот момент пришелся на третий день Рождества. Когда в Троицке стало известно, что туда идут большевики из Челябинска, члены окружного правления разбежались: «некоторые казаки бросали оружие и лошадей ...окружное правление, арсенал и мастерские были оставлены на произвол судьбы и ... совершенно разгромлены ... публика расхищала сукна, сапоги, шинели, белье». Окружное правление обосновалось сначала в Кольской станице, где состоялся экстренный съезд казаков, назначивший окружным атаманом войскового старшину А.Н. Половникова и создавший военно-следственные комиссии для выяснения размеров убытков от разгрома. Затем правление переехало в станицу Кособродскую, куда стали прибывать отовсюду пехотные офицеры. Началось формирование партизанского отряда, намеревавшегося выбить большевиков из города.

Взаимное недоверие и враждебность между большевицкими Советами и казаками усилились после трагедии с оттенком провокационности, произошедшей у Грязного Лога (Грязной дороги). Учительница-агитатор Ираида Селивановская верхом на лошади объезжала поселки Троицкого уезда. 11 января она прибыла в станицу Кособродскую, слушать ее здесь не стали и предложили ехать дальше. На пути к Санарскому поселку учительницу догнали трое военных и пятью выстрелами смертельно ранили. Еще живую Селивановскую подобрали проезжавшие мимо казаки и доставили в Троицк. Последними словами Селивановской перед смертью, по утверждению газеты «Казачья правда», была просьба не обвинять трудовое казачество, не мстить ему и избежать кровопролития: «Довольно крови, и без того пролито много». Для расследования убийства в Кособродскую была командирована следственная комиссия из трех казаков, трех большевиков и следователя по важным делам Троицкого окружного суда Шубовича. Комиссия партизаны обезоружили и арестовали. На следующий день по требованию казаков члены комиссии были освобождены, но расследование им закончить не удалось. На похоронах Селивановской произносились погромные речи, некоторые прямо говорили: «За каждую такую жертву мы будем истреблять тысячи казаков».²

12 января 1918 г. приказом № 2 по 3-му военному округу ОКВ окружной атаман Половников призвал казаков к войне с большевиками. «Выступление большевиков признается как открытие военных действий в пределах Оренбургского казачьего войска и всего Оренбургского края против казаков, – говорилось в приказе. – Учредительное собрание разогнано...Станичники, война объявлена, нужно действовать. Вооружайтесь

кто чем может, формируйте отряды и будьте готовы по первому моему приказу в наступление ринуться по всему нашему казачьему фронту... Отказ в выступлении будет считаться как измена родному казачеству»³. Мобилизовав в Кособродской около 200 казаков, атаман направил их в сторону полотна Троицкой железной дороги. Однако ночами до трети казаков разбежались и, по некоторым сведениям, даже жили несколько дней в Троицке на полном довольствии у большевиков. Опубликованные в газетах сведения о движении этого отряда противоречивы. «Казачья правда» воспроизводит как слухи о том, что отряд дошел до станций Полетаево, Нижнеуельской, Еманжелинской, так и свидетельства прибывших из Кособродской казаков о быстром возвращении отряда по каким-то причинам назад в станицу.

На выступление Половникова исполком Троицкого Совета рабочих и солдатских депутатов 18 января ответил открытым письмом, начинавшимся словами «Братья казаки! Между вами и нами почему-то существуют недоразумения...» Далее объяснялось, что интересы всех трудящихся одинаковы и «одинаково попирались общим вековым врагом народа – капиталистами, помещиками и начальством». Последних (т.е. офицеров и чиновников, угнетавших рядовых казаков «железной дисциплиной») станичникам и надлежит «немедленно арестовать, если нельзя всех сразу, то в одиночку, и доставить в Троицк для предания народному суду, в котором будут участвовать и представители от казачества». Кроме того, Совет объявил о намерении провести в начале февраля казачий съезд в Троицке для разрешения неотложных нужд казачества и рассмотрения возможности создания объединенного Совета.⁴

Переписку продолжили расклеенные по городу утром 20 января листовки с ультиматумом атамана Половникова Троицкому Совету рабочих и солдатских депутатов. Атаман требовал роспуска революционного гарнизона, предлагая солдатам сложить оружие и разъехаться по домам. Совет прямого ответа на ультиматум не дал, но вывесил плакат с обещанием бой принять. После этого гражданская война казалась наблюдателям почти неизбежной.⁵

На 20 января в станице Кособродской был назначен Чрезвычайный окружной съезд казаков. Не ясно, состоялся ли он именно в этот день, но новый состав окружного правления был избран: атаманом стал фельдшер И.С.Терещенко, членами правления – казаки Ершов и Глазунов. Не исключено, что переизбрание состоялось и потому, что перспектива гражданской войны устраивала далеко не всех казаков.⁶

Документы этого периода характеризуют сложившуюся в казачьей среде ситуацию как «поселковое двоевластие», конфликт стариков и фронтовиков. Первые не желали признавать власти Советов и воспринимали разгон Учредительного собрания как «акт величайшего насилия над волей русского народа». Терпимость к большевикам проявляла вернув-

шаяся с фронта молодежь, часть фронтовиков «не признавала иной власти кроме Советов». На этой почве рождались «вражда и недоразумения»: старики всерьез говорили о необходимости пороть розгами в целях исправления «заблудившихся» фронтовиков; отец на общем сходе требовал исключить сына из воскового сословия за сочувствие большевизмской программе; родные братья из-за «расхождения во взглядах на власть» стреляли друг в друга из винтовок в течение двух часов...⁷

Давление на станичников оказывали обе противоборствующие стороны. Агитаторы со стороны атамана Дутова обещали вступившим в боевые дружины ежедневное жалование 10 руб конному и 5 руб. пешему с немедленной выдачей на месте («У Дутова денег много!»). При этом станице предлагалось составить списки: кто – за Войсковой Круг, кто – за Советскую власть. «Кто за Войсковой Круг – тот будет наделен землей, а кто за Советы – тех нужно вешать и душить, семьи их разгонять, а достояние и имущество делить или отдавать в пользу общества». Появление же в поселке красногвардейцев заставляло и стариков становиться сторонниками Советов⁸.

В феврале-марте 1918 г. центр формирования партизанских отрядов переместился в поселок Клястицкий (Солодянка).⁹

В последних числах февраля Троицкий Совет направил в Солодянку для переговоров и «разъяснения устройства Советской власти в уезде» Н. Томина, С.Глинского и Я.Суворова. Парламентеры побывали на собрании казаков, где безрезультатно пытались убедить их отказаться от сопротивления. Поселку объявили войну. «Боевая пятерка» в составе Николая Томина, Станислава Глинского, Якова Суворова, Афанасия Степанова и Николая Потапова утром 28 февраля на автомобиле вновь выехала в Солодянку. Вслед за ней из города по направлению к поселку выступили вооруженные отряды. Казаки обстреляли автомобиль, после чего наступавшие вернулись к Троицку и остановились в Кирпичных сараях. Здесь стоял батальон пехоты во главе с командиром Ильиных. Последний добровольно отправился в поселок для переговоров с казаками, но был убит штыком в горло и брошен в канаву около кладбища. Войска обложили Солодянку полукольцом, со стороны вокзала железнодорожные рабочие открыли по поселку оружейный и пулеметный огонь. Казаки обстреливали наступавших из установленного на колокольне церкви пулемета, стреляли из бойниц, устроенных за каменной церковной стеной. В это же время в самой церкви священник служил молебен о победе над большевиками. После трех оружейных выстрелов со стороны Троицка пулемет замолчал. Один из снарядов попал в боковой правый придел церкви, но не разорвался. В церкви началась паника, офицеры и священнослужители разбежались, не дослужив молебна.

Утром 1 марта клястицкие парламентеры с белым флагом приехали в Троицк для переговоров и заявили о полной покорности Советской

власти. Троицкий Совет потребовал немедленно сдать оружие и выдать контрреволюционно настроенных казаков. Н.Томин вновь выехал в Солодянку для проведения митинга, во время которого офицеры настраивали рядовых казаков расправиться с приехавшими, но последние ограничились тем, что прокололи штыками кузов автомобиля. Со всего уезда было собрано около 3 тыс. винтовок системы Гра и Ватерли, дробовые охотничьи ружья, 200 тыс. патронов, 3 бомбомета и 15 револьверов. Оружие казаки сдали, но офицеров не выдали.¹⁰

Накал борьбы временно спал, наступила мартовская пауза, использованная для проведения второго уездного съезда Советов казачьих и крестьянских депутатов. На съезде собрались представители «более с демократическими взглядами», большую часть составляли фронтовики. При открытии съезда замечен был разрыв между казачьими и крестьянскими делегатами. На первых пяти заседаниях они сидели строго порознь: казаки занимали левую сторону зала, а крестьяне – правую (делегаты-мусульмане присутствовали как в той, так и в другой группе). Предметом «розни» были земельный вопрос и организация самоуправления в Троицком уезде. На фракционных заседаниях крестьяне примыкали к коммунистической группе делегатов и выступали «за власть Советов», от которых ждали наделения землей. Казаки землю считали своей собственностью, на которую необоснованно претендовали «разночинцы», а в качестве главного органа уездного самоуправления предлагали казачью управу или казачий Совет. Троицкий городской комитет РКП(б) предпринял попытку сгладить разногласия, командировав на съезд для примирения сторон Ф.Ф. Сыромолотова и председателя Троицкого Совета Я.В. Аппельбаума. В результате «упорных разъяснений» на вечернем заседании 23 (11) марта было принято решение о выборах единого органа – уездного Совета казачьих, крестьянских, мусульманских депутатов. На утреннее заседание следующего дня прибыли с приветствием делегаты от казачьей управы во главе с Глазуновым. По случаю объединения казаков и крестьян утреннее заседание было закрыто уже в 10 часов 11 минут, прекратили работу торговые учреждения, все делегаты вышли на улицу и с красными флагами направились к городскому Совету. По пути их приветствовали представители Орского железнодорожного управления – как выразителей воли народа.¹¹

Объединившись, делегаты Троицкого съезда приняли резолюцию о необходимости создания новой революционной армии вместо разложившейся старой, а роспуск Учредительного собрания постановили считать свершившимся фактом, который прекратит десятимесячную борьбу за власть. «Делегаты станиц Троицкого уезда 3-го округа Оренбургского казачьего войска, – говорилось в резолюции, – находят, что декрет, объявляющий Россию Федеративной Советской республикой, есть гарантия, что наша самобытность и исторические права будут сохранены как равно-

правного члена Советских республик, и будем голосовать за лозунг «Вся власть Советам крестьянских, казачьих, мусульманских и рабочих депутатов!»». В качестве доказательства «единения революционных сил» было оглашено постановление Ключевской станицы (в состав которой входил поселок Клястицкий) об отказе формировать партизанские отряды и «вообще от всяких выступлений».¹²

Между тем ситуация в Солодянке обострялась. На одном из заседаний съезд выслушал сообщение Шванского о формировании в Клястицком поселке боевой дружины и предполагаемом выступлении ее в тыл отряду красновардейцев, направлявшемуся в Верхнеуральск. Проверять факты выехала делегация из 6 человек – 3 казаков, 2 крестьян и 1 мусульманина (Вопилов, Ершов, Померанцев, Семикашев, Амитов, Аремеев). Вероятно, по дороге к ним присоединился командир красноармейского отряда, окружившего мятежный поселок накануне вечером. Организатор казачьей дружины Дресвянкин запретил приехавшим выступить перед казаками, разговаривал с ними сам. В разговоре подтвердил факт организации отряда, но подчеркнул, что сделано это исключительно для защиты поселка, куда к вечеру для принятия решения о последующих действиях ожидается прибытие еще 6 отрядов, сформированных в других станицах. Дружины формируются по распоряжению Войскового Круга. Один из делегатов – казак Ершов – вынужден был отвечать на прямо поставленный вопрос: чью власть он признает – казачьего Войскового Круга или Совета? «Служебно признаю власть Круга, но заявляю, что большинство станиц власть Круга не признало», – ответил Ершов.

Дресвянкин сформулировал и основные лозунги: «не хотим признавать Совет с жидами», «требуем разоружения и роспуска Красной Армии», «требуем освобождения арестованных Советом казаков и офицеров». Эти требования подтвердили и собравшиеся казаки. Они провожали делегацию криками: «Разорвать их в клочки!», «Расстрелять!», «Посадить на кол!». Шины автомобиля, на котором приехали делегаты, были проколоты штыками.

Вернувшись вечером того же дня, делегаты доложили съезду об «общем возбуждении и полном вооружении» собравшихся в Клястицком поселке казаков, их «нервном и до крайности враждебном» настроении. «Большая темнота необразованного люда наших станиц так запугана, что даже боится слушать, когда говорят им про большевиков», – рассказывал Ершов. Опасаясь очередных обстрелов, большинство семей клястинцев ночуют в погребях или выезжают из станицы. Нет ни одного человека, который мог бы успокоить толпу...

26 марта сторонники атамана Дутова приблизились к Троицку, взорвали мост в 8 верстах от города. В Клястицком к этому времени собрался отряд из 300 конных и 200 пеших казаков с 20 офицерами, готовый оказать поддержку Дутову.¹³ В этот же день в Солодянку прибыла очередная

группа парламентаров, в составе которой находился Петр Ильин – 23-летний коммунист с вполне типичной фронтовой биографией: из рабочих (в некрологе был назван пролетарием), добровольцем ушел на фронт, был дважды ранен, стал секретарем полкового комитета, арестован в декабре 1916 г. во время восстания 17-го Сибирского стрелкового полка на Рижском фронте, освобожден после революции, остался в армии и активно участвовал в работе Троицкого Совета. 27 марта П.Г.Ильин был убит. Обстоятельства его смерти восстанавливаются с трудом, но следствием были установлены факты особой жестокости убийства: раны со следами ожогов, свидетельствующие о расстреле в упор, раны, нанесенные колющими, режущими и тупыми предметами, ссадины от тросточки и ударов каблуками, следы издевательств (выкручивали руки, после смерти повесили) и ограбления (шинель разорвана, пропали часы, сапоги). В течение нескольких дней представители поселка уклонялись от разговоров о судьбе Ильина, не отвечали на просьбы жены убитого выдать тело, ссылаясь на трудности поиска среди других погибших при обстрелах. «Казнен по всем правилам самосуда, а не военных действий», – к такому заключению пришли следователи. Похороны Ильина 1 апреля 1918 г. были организованы как демонстрация, для участия в которой всем предприятиям, учреждениям и учебным заведениям было предложено прекратить работу. Процессия с черным знаменем впереди и оркестром прошла по городу, с речами выступили «ответственные ораторы» девяти организаций, прозвучали посвященные П.Ильину стихи.¹⁴

Поселок Клястицкий, вероятно, был наказан уже обычным для этой войны способом. «Троицкая артиллерия разрушила станицу Солодянку», – сообщила газета «Известия Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов 5 апреля (23 марта) 1918 г.¹⁵ Прибывшие в район Троицка отряды красноармейцев разоружали партизанские формирования, расстреливали «главных бунтовщиков» – офицеров, священников, агитаторов. Поселки были обложены натуральной повинностью: казаки снабжали красноармейцев продуктами, возили воду для паровозов, восстанавливали разрушенные пути, под угрозой расстрела возвращали на железную дорогу рельсы. В апреле только для восстановления пути между Нижне-Увельской и Троицком было привлечено около тысячи казачьих подвод. На линии Полетаево-Троицк введено осадное положение, а в станицах стал известен приказ командующего восточным отрядом В.Блюхера о разрушении артиллерией всех населенных пунктов, около которых будут разобраны пути. 14 апреля 1918 г. Известия Оренбургского губисполкома сообщили, что все станицы между Челябинском и Троицком, расположенные по обеим сторонам железной дороги на 50 верст, сложили оружие, хотя «во всех станицах были дутовские воззвания и агитаторами всюду были организованы партизанские отряды».¹⁶

Примечания:

- ¹Оренбургский казачий вестник. 1918. 31 января.
- ²Казачья правда. 1918. 23 февраля.
- ³ОГАЧО. Ф.597. Оп.1. Д.297. Л.Л.153-154
- ⁴ОГАЧО. Ф.Ф.596. Оп.1. Д.223. Л.Л.34-38.
- ⁵Казачья правда. 1918. 23, 24 февраля.
- ⁶В 3-м округе, как сообщает Н.Ф.Турчанинов, идея гражданской войны была особенно непопулярна. После совместного съезда казаков и крестьян Челябинского уезда, состоявшегося 14-16 января, делегаты 8 станиц, постановившие считать себя Челябинским уездным казачьим кругом, прислали в окружное правление телеграмму с требованием «отозвать боевые силы с обеих сторон» и провести перевыборы делегатов Войскового круга «ввиду прибытия с фронта свежих сил и для устранения раскола между казачьим населением». Приказ об отправке в Кособродскую станицу казаков сроков 1916-17 гг. казачьи делегаты решили не выполнять на том формальном основании, что приказ подписан единолично, а согласно постановлению Малого Круга такие важные вопросы решаются не одним лицом, а кругом. Более того, казаки (65 делегатов) пассивно допустили принятие съездом резолюции, признающей правильность разгона Учредительного собрания. – см. Казачья правда. 1918. 24 февраля.

- ⁷ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.279. Л.Л.18-19.; Оренбургский казачий вестник. 1918. 31 января.
- ⁸ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.279. Л.Л.17-19.
- ⁹В период заселения Новолинейного района (1843-44 гг.) и перевода крестьян Верхне- и Нижнеуельской волостей в войсковое сословие в их число попали крестьяне двух деревень – Солодянки и Усламинского Яма, которые были переименованы соответственно в казачьи поселки Клястицкий и Карсинский. Поселок Клястицкий входил в состав Ключевского станичного юрта, всего в начале 1917 г. в ОКВ было 48 станиц, к концу 1917 г. их стало более 80, поселки присваивали себе станичный статус, расширявший права и возможности, в частности, использовать общественные средства.
- ¹⁰ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.279. Л.146.
- ¹¹ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д.223. Л.14.
- ¹²ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.279. Л.115-117. Следует отметить, что проходивший примерно в это же время в Оренбурге первый общегубернский съезд Советов (13-22 марта 1918) таким единодушием не отличался. На заседании 22 марта С.Цвиллинг заявил: «Пора исчерпать вопрос о взаимоотношениях между казачеством и трудовым крестьянством. 300 лет казачья нагайка гуляла по русской земле и забивала все живое... Мы простили все это

вам, потому что вы не знали, что делали... На наши предложения идти рука об руку с трудовым крестьянством... вы отвечаете нам или нет, или соблюдаете нейтралитет...хотите сидеть между двумя стульями. Вы поняли, что с Дутовым не по пути, но не хотите идти вместе с трудовым крестьянством... Нам нужно окончательно договориться, или идете вместе с нами, или берете винтовки и сражаетесь». Вопреки прежним обещаниям и ожиданиям представителя станиц о «раздельных Советах» и сохранении самоуправления, съезд принял предложение Цвиллинга: «деньги существующей казачьей власти не давать, Совет казачьих депутатов 1-го округа распустить». При губисполкоме решено было организовать казачью секцию, отпустить ей кредиты на организацию трудового казачества и «предоставить ей право удавить заразу», т.е. издавать газету вместо антибольшевицкой «Казачьей правды». (редактор Н.Ф. Турчанинов). – см. Известия Оренбургского ВРК. 1918. 24 марта.

- ¹³ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.279. Л.125.
- ¹⁴ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.223. Л.Л.29-31.
- ¹⁵ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.279. Л.130.
- ¹⁶ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.223. Л.31; Д.279. Л.100; Известия Оренбургского губисполкома. 1918. 14 апреля.

Восстание в Барнауле 11 июня 1918 г.

Одним из эпизодов гражданской войны на Востоке России было вооруженное восстание 11 июня 1918 г. в г. Барнауле, поднятое местной подпольной офицерской организацией. Последняя была создана в декабре 1917 г. Судя по всему, ее ядро образовали офицеры местного гарнизона, основу которого составлял 24-й запасной Сибирский стрелковый полк (переведенный в Барнаул в 1916 г. из г. Томска). По мере демобилизации армии к ним присоединялись возвращавшиеся домой офицеры других частей Русской армии, а также учащиеся и служащие различных гражданских учреждений Барнаула. Значительная ячейка организации имела в Барнаульской почтово-телеграфной конторе. Среди ее участников были люди различных политических взглядов, объединенных общим неприятием большевизма. Руководство организации поддерживало контакты с местными организациями эсеров и меньшевиков (см. Приложение 1), а также эсеровским Временным Правительством Автономной Сибири в Харбине, для связи с которым в начале 1918 г. был послан подпоручик Завьялов (см. Приложение 2). Руководителем Барнаульской военной организации стал бывший штабс-капитан 24-го запасного Сибирского полка, житель Барнаула Аверин Сергеевич Ракин. К сожалению, сведений о его прежней службе мне найти не удалось. Известно лишь, что его отец — учитель по образованию, с 1897 г. служил письмоводителем, бухгалтером и учителем пения в Барнаульском реальном училище, имел шесть детей.¹

До мая 1918 г. организация находилась в стадии формирования и накопления сил. По имеющимся данным, ко времени выступления ее численность вместе с ячейками в других населенных пунктах Барнаульского района составляла 400 человек (по другим данным — лишь 250). В самом Барнауле имелся отряд в 120 человек.²

Как известно, толчком к выступлению антибольшевицких сил в Сибири, стало восстание Чехословацкого корпуса. 26 мая 1918 г. чехи совместно с белогвардейским подпольем свергли советскую власть в Новониколаевске. По словам А.С. Ракина, для штаба Барнаульской организации события в Новониколаевске стали полной неожиданностью. Как указывал он в своем отчете, «при каких обстоятельствах он [переворот] произошел, кто был его инициатором и вдохновителем, Барнаульскому штабу было неизвестно, т. к. телеграфная связь с Новониколаевском была порвана, а всякие другие сведения поступали очень скудно и были очень противоречивы: говорили, что выступила «монархическая организация» и военнопленные германцы и, наконец, чехословаки; но ни их цели и задания, ни их отношение к организациям Временного Сибирского правительства

(самое главное) было неизвестно. Кроме того, положение Барнаульской организации ухудшилось еще тем обстоятельством, что в Барнауле сейчас же по выступлении чехословаков в Новониколаевске было введено военное, усиленно-военное, а затем и осадное положение, связавшие Барнаульскую организацию по рукам и ногам». В этих условиях штаб организации, руководствуясь указанием Центрального штаба подполья, находившегося в Новониколаевске (руководитель — подполковник А. Н. Гришин-Алмазов), не предпринимать никаких активных действий без приказа свыше, занял выжидательную позицию. «Позже, благодаря самоотверженной и бесстрашной работе двух телеграфистов Стерлина и Жаркова, Барнаульский штаб был введен в курс происходящих в Н.-Николаевске событий, причем ими было поручено шифрованное приказание за подписью «Алмазов» о выступлении, переданное для исполнения с 30 на 31 мая в Бийск, Семипалатинск и Камень. Однако вследствие отступления чехословацких отрядов от Барнаула, выступление в Барнауле не состоялось и было отложено до нового наступления чехословаков. При вторичном наступлении выступление Барнаульской организации назначалось трижды (в зависимости от движений чехословаков между Барнаулом и Новониколаевском) и состоялось только в ночь с 10 на 11 июня, после разгрома красногвардейцев у ст[анции] Тальменка».

Двухнедельное ожидание прихода чехословацких войск и троекратная подготовка к выступлению в условиях осадного положения с массовыми обысками и арестами среди офицеров, вызвали, по словам Ракина, сильный упадок духа и боеспособности и подорвали дисциплину в организации настолько, что ему пришлось от имени Гришина-Алмазова издать приказ о предании суду ее членов, не исполняющих распоряжения и приказания своих начальников и штабов. Эта мера оказалась действенной, «слабовольные и трусливые подтянулись, а начальствующие лица, почувствовав под ногами почву, твердо взяли в руки своих подчиненных...».³

Выступление барнаульской подпольной организации должно было сыграть вспомогательную роль, облегчив чехословацким и белогвардейским отрядам, наступавшим на Барнаул со стороны Новониколаевска, овладение городом. При этом должны были быть выполнены следующие задачи (сформулированные еще 3 мая 1918 г. руководителем штаба сибирского подполья Гришиным-Алмазовым на секретном совещании руководителей местных организаций в Новониколаевске): «1) арестовать видных руководителей большевиков; 2) сохранить ценности Госбанка; 3) вооружить Организацию (напаив на склады); 4) освободить тюрьму, 5) захватить и сохранить необходимые средства передвижения (паровозы, паровозы, туннели, мосты); 6) создать в тылу [красных] панику, угрозу фронту и, тем самым, оттянуть на себя с фронта силы противника».⁴ Восстанию в Барнауле благоприятствовало то, что почти все силы барнаульской Красной гвардии были брошены на Черепановский фронт, против насту-

пающих чехословаков. Как раз 10 июня Барнаул отправил на фронт последний резерв – добровольческую Коммунистическую дружину.

Восстание началось в ночь с 10 на 11 июня. С 4 часов утра начали раздаваться первые выстрелы. Как писала одна из местных газет, «они не обращали на себя особенного внимания горожан, привыкших уже к стрельбе». Лишь когда к 6 часам утра выстрелы участились, толпы горожан начали встревожено высовываться из окон, дверей, выбегать на улицу, чтобы узнать причину стрельбы. «Думали, что это чехословаки уже занимают город».

Центром восстания была почтово-телеграфная контора, занятая еще ночью вместе с мирно дремавшими красногвардейцами и комиссаром. «К 4 часам утра в конторе был уже отряд в 30 человек. К 6-7 часам утра набралось около 80 человек, а днем было уже около 150. Большинство состояло из почтово-телеграфных служащих, гимназистов, реалистов, офицеров было до 25 человек».

Сюда доставляли пленных красногвардейцев и граждан, задержанных на улицах. Из числа видных большевиков удалось задержать члена военно-революционного комитета, также бывшего офицера 24-го запасного полка Н. Д. Малюкова, к которому многие из его бывших сослуживцев имели особый счет. Арестованные были помещены белыми в камеру для хранения ценностей – герметически закрывающийся «громоздкий железный ящик с узким квадратным отверстием в двери».

«Постепенно в контору стали привозиться револьверы, винтовки, патроны, бомбы. Прибыло два воза, нагруженные хлебом, маслом, молоком и т. д.»⁵ Оружие было получено в результате разоружения команды красногвардейцев, охранявших лагерь военнопленных (около 50 человек), а также захвачено из цейхгауза охраны Алтайской железной дороги.⁶ По некоторым данным, военный руководитель последней бывший прапорщик 24-го запасного Сибирского полка С. П. Тарасевич и другие офицеры, служившие в охране, присоединились к восставшим.⁷ По словам А. С. Ракина, в общей сложности было захвачено около 250 винтовок, две с половиной тысячи патронов и несколько ручных гранат. Повстанцы освободили из тюрьмы арестованных офицеров – членов организации (около 20 человек) и других политических заключенных. Кроме почты и телеграфа ими также были захвачены Государственный банк со всеми его ценностями (около 8,5 миллионов рублей), а также расположенные на центральной Демидовской площади (вокруг здания Совдепа) здания гимназии, реального училища и детского приюта, откуда они повели наступление на Совдеп, защищаемой, по словам Ракина, 80 мадьярами с двумя пулеметами.⁸ По другим данным, в здании Совдепа держали оборону лишь члены большевицкого горкома и губсовета с 30 красногвардейцами (участник обороны Совдепа, видный барнаульский большевик А. И. Шемелев упоминает о 40 защитниках, в т. ч. несколь-

ких мадьярах).⁹ Не занятым белыми также оставался железнодорожный вокзал, расположенный за чертой города.

«Наша атака [на здание Совета], встреченная жестоким ружейным и пулеметным огнем, не удалась, и, потеряв 5 человек ранеными, мы вынуждены были отступить под прикрытие зданий реального училища и гимназии. – указывал в своем отчете Ракин. – Сейчас же на эти здания, создав угрозу нашему тылу (со стороны нашего тыла шло подкрепление с окр[аины] города «Булыгинской заимки»), и мадьяры повели контрнаступление, но несмотря на огневую поддержку 2 пулеметов, наступление было отбито, причем они потеряли около 15 человек ранеными и убитыми».¹⁰

Нескольким защитникам Совдепа удалось прорваться на вокзал (один из них – студент Аркадий Третьяков был убит), откуда они связались по телефону с добровольческим коммунистическим отрядом, отправленным накануне из Барнаула. Прибыв на железнодорожный вокзал, этот отряд с боем пробился к осажденному Совдепу, по пути очистив от белых Московский проспект, с прилегающими к нему кварталами. Получив подкрепление, засевшие в здании Совдепа красные почувствовали себя более уверенно, усилив обстрел противника, занимавшего позиции на противоположной стороне площади. Одновременно с обстрелом занятых белыми зданий на Демидовской площади, во фланг и тыл к ним по берегу речки Барнаулки зашел отряд красногвардейцев – речников (около 100 человек).¹¹ Обстановка складывалась явно не в пользу восставших, испытывавших к тому же недостаток патронов. Ясно было, что при сложившихся условиях город не удержать, наступавшие же со стороны Новониколаевска отряды чехословаков и войска Временного Сибирского правительства, по сведениям, полученным штабс-капитаном Ракиным, должны были прибыть не ранее следующего утра.¹²

Окончательный перелом в настроениях участников восстания произошел после обстрела здания гимназии из миномета, обнаруженного красными во дворе Совдепа. Как вспоминал один из участников боя, находившийся в здании Совета, «один из красногвардейцев быстро установил его и выпустил две мины. Одна разорвалась у здания гимназии, другая влетела в окно. Громкие взрывы навели панику на белогвардейцев, очевидно, решивших, что у нас есть артиллерия, и они стали в панике отступать. Наши отряды преследовали их до городских окраин и остановились только с наступлением темноты».¹³

Одновременно с наступлением на гимназию и реальное училище председатель ревкома М.К. Цаплин дал задание группе коммунистов занять телефонную станцию, которая размещалась в двухэтажном здании, расположенной на площади между гимназией и Совдепом, и прекратить обслуживание всех абонентов, кроме телефонов Совдепа, что и было выполнено. Станция находилась на виду у обеих воюющих групп, однако ни од-

ной из них не удалось во время перестрелки занять ее, и она почти сутки обслуживала обе стороны, причем две телефонистки были ранены шальными пулями.

После изгнания белых из гимназии и реального училища большой отряд красногвардейцев двинулся в сторону вокзала, чтобы прочесать эту часть города и занять почту.¹⁴ При отступлении из почтово-телеграфной конторы, оказавшейся под перекрестным огнем двух пулеметов – с Московского проспекта и с чердака «Кафе-де-Пари», было убито три белогвардейца (в т. ч. один офицер – прапорщик Л.М. Каликин) и один контужен. Заняв вместе с мадырами здание почты, красногвардейцы освободили находившихся там под арестом большевиков.¹⁵

Не имея возможности забрать с собой содержимое Государственного Банка, белые изъяли у контролера последнего Орфенова под расписку ключи от банковских хранилищ и зарыли в земле. Благодаря этому большевики так и не смогли завладеть ценностями Госбанка, и последние достались белым при повторном занятии ими Барнаула.¹⁶

К 12 часам ночи весь город был в руках большевиков. Белые (численность которых Ракин определяет в 120 человек), отступили в прилегающий к городу лес.¹⁷

Не всем участникам восстания удалось скрыться из города. Раненых белогвардейцев красные добивали штыками. В частности, так погиб бывший заведующий лесоинженерным отделом Алтайского округа Иван Эдуардович Эзет (сын известного архитектора Э.И. Эзета, городского головы г. Омска в 1880 – 1891 гг.). Труп Эзета и других убитых не давали убирать более суток. После возвращения белых, убитые участники восстания были с почестями похоронены на барнаульских кладбищах.¹⁸

Вот их имена, восстановленные по метрическим книгам барнаульских церквей и другим источникам (возможно список является неполным, т. к. по метрическим книгам не всегда можно достоверно установить принадлежность убитых из числа гражданских лиц к тому или иному лагерю):

- Башлыков Семен Дмитриевич – прапорщик, 26 лет;
- Голяков Федор Никитович – прапорщик, уроженец Тамбовской губернии, Шацкого уезда, Самодуровской волости и села, 28 лет;
- Каликин Леонид Матвеевич – прапорщик, 22 года;
- Нолле Михаил Александрович – подпоручик, 24 года;
- Шитиков Сергей Дмитриевич – прапорщик 24-го Сибирского стрелкового полка, 33 года;
- Андреевский Степан Ефимович – 47 лет;
- Бессонов Валентин Михайлович – народный учитель, 19 лет;
- Леухин Илья Иванович – 19 лет (род. 19 июля 1898 г.), из мещан г. Барнаула, почтово-телеграфный чиновник V разряда Барнаульской почтово-телеграфной конторы, убит вечером 11 июня при отступлении из конторы;

– Спасский Павел Вениаминович – учащийся 6 класса Барнаульского реального училища, убит на посту красногвардейцами;

– Терзилов Александр Григорьевич – крестьянин Мариинского уезда, Волчадаевской волости, деревни Н. Чебулы;

– Чудбин Павел Николаевич – лесничий, 28 лет;

– Эзет Иван Эдуардович (см. выше) – инженер, дворянин, 45 лет.¹⁹

Случайными жертвами событий 11 июня стали также некоторые мирные обыватели, заподозренные в причастности к восстанию. Так, у себя на квартире во время обыска был убит красногвардейцами не принимавший участия в восстании студент Томского технологического института Вячеслав Дмитриевич Овчинников, 20 лет.²⁰ При столь же трагических обстоятельствах погиб отставной военный чиновник Станислав (или Степан) Петрович Махлаевский. Его гибель была подробно описана в газете «Алтайский Луч».

«Часов около 9 утра 11 июня к дому Махлаевского подошли красногвардейцы, которые, сделав обыск в квартире и ничего не найдя, арестовали С.П. Махлаевского, его трех сыновей, сноху и трех квартирантов – телеграфистов. Арестованных повели в Совет. Когда арестованные дошли до угла 1-го Пруд[ского] пер. и Бийской ул., то попавшийся навстречу патруль спросил конвойных, кого они ведут. Получив ответ, что ведут «главаря», патруль посоветовал арестованных расстрелять, после чего они были выстроены в шеренгу, и на них наведены дула винтовок. Раздумав очевидно расстреливать всех, красногвардейцы приказали арестованным выйти вперед, а старика Махлаевского оставили на месте. Был сделан залп, и Махлаевский упал. Ограбив убитого, красногвардейцы увели остальных в Совдеп. После расстрела Махлаевского красногвардейцы несколько раз приходили с обыском в его квартиру. После их ухода квартира оказалась разгромленной, имущество разграбленным. Нужно добавить, что С.П. Махлаевский никогда «Главарем» не был. С самого приезда с фронта болел и в этот день как простой гражданин выходил посмотреть, что делается на улице».²¹

Был подвергнут жестокому обстрелу дом прокурора А.В. Яблонского-Шавровского. «Семья прокурора и он сам, находясь в это время в квартире, спаслись только чудом, все стекла квартиры были перебиты, и многое из имущества и платья повреждено пулями. Таких расстрелянных домов была масса».²²

Всего после подавления восстания большевиками было арестовано около 150 человек (большинство из них, по-видимому, составляли простые обыватели из числа городской интеллигенции и буржуазии, не принимавшие непосредственного участия в восстании). Арестованные содержались в здании Совдепа. При отступлении красных из Барнаула несколько красногвардейцев хотели бросить в них бомбу. Но благодаря одному из руководителей барнаульской Красной гвардии Л. Решетникову,

который стал у двери с браунингом в руке, пленные были спасены. Часть из них (40 человек) красные забрали с собой в качестве заложников. Однако лишь один из них, когда-то служивший жандармом, был расстрелян, остальные же со станции Алейской были отпущены обратно в Барнаул.²³

Отступивший из Барнаула отряд шт.-капитана Ракина отошел к Туринной горе, а затем в д. Гоньбу, где утром 13 июня соединился с белыми отрядами полковника Буткевича. В то же время на помощь к красным подошел отступивший из Кузбасса крупный отряд под командованием П. Сухова. Вечером того же дня Барнаулский отряд под командой Ракина и остальные отряды под общей командой полковника Буткевича повели наступление на Барнаул, обстреляв из орудий железнодорожный вокзал.²⁴ «Встреченные огнем разведоч[ной] партии красногвардейцев в расстоянии 1,5 – 2 верст от Барнаула, – указывал в своем докладе шт.-кап. Ракин, – отряды, по приказанию полковника Буткевича, отступили. 14 июня, днем наступление отрядов, усиленных чехословаками, под общей командой пор[учика] Чесноховского, было возобновлено, причем отряды: Барнаулский, чехословацкий и капитана Николаева были встречены сильными партиями мадьяр с импровизированными бронированными, вооруженными пулеметами поездами, совершенно непробиваемыми пулями. Бой продолжался часа два, после чего по приказанию поручика Чесноховского Барнаулский и чехословацкий отряды отступили обратно в дер. Гоньбу, куда прибыл отряд капитана Николаева. Отряды же пор[учика] Лукина и капитана Степанова, потерявшие связь с остальными отрядами, отделенными от них речкой, двигались по горе на Барнаул и взяли его со стороны наименьшего сопротивления утром 15 июня.

Днем 15 июня в дер. Гоньбе, где стояли отряды, были получены сведения о взятии Барнаула, а в 1 час ночи на пароходах все отряды, за исключением Барнаулского, которому полковник Буткевич приказал идти пешком, были отправлены в Барнаул. Барнаулский отряд прибыл в город утром 16 июня».²⁵

Партийное и советское руководство города и губернии, а также часть красногвардейцев спаслись, в двух эшелонах отступив до станции Алейской. Там они объединились в отряд под руководством П.Ф. Сухова и двинулись к Омску на соединение с Красной армией. Судьба этого отряда хорошо известна. Пройдя несколько сот верст по территории Алтая, он был уничтожен превосходящими силами белых, при попытке прорваться из Горного Алтая в Монголию. Часть коммунистов и красногвардейцев не смогла вырваться из Барнаула и была захвачены белыми. В городе были созданы органы власти Временного Сибирского правительства, восстановлены городская дума и земская управа. Начались обыски, аресты и расстрелы – теперь уже красных, не успевших бежать из города.

На основе кадра Барнаулской белогвардейской организации из мобилизованных по приказу Временного Сибирского правительства офи-

церов и добровольцев был сформирован 1-й Барнаулский стрелковый (с августа – 3-й Барнаулский Сибирский стрелковый) полк, через несколько дней отправившийся на фронт против красных в Восточную Сибирь.²⁶

Что касается бывшего руководителя организации А. С. Ракина, то он после свержения советской власти был назначен комендантом города, а затем и начальником Барнаулского гарнизона. В начале 1919 г. за «не тактичность и некорректность по службе» (выразившейся в систематическом пьянстве и многочисленных злоупотреблениях) он был снят с этих должностей. Однако вместо отправки в одну из действующих частей вскоре вновь всплыл в Барнауле в должности начальника военного контроля.²⁷ В июне 1919 г., судя по приветствиям в его адрес по случаю годовщины освобождения города от большевиков, опубликованных в местных газетах, он еще оставался в Барнауле. Дальнейшую его судьбу мне проследить не удалось.

Из других руководителей организации, сведения о ком удалось найти в местных архивах, можно назвать бывшего военного коменданта Барнаула прапорщика Мерзлякова. Судьба его сложилась трагически.

Василий Семенович Мерзляков родился в 1896 г. Происходил из крестьян Вятской губернии, Сарапульского уезда. Получил образование во 2-м Барнаулском городском 4-классном училище. Служил в Загайновском лесничестве Алтайского округа, затем помощником письмоводителя в Барнаулском реальном училище. На военную службу призван в августе 1915 г. В 1916 г. окончил 1-ю Омскую школу прапорщиков. В августе 1916 г. назначен заведующим обучением гренадер 4-го батальона 210-го пехотного Бронницкого полка. 19 сентября того же года получил тяжелое ранение и был эвакуирован для лечения в Москву. Представлен к ордену Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». С января 1917 г. – младший офицер 24-го запасного Сибирского стрелкового полка, комендант лагеря того же полка, заведующий сборным пунктом Управления Барнаулского уездного воинского начальника, заведующий Барнаулскими местной и конвойной командами, комендантский адъютант с оставлением в должности заведующего командами. В октябре 1917 г. временно исполняющий должность уездного воинского начальника. С 4 октября 1917 г. по 1 апреля 1918 г. – вр. и. д. коменданта города. Одновременно до 16 января 1918 г. продолжал заведовать местной и конвойной командами. За противодействие большевикам был отстранен сначала от заведования командами, а затем и от должности коменданта. Некоторое время находился под арестом.

В подпольной организации он состоял с 6 декабря 1917 г., т. е. со времени ее создания, в качестве командира 2-й роты. После свержения советской власти служил обер-офицером для поручений при Управлении Барнаулского уездного воинского начальника, затем с августа 1919 г. –

командиром роты и помощником адъютанта в 52-м Сибирском стрелковом полку в г. Бийске. Был произведен в подпоручики.

В декабре 1919 г. с частью Бийского гарнизона Мерзляков отступил в Горный Алтай, где вместе с другими офицерами вошел в отряд капитана Сатунина. После его разгрома в апреле 1920 г. он был взят в плен одной из частей Красной армии. 9 октября 1920 г. Коллегией Алтайской ГубЧК за контрреволюционную деятельность приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 24 октября в Барнауле.²⁸

Многие из участников Барнаульского восстания впоследствии принимали активное участие в боях с Красной армией, Сибирском Ледяном походе. Некоторые из них, как, например, капитаны (впоследствии – полковники) А.И. Камбалин и А.Ю. Шиковский, командовали полками.

О судьбе командира 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка Александра Иннокентьевича Камбалина, под руководством которого вышеупомянутый полк отдельно от основных сил армии Каппеля зимой 1919 – 1920 гг. совершил Сибирский Ледяной поход, писал альманах «Белая Гвардия» в №№ 1-3 (1997-2000 гг.).²⁹

А.Ю. Шиковский родился в 1891 г. на хуторе Гоноровка Волынской губернии в семье польского дворянина. Окончил Житомирскую гимназию, после чего поступил на службу вольноопределяющимся в 20-й пехотный Галицкий полк. В 1914 г. окончил Чугуевское военное училище и был выпущен подпоручиком в 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский полк. Принимал участие в Первой мировой войне, был ранен. С июля 1917 г. командовал «батальоном смерти» 1-й гренадерской дивизии.

В начале 1918 г., после демобилизации из армии он приехал в Барнаул. Принял активное участие в свержении советской власти (о чем написал в своем письме, опубликованном в местной газете «Алтайский вестник» 5 сентября 1919 г.), после чего был назначен комендантом станции Барнаул, а затем помощником командира Барнаульского запасного полка. С октября 1918 г., уже в чине подполковника, командовал 7-м Сибирским кадровым полком. В декабре того же года был направлен на курсы Генерального штаба в г. Томск, по окончании которых в апреле 1919 г. назначен командиром 43-го Верхнеуральского стрелкового полка. Был ранен. За боевое отличие в июне 1919 г. произведен в полковники. С августа 1919 г. командовал 41-м Уральским стрелковым полком. Получив тяжелое ранение, в сентябре того же года был эвакуирован на восток. С 1920 г. – в эмиграции в Китае.

В 1920 – 1921 гг. он числился штабным офицером управления снабжения Дальневосточной армии в Харбине. В конце 1921 г. там же получил должность заведующего приютом инвалидов и предприятиями Дальневосточного общества помощи инвалидам. С 1925 г. служил в управлении КВЖД, откуда был уволен в 1931 г. в связи с сокращением русских штатов. Затем работал представителем чайной фирмы «Коровин». С 1935 г.

состоял на службе в 3-м отделе Бюро по делам русских эмигрантов в Манчжурии (БРЭМ).

В 1945 г., после вступления в Манчжурию частей Красной армии Август Юльевич Шиковский был арестован контрразведкой «Смерш» и этапирован в СССР, в Востураллаг, где по приговору Особого совещания при МГБ СССР получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей.³⁰ Дальнейшая судьба его неизвестна. По всей видимости, он умер в лагере (после 1947 г.), не дожив до конца срока. В Барнауле остались его родственники. В частности, по материалам одного из архивно-следственных дел Отдела специальной документации Управления архивного дела Алтайского края (бывший фонд органов государственной безопасности Алтайского края), удалось установить, что в 50-е гг. был жив младший брат Августа Юльевича. Он благополучно избежал репрессий, проработав всю жизнь токарем на предприятиях Барнаула.

Судьбы других участников Барнаульского восстания еще ждут своего исследования.

Приложение 1.

Копия.

Приговор.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Алтайский Губернский революционный Трибунал в составе... 1921 г. мая 11 дня, в открытом судебном заседании заслушав и рассмотрев дело по обвинению в вооруженном восстании, организации белогвардейцев и противосоветской деятельности в 1918 году граждан: 1. Строкан-Обского Владимира Антоновича 35 лет, гор. Полтава, по происхождению крестьянина, техника путей сообщения, социалиста – революционера с 1901 года; 2. Миськова Александра Тимофеевича 39 лет, гражданина Минской губ. Мозырского уезда, Туровской волости деревни Хлупин, окончил Минское городское училище, по профессии конторщик, бундовца; 3. Турищева Федора Прохоровича 26 лет, гражданина с. Боровского той же волости Барнаульского уезда, офицера старой и колчаковской армий, беспартийного, окончил нашего (т. е. Барнаульского – прим. авт.) 6 классов Реального училища, установил:

1. Гражданин Строкан Владимир Антонович, с момента вступления своего в партию эс.-эров, принимал деятельное и активное участие в работе таковой по разным городам России, имея непосредственную связь с Центральным комитетом партии и за свою работу не раз платился лишением свободы. С начала февральской революции 1917 года, Строкан как деятельный член своей партии принимает активное участие в революции, ведя политическую борьбу со своими противниками, участвует на съездах городов и земств Сибири, избирается членом Сибирской Областной Думы

комитетом своей партии; в дни Октябрьского переворота Строкан состоит председателем Национального Совета Сибири и здесь участвует в постановлении о немедленном созыве Сиб[ирской] Областной Думы в г. Томске наряду с создавшимися совдепами по Сибири, этим желая создать двоевластие в противовес Советам, в коих большинство были большевики.

Во время съезда членов думы в г. Томске, из Иркутска получается от большевиков распоряжение о роспуске Сиб[ирской] Обл[астной] Думы и аресте ее членов, в ответ на каковое члены Думы, в том числе и Строкан на конспиративном заседании ночью избирают Временное Сибирское правительство в составе Вологодского и других, часть которого едет на Восток, а часть остается в Западной Сибири для обоюдной организации контрреволюционного восстания по свержению Советской власти и замены ее Временным правительством. Строкан как член Думы едет в Барнаул с той же целью, где на собраниях и митингах рабочих выступает по политическим и экономическим вопросам вопреки постановлений Губисполкома Советов (за что и был арестован и посажен в тюрьму), имея тесную связь с Барнаульской белогвардейской организацией офицеров, за что и был арестован и посажен в конце мая 1918 года в тюрьму. В то же время надвигается от Н[ово]-Николаевска чехословацкий фронт, и в первых числах июня месяца Барнаульская белогвардейская организация делает восстание, первым актом которого было освобождение арестованных из тюрьмы, в числе которых в первую очередь был освобожден Строкан. Строкан по выходе из тюрьмы и после того, как город был очищен от белогвардейщины, переоделся в женское платье и уехал в дер. Власиху, где были уже белогвардейские части. Вместе с ними после вторичного взятия Барнаула белыми Строкан возвратился в Барнаул и принял как член Сиб[ирской] Обл[астной] Думы горячее участие в укреплении власти Временного правительства. Приказом этого правительства он был назначен комиссаром Ж[елезной] Дороги, будучи которым рассылал телеграммы с воззванием о поддержке Временного правительства, лично выступал на собраниях с таким же призывом. По вступлении на Сибирский престол Колчака, разгона опять собравшейся Областной Думы и уничтожении видных членов Учредительного Собрания и партии с.-ров, Строкан, сознав свою ошибочную тактику соц[оциалиста]-рев[олюционера], оставил свою политическую деятельность против Советской власти. Летом 1919 года на банкете белогвардейских офицеров в честь годовщины свержения большевизма в Барнауле, Строкан совместно с другими участниками банкета составил телеграмму на имя генерала Биснека³¹ и Ракина с приветствием от имени кучки забытых в Барнауле членов тайной офицерской организации в гор. Барнауле в 1918 году по свержению Советской власти и телеграмму на фронт с пожеланием победы над большевиками, на которых имеются собственноручные подписи Строкана, Миськова, Турищева и других.³²

2. Миськов Александр Тимофеевич, являясь сослуживцем и другом Строкана, совместно с последним выступал на митингах и собраниях жел[езно]дор[ожных] рабочих в 1918 году при Советской власти, являясь как меньшевик таким же врагом большевизма как и Строкан. За свои выступления со Строканом и за агитацию против советских работников он был арестован и заключен в тюрьму, откуда при белогвардейском выступлении был освобожден и вместе с офицерами принял участие в свержении Советской власти.

При подавлении первого восстания он вместе с белыми отступил из Барнаула, вернулся в таковой уже при занятии его чехами с оружием в руках и принял сейчас же горячее участие в укреплении власти Временного правительства, призывая жел[езно]дор[ожных] рабочих на разнообразных собраниях к поддержке такового. Летом 1919 года на офицерском банкете Миськов тоже подписал упомянутую выше приветственную телеграмму, этим доказав еще раз свою принадлежность к белогвардейско-офицерской тайной организации в 1918 г. При отступлении в конце 1919 года колчаковцев из Барнаула Миськов принимал живейшее участие по эвакуации войск и совместно с ними бежал до Красноярска, по возвращении из какового, боясь возмездия за свою преступную деятельность, под фамилией Иванова выехал в Славгород, где поступил на должность канцеляриста и впоследствии зарекомендовал себя [и] был назначен заведующим заготовительным отделом Упрдкома.

3. Турищев Федор Прохорович, поручик Николаевской армии, призванный Колчаком на службу, в 1919 году во время офицерского банкета в числе прочих подписал приветственную телеграмму на имя Биснека, указанную в сем приговоре, кроме того, обвиняемый был с 51 полком³³ на противосоветском фронте.

Алтайский Губернский Революционный Трибунал на основании всего вышеизложенного, признавая граждан Строкана, Миськова и Турищева во всех возведенных на них обвинениях виновными и руководствуясь коммунистическим правосознанием и велением революционной совести, приговорил: гражданину Владимиру Антоновичу Строкану, 35 лет и гражданину Александру Тимофеевичу Миськову, 39 лет, как к врагам Рабоче-Крестьянской власти применить высшую меру наказания – расстрелять. Гражданина Федора Прохоровича Турищева, 26 лет заключить в дом лишения свободы на три года. Принимая во внимание: 1. Горячее раскаяние Строкана в своих поступках на суде, его чистосердечное признание, публичное отречение от своих убеждений социалиста-революционера, ошибочно ведущего политику в период революции и готовность отдать свои силы и знания рабоче – крестьянской власти; 2. Одобрительные отзывы о Миськове, его работу в Упрдкоме как полезного работника и ценного сотрудника, его прежнюю террористическую работу и социальное положение; 3. Массу одобрительных отзывов о Турищеве со стороны ком-

мунистов и красноармейцев о его искренней службе в Красной Армии в пользу Советской власти и его социальное положение как кр[естьяни]на, а также в честь торжества международного праздника 1 Мая 1921 года, применить Первомайскую амнистию и настоящий приговор смягчить: гражданина Строкана Владимира Антоновича и Миськова Александра Тимофеевича заключить в дом лишения свободы сроком на пять лет каждого с зачетом предварительного заключения под стражей до суда. Приговор же три года в отношении гражданина Турищева Федора Прохоровича считать условным и Турищева из-под стражи освободить.

12 мая 1921 г.³⁴

Приложение 2.

КОМИССАРУ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Подпоручика Александра ЗАВЬЯЛОВА

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Состоя членом Барнаульской Военной организации, я 19 февраля 1918 года Штабом названной организации был командирован в гор. Харбин к Сибирскому Временному Правительству для информации дел.

Из гор. Харбина Сибирским Временным Правительством я был послан курьером в гор. Читу, Томск, Ново-Николаевск и Барнаул. В Чите я был арестован, причем все мои вещи, а также деньги выданные мне на проезд при аресте были отобраны. 29 мая из Читинской тюрьмы я был переведен в Иркутскую тюрьму. 14 июня союзом фронтовиков из Иркутской тюрьмы я был освобожден и после неудачного боя спасался в тайге – лесу по 13 июля 1918 года.

В настоящее время не имея никаких средств не только на приобретение потерянных мною вещей, но даже и к существованию, прошу Вас оказать мне помощь, как бывшему члену Барнаульской военной организации.

При сем прилагаю удостоверение бывшего Начальника штаба Барнаульской военной организации Штабс-Капитана Ракина.

Подпоручик Завьялов.
1918 года августа 1го дня.³⁵

Примечания:

¹Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф.Д. 43. Оп. 1. Д. 308. Л. 6/н.

²Вегман В. Д. Сибирские

контрреволюционные организации в 1918 г. // Сибирские огни. 1928, № 1. С. 140.

³Деятельность Барнаульской

белогвардейской организации в 1918 г. // Там же. С. 142.

⁴Там же; Белоусов Г. М. Эсеровское вооруженное подпо-

лье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. С. 137.

⁵Алтайский луч (Барнаул). 1918, 20(7) июня.

⁶Деятельность Барнаульской белогвардейской организации. С. 142.

⁷Отдел специальной документации Управления архивного дела Администрации Алтайского края. Ф. 2. Оп. 6. Д. 289 (24267). Л. 12, 30, 33 – 34.

Станислав Петрович Тарасевич. Родился в 1893 г. Из крестьян Гродненской губернии. В 1916 г. окончил 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков. В 1917 г. младший офицер и командир роты 24-го запасного Сибирского стрелкового полка. С июня 1918 г. в белой армии. До декабря 1918г. – младший офицер в 3-м Барнаульском Сибирском стрелковом полку. Во время боев на Пермском фронте получил серьезное обморожение ног и был эвакуирован для лечения в тыл. Вернулся в строй в мае 1919г. С июня 1919 г. в 1-м Сибирском егерском полку – младший офицер, затем командир роты. Произведен в подпоручики. Был ранен. В ноябре 1919 г. заболел тифом. Эвакуирован с лазаретом в Красноярск, где и остался до прихода Красной армии. В 1920 г. служил в Красной армии – командиром взвода 5-х пехотных командных курсов в г. Барнауле. 18 июля 1920 г. арестован Алтайской губЧК. Обвинялся в передаче оружия белогвардейцам в июне 1918 г. 18 августа 1920г. приговорен к расстрелу. (Там же. Л. 13 – 13 об., 18 – 21, 41 – 42).

⁸Деятельность Барнауль-

ской белогвардейской организации. С. 142.

⁹Бабий А. Г. 1918 год в Барнауле // Этих дней не смолкнет слава. Барнаул, 1967. С. 43; Шемелев А. И. Как это было. Из стенографического выступления на собрании Сибирского зем-

лячества в Москве 4 июня 1934 года // Там же. С. 36.

¹⁰Деятельность Барнаульской белогвардейской организации. С. 142 – 143.

¹¹Шемелев А. И. Указ. Соч. С. 36– 37; Бабий А. Г. Указ. Соч. С. 43– 44.

¹²Деятельность Барнаульской белогвардейской организации. С. 143.

¹³Бабий А. Г. Указ. Соч. С. 44– 45.

¹⁴Там же.

¹⁵Алтайский луч. 1918, 20(7) июня.

¹⁶Деятельность Барнаульской белогвардейской организации. С. 143.

¹⁷Там же.

¹⁸Сибирская речь (Омск). 1918, 28 июля; Сибирская жизнь (Томск), 1918, 2 июля; Девятьярова И. Г. Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX вв. // Известия Омского историко-краеведческого музея. № 2. Омск, 1993. С. 116.

¹⁹ЦХАФ АК. Ф.Д. 144. Оп. 6. Д. 3507. Л. 97 – 101; Д. 3509. Л. 262 – 267; Ф.Д. 85. Оп. 1. Д. 85. Л. 196, 198 об. – 199, 221; Алтайский луч. 26(13) июня.

²⁰ЦХАФ АК. Ф.Д. 144. Оп. 6. Д. 3509. Л. 262 – 263; Алтайский луч. 26(13) июня; Сибирская жизнь. 1918, 2 июля.

²¹Алтайский луч. 26(13) июня.

²²Сибирская речь. 1918, 28 июля.

²³Алтайский луч. 1918, 20(7) июня; Барнаул. Летопись города. Ч. 1. Барнаул, 1994. С. 175.

²⁴Деятельность Барнаульской белогвардейской организации. С. 143; Бабий А.Г. Указ. Соч. С. 45.

²⁵Деятельность Барнаульской белогвардейской организации. С. 143

²⁶3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк // Время (Барнаул). 1919, 15 ноября.

²⁷ЦХАФ АК. Ф.П. 1061. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 – 5.

²⁸ЦХАФ АК. Ф.Д. 232. Оп. 1. Д. 2. Л. 15, 35 – 35 об.; Архив Управления ФСБ по Алтайскому краю. Д. 928 оф. Л.2, 13.

²⁹Белая гвардия. №1. М, 1997. С. 63 – 64.

³⁰Смирнов С. В. Чтобы помнили...: судьбы неизвестных офицеров белой армии // Белая армия. Белое дело. № 7. Екатеринбург, 2000. С. 90 – 91; Шиковский Август Юльевич // Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб., М., 2003. С. 638; Алтайский Вестник (Барнаул). 1919, 5 сентября.

³¹Уполномоченный командующего войсками Омского военного округа по Барнаульскому району и начальник Барнаульского гарнизона.

³²См. Речь Алтая (Барнаул). 1919, 18 июня.

³³Имеется в виду 51-й Сибирский стрелковый полк, сформированный в Барнауле (до марта 1919 г. – 3-й кадровый Барнаульский Сибирский стрелковый).

³⁴ЦХАФ АК. Ф.Р. 33. Оп. 1. Д. 5675. Л. 1 – 1об.

³⁵ЦХАФ АК. Ф.Д. 235. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

К истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: формирование 3-го Уральского корпуса летом – осенью 1918 г.

В истории Гражданской войны на Востоке России сейчас наблюдается устойчивый интерес к проблемам военного строительства в Сибири и на Урале в 1918 г. В рамках установившейся «территориально-корпусной» схемы их рассмотрения, особенного внимания заслуживает 3-й Уральский армейский корпус – соединение, изначально формировавшееся как главный резерв командования Сибирской армии, и, в отличие от других, длительное время изобавленное от участия в боевых действиях.

Первые антибольшевицкие военные формирования на Урале появились зимой 1918 г. благодаря деятельности Временного правительства автономной Сибири и его Западно-Сибирского комиссариата, в феврале они были включены в состав сил Западно-Сибирского военного округа. В докладе, представленном Военным отделом 7 апреля 1918 г., наиболее крупной организацией Уральского подполья указывалась Челябинская (2000 чел.); более мелкие имелись в Екатеринбурге и Миассе.¹ Военные действия здесь развернулись 26 мая 1918 г., когда вооруженное восстание подняла Челябинская группа Чехословацкого корпуса. 27 мая был освобожден Челябинск. Имеющиеся в районе организации сводились в Отдельный Челябинский отряд. Дальнейшее продвижение Западной (Уральской) группы чехословаков позволило им 26 июня овладеть Златоустом; развитие операций Степным-Сибирским корпусом привело к освобождению Троицка, Миасса и Кокчетова. 21 июня 1918 г. здесь началось формирование Отдельного Миасского отряда.²

С переходом основных территорий Урала под контроль Временного Сибирского правительства, командование Сибирской армии приняло решение об образовании здесь нового корпусного района. Приказом войскам армии №1 от 4 июля 1918 г. был сформирован Уральский корпус, в состав которого включались отряды, созданные на территории Пермской и Оренбургской губерний и Тургайской области (приказ по корпусу №1 от 8 июля 1918 г.). Командиром назначался генерал-лейтенант М.В. Ханжин, начальником штаба – полковник генштаба Н.Т. Сукин. Приказом №4 от 14 июля 1918 г. корпус получил права отдельного; штаб включал Управление: генерал-квартирмейстера, (отделения оперативное, разведывательное, общее и военного контроля), дежурного штаб-офицера (Управление коменданта, мобилизационное отделение, отдел казачьих войск, команда связи), инспектора артиллерии, корпусных инженера, интенданта, врача, ветеринара, суда, контролера и начальника по передвижению

войск.³ На основании приказа войскам армии №26 от 11 июля 1918 г., в составе Челябинского отряда была сформирована Челябинская отдельная дивизия, которая с 17 июля стала именоваться 1-й Уральской пехотной; 30 июля начальником назначался полковник Сорочинский, 30 июля смененный полковником Нейландом, начальником штаба – штабс-капитан Москвичев, 1 августа смененный полковником Косьминим. В состав дивизии вошли 1-й Народный (штабс-капитан Машинский), 2-й (полковник Моисеев), 3-й (полковник Онуфриев) и 4-й (капитан Прокопович) Уральские пехотные полки. Формирующиеся отдельные батареи составили Уральский сводный артдивизион (подполковник Жиленков).⁴

25 июля 1918 г. совместными действиями Уральской группы Чехословацкого корпуса (полковник С.Н. Войцеховский) и отряда Степного-Сибирского корпуса (полковник Г.А. Вержбицкий) был взят Екатеринбург; 30 июля заняты Туринск, Ирбит и Камышлов. 28 июля 1918 г. в городе началось формирование добровольческих рот, а 6 августа по указанию Командарма и приказанию комкора в районе освобожденных Екатеринбургского, Шадринского, Камышловского и Красноуфимского уездов началось развертывание 2-й Уральской пехотной дивизии, начальником которой был назначен генерал-майор В.В. Голицын, начальником штаба – полковник Бангерский. В состав дивизии вошли 5-й (полковник Торейкин), 6-й (полковник Иванов), 7-й (полковник Тарасевич) и 8-й (полковник Кононов) Уральские пехотные полки и одна батарея (капитан Куликовский).⁵ Уже 7 августа формирующиеся части были брошены парировать контрнаступление противника: в район Верхотурского тракта 8 августа высылались отряды штабс-капитана Башкевича и полковника С.Н.Торейкина (5-го полка); в район реки Лысьва 9 августа направлялась офицерская полурота полковника М.С. Тарасевича (7-го полка). 10 августа части корпуса сами перешли в наступление: в боях у станции Крутиха и село Большое Мостовское противник был разгромлен и отброшен на 60-70 верст.⁶

Приказом по армии №46 от 26 августа 1918 г. корпус переименовывался в 3-й Уральский; 1-я Челябинская и 2-я Уральская пехотные дивизии – в 6-ю и 7-ю дивизии горных стрелков; получившие «территориальные» наименования полки приводились к общеармейской нумерации с 21-го по 28-й.⁷ Приказом №62 от 3 сентября определялся его административный состав. В пехоте: 6-я Уральская дивизия горных стрелков (генерал-майор Нейланд) – 21-й Челябинский (штабс-капитан Машинский), 22-й Златоустовский (полковник Моисеев), 23-й Миасский (поручик Обухов, затем капитан Вейссенберг) и 24-й Саткинский (капитан Прокопович, затем полковник Травин) полки горных стрелков; 7-я Уральская дивизия горных стрелков (генерал-майор Голицын) – 25-й Екатеринбургский (полковник Торейкин), 26-й Шадринский (полковник Иванов), 27-й Камышловский (полковник Тарасевич) и 28-й Крас-

ноуфимский (полковник Кононов, затем полковник Некрасов) полки горных стрелков; отдельные Кустанайский офицерский батальон (есаул Серов), Богородский партизанский отряд. В кавалерии: Сербский батальон (капитан Маринкович), конный дивизион 7-й дивизии и Златоустовский конно-партизанский отряд (поручик Рычагов). В артиллерии: 1-я (капитан Васильев), 2-я (капитан Бек-Мамедов), 3-я (поручик Шульгин), 4-я (капитан Лоренц) и 5-я (капитан Соколовский) Уральские отдельные легкие батареи. В технических частях: инженерные роты 6-й (штабс-капитан Игнатьев) и 7-й (поручик Зайцев) дивизий, авиаотряд №1, 2-я автомобильная и 2-я ж/д роты.⁸ Во изменение установленной системы, по ходатайству комкора приказом по армии №30 от 4 сентября 1918 г. 28-й полк переименовывался в Ирбитско-Перновский; 27-й в Камышлов-Оровайский – в память о полках прежней армии, чьи знамена были переданы новым.⁹ По состоянию на 26 августа 1918 г. в корпусе имелось 5031 чел. при 6 орудиях и 23 пулеметах (614 офицеров, 4417 добровольцев), из них 1009 невооруженных.¹⁰

Новый этап формирования Уральского корпуса начался с переходом армии к мобилизационно-призывному комплектованию, утвержденному Указом Временного Сибирского правительства от 31 июля и приказом Командарма №31 от 10 августа 1918 г. Приступая к мобилизации, командование столкнулось с рядом сложностей, в основе которых лежало быстро обнаружившееся превышение предполагаемой численности призываемых. Местные воинские начальники информировали штаб: «ожидаю сверх полученного наряда 3500 чел. в Екатеринбург еще около 500 чел. Прошу срочно прислать дополнительный наряд».¹¹ Вынужденное увеличение штатов кадровых полков негативно отразилось на состоянии их материального обеспечения, обнаружив недостаток помещений, обмундирования, оружия, предметов хозяйства и пособий для обучения. Серьезной проблемой оставался крайне невысокий уровень инструкторского состава, так что начдив 7-й Уральской дивизии В.В. Голицын отмечал: «Я убедился, что по части воспитания и развития сознания призванных в ряды вверенной мне дивизии новобранцев... дело стоит не на должной высоте. Офицеры мало, а в некоторых частях и совершенно не беседуют с солдатами... Такое искажение вещей совершенно недопустимо и терпимо быть не может».¹²

Формирование запасных (с 1 сентября – кадровых) частей корпуса началось 12 августа 1918 г. К 17 августа было образовано 5, а к 28 – 6 Уральских запасных полков, из которых приказом по корпусу №57 от 28 августа была сформирована 1-я Уральская кадровая бригада полковника Велька в составе: 1-й (полковник Круглевский; Челябинск), 2-й (полковник Дмитриев; Челябинск), 3-й (полковник Ткачев; Челябинск), 4-й (подполковник Раутсен; Троицк), 5-й (подполковник Овсянников; Челябинск), 6-й (полковник Обухов; Шадринск), 7-й (полковник Ванюков; Златоуст)

и 8-й (Екатеринбург) Уральские кадровые полки, пулеметный дивизион, школа подготовки унтер-офицеров, Уральский кадровый артдивизион (подполковник Жиленко; Челябинск), 1-я (Екатеринбург) и 2-я (Челябинск) кадровые инженерные роты.¹³ Наконец, на основании приказа по армии №81 от 4 октября, приказом войскам корпуса №121 от 11 октября бригада была развернута в две кадровые дивизии: в состав 1-й (полковник Вельк, начальник штаба капитан Кугушев) включались 1-й, 2-й, 3-й и 5-й полки, 1-я инженерная рота и школа подготовки унтер-офицеров; в состав 2-й (полковник Бангерский, начальник штаба подполковник Шохов) – 4-й, 6-й и 8-й полки, 2-я инженерная рота и артдивизион. Приказом №122 от 12 октября формировался недостающий 7-й кадровый полк.¹⁴

К 9 сентября общая численность корпуса (без учета кадровых и казачьих частей) доходила до 4456 штыков, 183 сабель, 2914 невооруженных при 15 пулеметах и 10 орудиях, 25 сентября – 7319 штыков, 1515 сабель рот 14 орудиях и 68 пулеметах. 30 сентября приказом №74 Уральский отдельный корпус получил наименование «армейского».¹⁵ 4 октября приказом войскам армии №80 «для комплектования, снабжения и охраны государственного порядка» ему отводились «очищенные от большевиков земли Пермской губернии, уезды – Златоустовский Уфимской губернии, Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский Оренбургской губернии и Кустанайский Тургайской области».¹⁶ По состоянию на 16 октября, боевой состав включал: 6-ю Уральскую дивизию горных стрелков (штаб в Златоусте, начальник генерал-майор Нейланд): 21-й (Бирск), 22-й (Златоуст), 23-й (Миасс), 24-й (Саткинский завод) полки горных стрелков, 4-я и 6-я (временно подчинена 7-й дивизии) отдельные Уральские батареи (по 2 орудия) и инженерная рота (всего 3229 штыков, 1500 сабель при 4 орудиях и 39 пулеметах); 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков (штаб и все части в Екатеринбурге, начальник генерал-майор Голицын): 25-й, 26-й, 27-й и 28-й полки горных стрелков; 1-я, 2-я, 3-я, 5-я и 7-я отдельные Уральские батареи (по 2 орудия), инженерная рота, 1-й Екатеринбургский Уланский полк (полковник Домонтович) и 2 бронепоезда (всего 6016 штыков, 15 сабель при 16 орудиях и 72 пулеметах); 1-ю (4396 штыков, 378 сабель, 15 пулеметов) и 2-ю (3988 штыков, 5 пулеметов) кадровые Уральские дивизии. Всего насчитывалось 10112 штыков, 11313 сабель при 27 орудиях и 147 пулеметах.¹⁷ 18 октября 1918 г. приказом №4 войскам Сибирской армии корпусу предписывалось «кроме частей, уже получивших задачи на фронте..., продолжать спешное формирование и числиться в резерве Верховного Главнокомандующего».¹⁸

Вопрос о полной переброске частей корпуса на Западный фронт был поднят после начавшегося 2 ноября 1918 г. отвода чешских формирований в тыл для отдыха и пополнения. На совещании у Главковерха В.Г. Болдырева решено было частями 7-й дивизии усилить войска Екатеринбургской армейской группы (генерал-майора Р. Гайды), 6-й – войска Са-

марской (генерал-майора С.Н. Войцеховского). В дневнике Болдырев отметил, что корпус «придется использовать... раньше окончательного срока его подготовки».¹⁹ Как следствие, по прибытии на фронт, полки оказались разорванными. По состоянию на 9 ноября, из 7-й Уральской дивизии (7879 штыков, 207 сабель при 15 орудиях и 65 пулеметах) на Кувшинском и Кунгурском направлениях действовали 5 рот 25-го полка, 4 роты 26-го, 4 роты 27-го и 8 рот 28-го полков, 2-я, 3-я и 7-я отдельные Уральские батареи. Остальные 27 рот формировались в Екатеринбурге. Из 6-й Уральской дивизии (1870 штыков при 2 орудиях и 32 пулеметах) на Красноуфимском направлении действовали сводный батальон по одной роте от 21-го, 22-го и 23-го полков (в составе 3-й Сибирской стрелковой дивизии), Красноуфимский добровольческий эскадрон и 1-я отдельная Уральская батарея. 20 рот 21-го и 23-го полков действовали на Самарском направлении, 11 рот 22-го полка находились в Златоусте, а формирующийся 24-й полк – на Саткинском заводе в 40 км. западнее Златоуста. В итоге, дивизии вынуждены были держать двойные штабы и команды, ограничивая права фронтовых командиров, подчиненных командирам полков в тылу. Значение Уральского корпуса как главного резерва Командования Сибирской армии и полноценного боевого соединения оказалось сведено к нулю.²⁰

Примечания:

¹РГВА, Ф.40240, Оп.1, Д.1, Л.3.

²Путеводитель по фондам Белой армии. / РГВА. М., 1998. С.126-127, 148.

³РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.58, Л.1, Путеводитель... С.126.

⁴РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.58, Л.15,18,21, 205.

⁵Там же. Л.205-206; Путеводитель... С.150.

⁶Кручинин А.М. «Даешь Екатеринбург!» // Белая армия, Белое дело. Екатеринбург, 1999. №6. С.13-20.

⁷РГВА, Ф.39617, Оп.1, Д.255, Л.24-25.

⁸РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.58, Л.66-66 об.; Ф.39498, Оп.1, Д.22, Л.77-80.

⁹РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.58, Л.108; Ф.39617, Оп.1, Д.256, Л.28 об.

¹⁰РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.66, Л.71-72.

¹¹РГВА, Ф.39504, Оп.1, Д.9, Л.771.

¹²РГВА, Ф.39722, Оп.1, Д.3, Л.23.

¹³РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.58, Л.61; Д.65, Л.205; Ф.39498, Оп.1, Д.22, Л.81-82.

¹⁴РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.58, Л.159, 160.

¹⁵РГВА, Ф.39512, Оп.1, Д.66, Л.102-104, 167-168 об.; Ф.39617, Оп.1, Д.256, Л.39.

¹⁶РГВА, Ф.39515, Оп.1, Д.309, Л.197.

¹⁷РГВА, Ф.39617, Оп.1, Д.164, Л.120; Ф.39512, Оп.1, Д.65, Л.205; Д.66, Л.239, 254.

¹⁸РГВА, Ф.39515, Оп.1, Д.309, Л.302.

¹⁹Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С.94.

²⁰РГВА, Ф.39722, Оп.1, Д.21, Л.3-3 Об.; Ф.39512, Оп.1, Д.66, Л.260-261.

Г.Д. Селянинова

Деятельность общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1918 году

В условиях утверждавшегося большевистского режима и разворачивавшейся Гражданской войны в 1918 году при Пермском университете активно работало «Общество исторических, философских и социальных наук». Необходимость создания интеллектуальной среды в городе, хотя и имевшем статус центра губернии, но остававшимся для приехавшей из университетских центров профессуры провинциальным, вызвала к жизни мысль об учреждении «Общества» вскоре после открытия Пермского отделения Петроградского Университета.

Уже 23 ноября 1916 г. группа профессоров историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов¹ обратилась в Совет Пермского Отделения Петроградского Университета с ходатайством об учреждении «Научного общества», посвященного разработке исторических, философских, филологических и социально-юридических знаний². После одобрения Советом проекта Устава «Общества» последний был представлен на утверждение Министра Народного Просвещения.

Революционные катаклизмы задержали утверждение Устава, и Обществу суждено было открыться уже после обретения Пермским университетом самостоятельности. Устав «Общества» утвержден был Министром Народного Просвещения Временного Правительства 15 октября 1917 г., а 21 декабря того же года состоялось открытие «Общества»³.

В качестве целей «Общества» было объявлено развитие и распространение исторических, философских, филологических и социально-юридических знаний. Но, создавая Общество первоначально с просветительными целями, пермская профессура в условиях разворачивавшейся гражданской войны использовала его возможности для самоорганизации «в тяжелое и смутное время, неблагоприятное для мирной научной работы», не считая себя вправе «ожидать более благоприятных времен для начала своей деятельности», как отмечал Г.В.Вернадский⁴.

К лету 1918 года в состав «Общества» входило 48 действительных членов и 6 членов-сотрудников. Председателем «Общества» в течение полугодия состоял профессор А.П.Дьяконов, товарищем председателя – профессор М.В.Птуха, секретарем – профессор Н.Н.Фиолетов, товарищем секретаря – профессор В.Н.Дурденевский, казначеем – профессор С.П.Обнорский (все избраны 3 января 1918 г.); кроме того, членами совета «Общества» были избраны 14/27 февраля 1918 г. профессора Г.В. Вернадский и Б.В. Казанский⁵.

Большинство членов «Общества» принадлежало к университетской корпорации, но были и представители внеуниверситетских кругов Перми (12 человек)⁶. Это было связано с тем, что организаторы «Общества», не желая замыкаться в стенах университета, стремились привлечь «местные культурные силы Перми к совместной научной и беспристрастной разработке философских, исторических и социальных знаний»⁷.

Деятельность «Общества» выразилась, главным образом, в устройстве публичных заседаний, на которых читались и обсуждались доклады и сообщения по вопросам, входившим в круг исторических, философских и социальных знаний. Таких заседаний было за полгода 12, и на них было сделано 17 докладов и сообщений.

Доклады первого заседания «Общества» 21 декабря 1917 г. были посвящены общенаучным подходам. Открывала деятельность «Общества» речь на тему «Философия и наука» профессора кафедры энциклопедии и истории философии права юридического факультета Леонида Васильевича Успенского. Противоречие между философией, как единой и законченной системой, и многообразным и изменчивым конкретным бытием, определяющим условность, фрагментарность и отрывочность отражающей это бытие науки, по мнению докладчика, преодолевается созданием синтеза науки и философии⁸. Постановка вопроса о необходимости единого цельного философского знания, основанного на толще научного опыта, вероятно, представлялась особенно актуальной в переломную эпоху, когда мир стал «смутным и противоречивым», а человек оказался «перед стихийным потоком непосредственного восприятия, который являл лик подлинного, беспредельного древнего хаоса»⁹. Л.В.Успенский в своем докладе назвал состояния неведения, печали, изумления человека перед «темной стихией данности» основным мотивом познания, которое дает возможность преодолеть стихийный хаос переживаний через понимание единой истины, возвышающей над мимолетной данностью. Но, думается, что сформулированное в докладе стремление выйти за пределы эмпирического взгляда на мир, было обусловлено, помимо стремления к знанию как таковому, тяжестью переживаемых Россией катаклизмов.

Если Л.В.Успенский заострил внимание на соотношении философии и науки, то А.И.Сырцов обратился к вопросу об аналитических суждениях¹⁰.

В последующих заседаниях заслушивались самые различные доклады членов «Общества», непосредственно связанные с темами их научных изысканий. Хотя докладчики касались в своих выступлениях, оформленных затем в статьи, вопросов, далеких от современности, но она проникала вольно или невольно в их размышления.

Профессор кафедры классической филологии Борис Васильевич Казанский обратился к проблемам античности, избрав в качестве темы доклада на втором заседании «Общества» 3 января 1918 г. «Идею бессмер-

тия в античном мире». Но усиленный поиск исторических параллелей, которые могли бы объяснить современную ситуацию, был неизбежен и при анализе античной мифологии: «В жизни личности и в истории народов есть моменты, есть эпохи особенно повышенного религиозного томления, когда иррациональное, мистическое, безумное овладевает умами и волей, приводит к крушению рационального мирозерцания...»¹¹

Рассматривая сходство «дионисийского безумия» и «русского остервенения», автор выделял их единую основу – древние обряды земледельческой магии¹². «Дионисийский оргиазм» автор усматривал и в марксизме, отмечая в его идеях языческое начало: «...Даже Маркс, мечтавший о «прыжке из царства необходимости в царство свободы» – разве это не то же чудотворчество Диониса?»¹³

Наиболее активной в Обществе была деятельность декана историко-филологического факультета Бориса Леонидовича Богаевского, представившего ряд докладов на темы древней истории: «Легенда о рае в Шумерийском эпосе», «Учение о примирении противоположностей в античной Греции», «Памяти Н.И.Веселовского». Ни один из этих докладов не был оформлен в статью и об изложенных в них идеях свидетельствуют лишь скудные протокольные записи. Но и они дают представления о научных поисках Б.Л.Богаевского, превратившего историко-филологический факультет Пермского университета в один из центров изучения античности в России. В докладе «Учение о примирении противоположностей в античной Греции» речь шла о понимании древнегреческими философами Гераклитом, Платоном, Аристотелем срединного состояния как наиболее справедливого и добродетельного.¹⁴ В дискуссии, разгоревшейся по поводу высказанных положений, указывалось, что средину можно понимать различно – в смысле компромиссного соглашения и в смысле преодоления противоположностей¹⁵. Скупое цитирование докладчиком и его оппонентами древнегреческих текстов отражало стремление приблизиться к максимально точному пониманию непреходящих научных истин, демонстрируя высокий уровень ведения научного спора.

Профессор юридического факультета Николай Николаевич Фиолетов, посвятил свои выступления истории церкви: один из его докладов затрагивал вопрос о правообразовании в православной церкви, другой – проблему отношения церкви и государства в церковном сознании. Говоря о православной церкви и правовом русском государстве, докладчик высказывал надежду, что они в будущем «должны будут найти общий язык и согласное устройство»¹⁶. Наиболее остро в прениях прозвучали вопросы профессора В.Н.Дурденевского, предположившего, что «возможна идея гражданской религии, вынуждающая весьма последовательно, почти враждебно «разделяться» с традиционной церковью»¹⁷. Н.Н.Фиолетов, отвечая оппоненту, отметил, что «бывают государства, в

которых церкви возможно лишь страдание... что этого не произойдет теперь...и что в настоящем церковным деятелям не придется идти путями протопопа Аввакума хотя эти пути не исключаются»¹⁸. Впоследствии профессор Фиолетов, оставив Пермский университет, возглавил (с 27 декабря 1918 г.) Главное Управление по делам вероисповеданий, учрежденное в Омске при правительстве адмирала Колчака, и, стремясь воплотить свои идеи в реальную жизнь, придал этому учреждению функцию посредника «в сношениях Правительства с центральными и местными органами православно-церковного управления, школы и хозяйства»¹⁹.

Доклад С.С.Штейнберга «Исторический материализм Карла Маркса и марксистов» вызвал бурную полемику, продемонстрировавшую искреннее желание членов «Общества» – немарксистов уточнить его философские истоки и сущность, поскольку «совершающаяся ... русская революция идет под знаменем Маркса», «тем более оснований всмотреться без предвзятости и пристрастия в доктрину Маркса, более трудную, чем это часто полагают»²⁰. В докладе были отмечены противоречия в учении марксизма, касающиеся понимания имущественных отношений, деятельности людей, разделения общественных явлений на фундамент и надстройку. Выступавшие в прениях отмечали телеологический характер марксизма, указывая, что будущее царство свободы есть предмет религиозной веры марксистов и религиозный мотив в марксизме – благодарная почва для исследования и дальнейшего развития²¹.

Специализировавшийся в области романо-германской филологии профессор кафедры истории западноевропейских литератур Борис Апполонович Кржевский посвятил свой доклад вопросу о происхождении легенды о Дон-Жуане, доставив «слуховое наслаждение слушателям цитатами на прекрасном испанском языке»²².

Активно выступали на заседаниях «Общества» представители пермской общественности: Б.М.Попов (он представил доклад «Пути искусства») и Л.А.Потоцкий (темой его выступления было учение Л.Н.Толстого об искусстве).

В мае 1918 г. Общество приступило к изданию «Сборника» своих ученых трудов. Редактором изданий «Общества» (на заседании 20 мая - 2 июня 1918 г.) был избран профессор Г.В. Вернадский, вспоминавший впоследствии: «При университете образовалось "Общество исторических, философских и социальных знаний", в котором принимали участие, кроме профессоров и городская интеллигенция (учителя гимназий, судебные деятели, члены Пермской ученой архивной комиссии и др.). Общество устраивало заседания, на которых читались доклады. Некоторые из них были напечатаны в "Сборнике" Общества (при мне вышел первый такой сборник, в котором помещены были две мои статьи)»²³.

Первый выпуск «Сборника» вышел из печати в июле 1918 г., он был напечатан в объеме 11 печатных листов и в количестве 400 экземпляров. Его скромные размеры были связаны с ограниченностью средств «Общества», источником которых стало «ассигнование из специальных средств Пермского университета (1500 руб. в год) и незначительные членские взносы. При дороговизне на типографские работы и бумагу издание первого выпуска даже в таких скромных размерах оказалось возможным только благодаря особому вниманию со стороны Совета университета, который разрешил дополнительное ассигнование»²⁴.

В предисловии к «Сборнику» редактор упоминал о «трудностях научно-литературных мероприятий в наше время», имея ввиду препятствия как материальные, так и идеологические.

Опубликованными в «Сборнике» оказались не все заслушанные на заседаниях «Общества» доклады (среди них доклад проф. В.В.Ламанского «Реформа русского правописания»), и, наоборот, в числе включенных в «Сборник» статей были те, что не озвучивались публично. Среди последних – статья «Императрица Екатерина II и Законодательная Комиссия 1767-1768 гг.» Георгия Владимировича Вернадского, а также «Субъективное право и его основное разделение» В.Н.Дурденевского.

Общество имело грандиозные планы дальнейшей публичной и издательской деятельности. Предполагалось издавать «Сборник» ежегодно в количестве двух выпусков приблизительно по 25 листов каждый; устраивать общедоступные лекции, организовывать экскурсии для этнографического и историко-археологического изучения местного края, заняться собиранием этнографических и археологических памятников, архивных материалов и рукописей и приобретением книг в соответствии с уставом «Общества». Однако все эти задачи остались не воплощенными в действительность. Острые материальные проблемы, усиление идеологизации общественной жизни во второй половине 1918 г. в условиях гражданской войны стали непреодолимой преградой для дальнейшей деятельности «Общества». Следует отметить также, что редактор «Сборника» Г.В. Вернадский в августе 1918 г. был вынужден покинуть Пермь²⁵.

Дошедший до нас первый выпуск «Сборника», содержащий, кроме научных статей, также устав и протоколы заседаний, дает возможность прикоснуться к атмосфере научного сообщества, познакомиться с культурой ведения научной дискуссии, получить представления об интеллектуальной жизни пермской научной интеллигенции.

Стремление к беспристрастной научной истине и проявление твердости в следовании своей собственной мировоззренческой позиции в условиях наступления на свободомыслие и разворачивавшегося произвола, можно рассматривать не только как попытку самосохранения, но, и противостояния идеологическому наступлению большевиков.

В 1927 г. вышел второй выпуск Сборника, а в 1929 году – третий, но это уже были документы другой эпохи.

25 В своих воспоминаниях Г.В. Вернадский описывает причины, побудившие его к отъезду из Перми: «Кажется в мае 1918 года друзья меня предупредили, что ЧЕКА собирается меня арестовать. Большевистский административный аппарат еще не был как следует налажен – все делалось, так сказать, кустарным способом. Пермским интеллигентам удалось устроить своего человека под видом служащего ЧЕКА. Ему и удалось многих предупредить. Мы с Ниной решили на лето поехать в какую-нибудь глухую деревню в пермском уезде, чтобы там укрыться на некоторое время, <...> В конце июля сменился начальник пермской ЧЕКА и благожелатели сообщили мне, что я могу без риска вернуться на несколько дней в Пермь, а затем на остаток лета уехать куда-либо подальше, например, в Москву, а потом уже вернуться в Пермь к началу занятий в университете. В Перми, помнится в самом начале августа, мы быстро подготовились к поездке в Москву. Заплатили Вечтому за комнаты до 1 октября. Вещи оставили в наших комнатах, кроме самого необходимого. Так оставили в Перми письма Бородин и других композиторов «Могучей кучки» к Нининому отцу, также Нинины альбомы с фотографиями институток ее класса (училище св. Елены в Петербурге). Ректор университета Покровский выдал мне свидетельство, что я командируюсь на шесть недель в Москву для научных занятий и еду с женой. Забыл раньше сказать, что когда мы приехали в Пермь. Покровский выдал нам новые паспорта взамен «царских». Паспорта эти мы, конечно, тоже взяли с собой. Благожелатели нам объяснили, что на вокзале агенты ЧЕКА проверяют отпускные свидетельства и паспорта. Нас предупредили, чтобы мы к нему не подходили, а предъявили бы свидетельство ректора университета коменданту станции (тоже большевику, но не ревностному). Так мы и сделали и благополучно сели в поезд». (Цит. по: Вернадский Г.В. Из воспоминаний// Вопросы истории. 1995. № 1. – С. 146-147.)

Примечания:

¹Инициаторами создания «Общества» выступили: А.П. Кадлубовский, Б.Д. Греков, В.Ф. Глушков, Л.В. Успенский, А.И. Вольдемар, К.К. Буга, Д.В. Алексеев, А.А. Заварзин, В.Ф. Матвеев, М.В. Птуха, А.А. Смирнов, А.И. Сырцов, С.П. Обнорский, А.Н. Круглевский, Н.П. Оттокар.

²Сборник Общества истори-

ческих, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 176.

³Там же.

⁴Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 1.

⁵Сборник Общества исторических, философских и со-

циальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 177-178.

⁶Примечание: На 1 июня 1918 года действительными членами Общества были: 1) Члены-учредители, профессора Пермского университета: Алексеев Д.В., Богаевский Б.Л., Буга К.К., Вольдемар А.И., Глушков В.Ф., Греков Б.Д., Заварзин А.А.,

Круглевский А.Н., Матвеев В.Ф., Обнорский С.П. (казначей Общества), Оттокар Н.П., Птуха М.В. (товар. Предс. Общ.), Смирнов А.А., Сырцов А.И., Успенский Л.В.; 2) Профессора и преподаватели Пермского университета: Булаховский Л.А. - проф., Вейдле В.В. - оставл. При Univ., Вейхардт Г.Г. - проф., Вернадский Г.В. - проф. (Чл. Сов. Общ.), Дурденевский В.Н. - проф. (Тов. секр. общ.), Дьяконов А.П. - проф. (Предс. Общ.), Дьяконов Д.М. - ассист., Иванов В.Н. - ассист., Кадлубовский А.П., Казанский Б.В. - проф. (Чл. Сов. Общ.), Кржевский Б.А. - проф., Крушман В.Э. - проф., Ламанский В.В. - проф., Обнорский Н.П. - библиот. Univ., Павлов М.А. - ассист., Покровский К.Д. - проф., Полканов А.А. - проф., Сюзов П.В. - ассист., Фиолетов Н.Н., проф. (Секр. Общ.), Шмидт В.К. - проф., Яценко А.С. - проф.; 3) Представители пермской общественности: Богословский П.С. - преп., Белорусов

В.В. - прис. пов., Весновский В.А. - краевед, Диковский Н.Р. - протоперей, Несслер Н.А. - преп., Полозов А.Н. - прис. Пов., Попов Б.М. - прис. Пов., Потоцкий Л.А. - преп., Раев И.Г. - преп., Чижов В.Е. - преп., Шмидт А.В., Штейнберг С.С. - инженер. Членами – сотрудниками Общества были: Вернадская Н.В., Жукатынская М.Г., Кузнецова А.А., Сергеева Л.И., Шмидт Р.В., Штейнберг О.С. (Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 177.)

⁷Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 1.

⁸Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 6-7.

⁹Там же. - С. 1.

¹⁰Сборник Общества исторических, философских и

социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 3.

¹¹Там же. - С. 5.

¹²Там же. - С. 22, 23

¹³Там же. - С. 30.

¹⁴Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 159.

¹⁵Там же. - С. 160.

¹⁶Там же. - С. 145.

¹⁷Там же. - С. 146.

¹⁸Там же. - С. 146, 147.

¹⁹ГАПО. Ф. Р-746. - Оп.2. - Д.1. - Л.142, 142об.

²⁰Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 170.

²¹Там же. - С. 173, 174.

²²Там же. - С. 162.

²³Вернадский Г.В. Из воспоминаний// Вопросы истории. 1995. № 1. - С. 144.

²⁴Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Выпуск 1. Пермь, 1918. - С. 179.

Преемственность и возрождение России

Сборник статей. 224 с. Спецвыпуск «Посева» за 2001 г. Библиотечка руссиеведения. Вып. № 6.

Послевоенная Россия уже не первый год живет с расколотым сознанием: кто она? Наследница Советского Союза? Или тысячелетней России? Или вовсе новое образование, построенное по западным шаблонам на пустом месте? Настоящий сборник обосновывает нравственную и политическую необходимость восстановления в нашей стране юридической и идейной преемственности от докоммунистической России, освещает с этой точки зрения события XX века и рассматривает ряд политических вопросов сегодняшнего и завтрашнего дня.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А. Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

К вопросу об организации продовольственного дела в Челябинске в 1917 – 1919 гг.

Во время Первой мировой войны в Челябинске, как и по всей России, стала ощущаться нехватка продуктов питания и предметов первой необходимости, начался постоянный рост цен на них. Две российские революции, произошедшие в 1917 году, обострили продовольственную проблему, а начавшаяся вскоре Гражданская война настолько ее обострила, что вопрос продовольственного снабжения постепенно становился вопросом физического выживания как для властей предреволюционных, так и для простых горожан. Настоящее исследование ориентировано на изучение официальной политики властей, сменявших друг друга в Челябинске в период с февраля 1917 по март 1919 годов, в деле продовольственного снабжения.

К осени 1917 года в Челябинске сложилась следующая система снабжения населения продуктами и предметами первой необходимости. Работали Городской (ГПК) и Уездный (УПК) Продовольственные Комитеты, Уездная Продовольственная Управа (ЧУПУ), а также ведомственные (например, железнодорожный продовольственный комитет) и междоветовые продорганы (например, соединенная Продовольственная Комиссия при Коалиционном комитете народной власти). Имел в своем составе Продовольственную Комиссию и параллельный орган власти – совет рабочих и солдатских депутатов.¹ Среди перечисленных учреждений самыми авторитетными и эффективно работавшими были ГПК и ЧУПУ. Существенно различаясь по своему статусу Управа и Комитет действовали на основании закона Всероссийского временного правительства «О хлебной монополии» (1917, 25 марта). Если Уездная управа была чисто административным органом, то ГПК сочетал в себе качества государственного учреждения по обеспечению населения продовольствием и выборной демократической организации. Комитет, образованный при городской управе еще в 1915 году, занимался разрешением частных и общих вопросов (например, установлением предельных цен на продукты, организацией ж.д. перевозок), а также оптовыми покупками продовольствия для горожан на деньги полученные в виде ссуды от городской управы. Объем таких закупок был еще незначительным, а их реализацией занимались частные торговые фирмы.² Собиравшийся время от времени ГПК не мог оперативно решать стоявшие перед ним задачи. Поэтому в ноябре 1917 г. в Челябинске Городским Продовольственным Комитетом и

Городской Думой была создана постоянно действующая городская продовольственная управа (ГПУ). Председатель управы (Введенский А.А.) и пять ее членов составляли присутствие, руководившее работой многочисленного аппарата в виде отделов (секретарский, бухгалтерский, статистический, карточной системы, хлебный, мясной, дровяной и проч.) и магазинов (лавок). ГПУ находилась в зависимости от уездной продовольственной управы, работавшей на правах областной и созданной еще в апреле того же года.³ Ввиду того, что в городе постепенно вводилась карточная система на продукты и некоторые предметы первой необходимости, важную роль приобретала система распределения этих дефицитных товаров. В Челябинске эту роль исполнял отдел ГПУ называвшийся карточной системой. Для организации общественного контроля за карточной системой в декабре 1917 г. в Челябинске были проведены выборы квартальных старост. Квартальные старосты, в свою очередь, были объединены в общегородской комитет квартальных старост.⁴ Большинство важнейших продуктов питания и товаров первой необходимости в Челябинске должны были продаваться не выше предельных цен, установленных на заседаниях межведомственной Нормировочной комиссии (НК) при городской управе. НК была создана распоряжением Оренбургского губернатора в 1915 году и продолжила свою деятельность до лета 1917 года. В ее состав входили представители земской управы, податного ведомства, биржевого комитета, военного ведомства, министерства торговли и промышленности, городского военно-промышленного комитета, Союза городов, заведующий челябинским районом по заготовке хлеба для армии и некоторых кооперативных организаций. На заседания Нормировочной комиссии в качестве «сведующих лиц» приглашались представители частной торговли и пищевой промышленности.⁵

Положение с продовольствием было настолько серьезным, что уже в начале марта 1917 г. совместным постановлением ГПК, Комитета общественной безопасности и совета депутатов было решено провести в Челябинске регистрацию продуктов, принадлежавших частным лицам и учреждениям (завершилась 17 апреля). В ходе этого мероприятия не только регистрировались продукты, но и от хозяев товара – частных торговцев, – брались подписки с обязательствами сохранять продукты до особого распоряжения ГПК.⁶ В конце мая УПК постановил произвести отчуждение у населения всех «излишних запасов хлеба и хлебопродуктов».⁷ Распространенным явлением становится реквизиция продуктов и товаров народного потребления (ТНП). После введения гос. монополии на хлеб (в зерне), табак, сахар, ткани и некоторые другие ТНП, означенные товары, принадлежавшие частным торговцам и следовавшие транзитом через ж.д. станцию Челябинск, подлежали реквизиции. Поэтому в апреле 1917 г. на станции скопилось большое количество реквизированного табака, сахара, ситца. Реквизиции силами милиции производились не

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 02-01-0047 /а-чел.

только на ж.д., но и на рынках, на квартирах у частных лиц, просто на улицах. Реквизированные товары поступали на склад ГПК, а оттуда распределялись по городским магазинам.⁸ В своем большинстве реквизируемые транзитные товары предназначались для реализации жителям Челябинского уезда. Деревня, оставшаяся без табака, сахара и ситца, волновалась и грозила прекратить поставки хлеба. Частично этот инцидент был разрешен соглашением между ГПК и УПК, по которому необходимое количество табака передавалось в уезд для его распределения через сельские потребительские общества.⁹ В июне 1917 г. ГПК получил права самостоятельно устанавливать «твердые» цены и привлекать к судебной ответственности нарушителей. Предельные цены устанавливались не только на продукты, но и на многие предметы первой необходимости (ткани, одежду, обувь, мыло, спички, керосин). Летом того же года ГПК стал также нормировать прибыль частных торговцев города.¹⁰ Постепенно в городе вводилось нормирование продуктов: с 14 августа 1917 г. была введена карточная система на чай (отпускался по 1 фунту на человека в месяц). Через месяц, 15 сентября стала продаваться по карточкам мука, а в ноябре были временно введены карточки на печеный хлеб.¹¹ Ухудшению продовольственного положения в стране во многом способствовали массовые реквизиции и конфискации на местах: из-за них в значительной мере была если не парализована, то значительно замедлена доставка продуктов. Реквизируемые продукты зачастую «потреблялись» на месте, а рьяно занимавшаяся изъятием продуктов милиция не располагала на этот счет достаточными указаниями властей. В городе практиковались обыски на улицах, частных домах и магазинах для изъятия продовольствия.¹² Как видно из приведенного выше материала, политика местных органов Всероссийского Временного правительства (далее – ВВП) в деле продовольственного снабжения была ориентирована на ограничение свободы рынка путем нормирования отпуска населению большинства видов продуктов, установления предельных цен на прочие продукты и принуждение производителей поставлять свою продукцию уполномоченным органам (разверстка), принимавшее все более всеохватный характер.

Установление советской власти в Челябинске еще больше обострило продовольственный вопрос, одновременно выявив неспособность новоявленного руководства наладить нормальное продовольственное снабжение. Руководители советов и Военно-Революционного Комитета надеялись решить указанную проблему применением вооруженной силы для борьбы с мешочниками, а также глобальным расширением практики реквизиций и конфискаций. Частным лицам было запрещено иметь на руках запас продуктов, превышавший минимальный, а некоторые виды продовольствия вообще стало возможным иметь только по специальным разрешениям (например: белый хлеб, виноградное вино).¹³ Частные торговые фирмы города имели право отпускать товар сначала только по разрешениям фабрично-за-

водской комиссии совета, а затем специально созданных контрольных комитетов.¹⁴ Хлебная монополия, введенная Временным правительством, продолжала действовать, крестьяне челябинского уезда сдавали на сыпные пункты зерно по невыгодным для них твердым ценам. Хлеб поступал в больших количествах, достаточно сказать, что для его вывоза на ж.д. станцию было задействовано, кроме гужевого транспорта, более 100 грузовых автомобилей.¹⁵ Заготовленное по обязательным поставкам продовольствие отправлялось в распоряжение центрального правительства, а местное население питалось по весьма скудным нормам, т.к. руководители советских органов и ГПУ оказались не способными организовать эффективное снабжение. Заметим, что председатель ГПУ эсер Введенский А.А. оказался никудышным руководителем. Работу ГПУ дополнительно дезорганизовывали постоянные вмешательства сов.властей, а также выход служащих управы из подчинения присутствию. Воспользовавшись хаосом, царившим в стране, служащие ГПУ создали собственный комитет и проводили в жизнь его решения.¹⁶ В конце марта 1918 г. в Челябинске совет депутатов ликвидировал Городскую Управу, вслед за этим встал вопрос о ликвидации ее структурного подразделения – ГПУ. 20 апреля 1918 г. ГПУ и ГПК были распущены, вместо них был создан комиссариат продовольствия (комиссары Гольман Г.Х., Баев А.С.).¹⁷ С 1 марта 1918 г. в Челябинске были введено карточное снабжение хлебом. К весне этого года по карточкам уже распределялось большинство продуктов и ТПН. Карточки зачастую было невозможно отоварить, а при выдаче горожанам сахара, табака или галош требовалась помощь усиленных нарядов милиции.¹⁸ Нетрудно заметить, что в области продовольственного снабжения Советская власть стремилась провести в жизнь доктринальные установки большевиков, предполагавшие запрет и полную отмену торговли и переход к прямому товарообмену. В сочетании с репрессивными мерами к производителям продовольствия – крестьянам, – такая политика советов привела к резкому ухудшению снабжения горожан и, в немалой мере, способствовала значительному сокращению числа их сторонников.

После свержения соввласти в Челябинске воссозданная городская дума решает вернуть дело продовольственного снабжения горожан на основы, определенные законом Временного правительства от 25 марта 1917 г. 17 июня произошло заседание ГПК на котором был избран новый состав ГПУ: Бондаренко П.П. (председатель, возглавлял до этого городской комитет квартальных старост), Штин В.И., Репьев И.Е., Беккер Л.И., Толстых, Малышев С.К. – члены управы.¹⁹ Временное сибирское правительство (ВСП) уделяло организации продовольственного снабжения много внимания. Для населения Урала и Сибири в июне 1918 г. была введена свобода торговли съестными припасами и возможность их заготовки для собственного употребления. Частные торговые фирмы получили право на закупку и транспортировку продуктов, для чего следовало получить раз-

решительное свидетельство в ГПУ, или у уполномоченных министерства продовольствия ВСП. Продажу продуктов частная торговля могла осуществлять по ценам не выше установленных предельных (устанавливались региональными Общественными продовольственными бюро при уполномоченных министерства продовольствия, а в последующем и самим министерством). Мешочничество же продолжало преследоваться.²⁰ В июле 1918 г. ВСП выпустило пакет законов, касавшихся продовольственного снабжения: о регулировании торговли хлебом, маслом, мясом и солью, и о передаче дел продовольственных управ уполномоченным министерства продовольствия, а продснабжение городов – в руки городского самоуправления. Эти законы закрепили созданную новую продовольственную систему: государственное регулирование на условиях заготовки продуктов у производителей по свободным ценам зарегистрированными агентами. Последние действовали под контролем уполномоченных органов: т.е. ставили свои приобретения на учет и продавали его по ценам не выше предельных.²¹ Таким образом, действие закона ВВП от 25 марта 1917 года о государственной хлебной монополии было отменено. Карточки на продукты в Челябинске были фактически отменены в июне 1918 г., нормировалось только распределение животного масла, составлявшего предмет монополии правительства, а также чая, табака и дрожжей. В дальнейшем карточки то вновь вводились, то снова отменялись. ГПУ, получив в распоряжение остатки продовольствия и денежных средств прод.комиссариата на сумму около 2 млн.руб., стала активно производить заготовки необходимых жителям Челябинска продуктов. Заготовка велась как непосредственно членами Управы, так и ее доверенными лицами. Например, члены управы Толстых и Штин неоднократно закупали живой скот на ярмарках. Продажа мяса велась лавками ГПУ и частными торговцами, получавшими его от управы, по ценам от 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 30 коп. за фунт. Массированные закупки скота позволили снять в городе мясную проблему.²² Продовольствие для Челябинска заготавливалось не только на Урале и в Сибири, но и на Дальнем Востоке, поэтому его доставка становилась важнейшей задачей. Транссибирская ж.д. магистраль не справлялась с возросшим потоком грузов. Для регулирования грузопотоков во Владивостоке было создано специальное бюро, устанавливавшее очередность. Бюро в первую очередь отправляло воинские грузы и стратегические материалы, оставляя на последок все прочее.²³ В попавшие под власть белых территории многие товары и продукты могли поставяться только странами Антанты через тихоокеанские порты. Поэтому в Челябинске при отмене продуктовых карточек сохранялось карточное распределение мануфактуры, а после потери Поволжья, и керосина. Осенью 1918 г. было вновь введено нормирование сахара. Положение с последним было напряженным, многие общественные организации стремились через ГПУ выписать какое-либо его количество для проведе-

ния различных мероприятий, но как правило им в этом отказывали. Но были и исключения: например, в августе 1918 г. по случаю приезда в Челябинск министров ВСП городской управе было выделено 5 фунтов сахара для торжественного заседания.²⁴ Как уже было сказано, ГПУ Челябинска занималась не только снабжением горожан продуктами, установлением на них предельных цен и учетом запасов частных торговцев, в ее руках было сосредоточены многие товары и топливо. По карточкам распределялись нитки, ткани, мыло, галоши, обувная кожа. Некоторые товары продавались без карточек, но по нормам (например, в начале августа 1918 г. на человека давалось по 3 фунта соли и по половине коробка спичек на семью).²⁵ Распределением карточек продолжали заниматься выборные квартальные старосты, они же выдавали удостоверения на приобретение дефицитных товаров или их отпуск сверх установленных норм. С августа 1918 г. работа квартальных старост стала оплачиваться: по 50 коп. за выданную карточку (эти деньги уплачивали сами потребители).²⁶ Первым кризисом, который испытал город при белых, стал топливный. Уголь с копей Копейска и Судженска был запасен в достаточном количестве, но его вообще употреблялось мало. Самым употребительным видом топлива были дрова. Заготовленные в достаточном количестве в лесных районах Среднего и Северного Урала дрова не могли вывезти из-за нехватки транспорта. Цены на дрова стали расти и в декабре 1918 г. достигли 130 руб. за куб.сажень, тогда как летом ее стоимость колебалась то 52 до 58 руб.²⁷ С ноября того же года стало острой проблемой отсутствие керосина. На городских складах в распоряжении военного министерства его имелось более 60 тыс.пудов, но для удовлетворения нужд жителей керосин почти не выделялся. Проблему удалось разрешить после неоднократных обращений городской думы к правительству.²⁸ Вообще, периодически в Челябинске возникали кратковременные перебои с теми или иными видами продуктов и товары, но их удавалось достаточно оперативно разрешать. Постановление ВСП о передаче продовольственного дела в руки городского самоуправления и уполномоченных в Челябинске не было выполнено полностью. В августе 1918 г. к уполномоченному (Грейлих В.А.) перешло право на выдачу разрешений на закуп продовольствия и его транспортировку, тогда же был закрыт счет ГПУ в отделении госбанка, но ГПУ продолжило работу в прежнем режиме. Ко времени ноябрьского переворота в Омске ВСП вновь подняло вопрос о передаче продовольственного дела городского населения в руки местного самоуправления (в виде городских и земских управ). К указанному моменту челябинская ГПУ была настолько независимым от кого бы то ни было органом, что понадобились соединенные усилия региональных и городских властей, а также представителей омского правительства для того чтобы заставить ее выполнить наконец июльское постановление ВСП. В исполнение этого решения ГПУ в декабре 1918 г. стала структурным подразделением

городской управы, а ГПК был распущен.²⁹ По штатам начала 1919 г. в челябинской ГПУ работало 130 человек. Кроме 13 отделов управления, находившихся в доме приказчиков торгового дома бр. Яушевых (ныне – здание Картинной галереи, ул. Труда, 92-а), в ее составе были 7 лавок, 4 склада и обоз. Численность лавок по сравнению с концом предыдущего года уменьшилась, т.к. 1 декабря 1918 г. была введена свободная торговля хлебом. В вечернее время в здании ГПУ проводились занятия для учеников торговой школы³⁰. В сентябре 1918 г. в Омске было создано Министерство Снабжения, имевшее на местах своих уполномоченных, занимавшихся заготовкой и распределением товаров первой необходимости. К концу того же года и минпрод, и минснаб решением правительства были полностью сосредоточены на обеспечении потребностей армии³¹.

Инфляция национальной валюты, сопровождаемая ростом цен, сказывалась на потребительском рынке уже с 1915 г. После революции эти процессы ускорились, а при правительстве Колчака А.В. приобрели острые формы. Если в январе 1917 г. в Челябинске фунт хлеба из крупчатки 1 сорта стоил 9 коп., то в ноябре 1918 г. 55 копеек стоил фунт ржаного хлеба, а в марте 1919 г. его цена превысила 1 рубль. Стоимость 1 фунта мяса выросла с 1.40 руб. за фунт в октябре 1918 г. до 4 руб. в марте 1919 г. Примерно в такой же пропорции возросли цены на другие продукты питания и товары³².

В начале 1919 г. главной проблемой становится огромный дефицит городского бюджета, на который ложились расходы по содержанию расквартированных в городе многочисленных воинских частей, а также беженцев. Эти расходы лишь частично компенсировались правительством. ГПУ свои основные средства получала в виде кредитов от городского самоуправления, касса которого была пуста. В конце 1918 – начале 1919 гг. руководители Челябинска пытались получить от Омского правительства заем на сумму от 2 до 6 млн.руб. К началу февраля было получено 1.2 млн.рублей, кроме того были погашены и некоторые долги за прошлый год³³. На жизни челябинцев указанные обстоятельства почти не сказались, т.к. в городе были достаточно развиты частная и кооперативная торговля, а продовольственная управа накопила необходимые запасы продовольствия и товаров. Политика ВСП в отношении продовольственного снабжения не была неизменной, но претерпевала постоянные изменения, послабления в отношении частной торговли чередовались с ужесточением контроля за ней. Неизменной была только работа податного ведомства. Даже в условиях нормирования продовольствия оно продолжало исправно накладывать акцизы, клеить на товары бандероли (марки), а обнаруженные «не обандероленные» (контрабандные) товары им конфисковывались и продавались с торгов. За мешочничество и продажу контрабандных товаров предусматривалось наказание в виде лишения свободы до 3 месяцев или штраф в размере до 3 тысяч рублей³⁴. Власти на заседаниях согласительных комиссий совместно с представителями от профсо-

юзов и предпринимателей старались периодически повышать заработную плату, чтобы компенсировать инфляцию, но жизненный уровень горожан постепенно снижался³⁵. В целом, при всех своих колебаниях, продовольственная политика Временного Сибирского правительства и правительства адмирала А.В.Колчака предоставляла значительную свободу рынку, внося в него элементы государственного регулирования.

В конце июля 1919 года Челябинск был занят частями Красной армии. Организация продовольственного снабжения при вторичном пришествии советской власти выходит за рамки данного исследования. Можем лишь заметить, что трудности с продовольственным снабжением при власти ВСП и Верховного Правителя России А.В. Колчака не идут в никакое сравнение с той катастрофой, в которую советская власть свергла Челябинск и всю страну в период 1920-22 гг.

Примечания:

¹Союзная мысль. 1917.5 мая; ОГАЧО.Ф.Р-1289.Оп.1.Д.1.Л.27,30,31; Там же. Ф.П-596.Оп.1.Д.118.Л.69.
²ОГАЧО.Ф.И-3.Оп.1.Д.1240.Л.13-30.
³ОГАЧО.Ф.Р-1289.Оп.1.Д.1.Л.42; Там же. Ф.П-596.Оп.1.Д.118.Л.349-350.
⁴Там же. Ф.Р-1289.Оп.1.Д.11.Л.1-2.
⁵Там же. Ф.И-3.Оп.1.Д.1240.Л.98-100; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.1.Л.3-12.
⁶Там же. Ф.П-596.Оп.1.Д.118.Л.35-36.
⁷Там же. Л.44.
⁸Там же. Ф.Р-1289.Оп.1.Д.1.Л.51.
⁹Ф.Р-1289.Оп.1.Д.3.Л.1-10б.,23.
¹⁰Ф.Р-1289.Оп.1.Д.1.Л.19.
¹¹Там же. Л.35,42-42об.
¹²Ф.Р-1289.Оп.1.Д.3.Л.3,5,9,10,12-14,26,31,39,40,64,68,81,92-98,107,108,116,142;
Ф.Р-1289.Оп.1.Д.11.Л.10.
¹³Известия Челябинского совета депутатов (далее - Известия).1918.31(18) марта; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.1.Л.49-51; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.6.Л.24; Ф.Р-1289.

Оп.1.Д.10.Л.6,11,19об.; Ф.П-596.Оп.1.Д.118.Л.207.
¹⁴Известия. 1918. 6 марта (21 февр.); Ф.П-596.Оп.1.Д.118.Л.391-392.
¹⁵Известия.1918.6 апр.
¹⁶Известия. 1918. 15 (20 февр.), там же – 12 марта (27 февр.); Ф.Р-1289.Оп.1.Д.6.Л.11,15-17; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.10.Л.91; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.11.Л.8,9,16,18-22,39; Ф.П-596.Оп.1.Д.118.Л.207.
¹⁷Ф.Р-1289.Оп.1.Д.11.Л.26-27.
¹⁸Известия.1918.10 марта; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.9.Л.18об.
¹⁹Ф.Р-1289.Оп.1.Д.7.Л.91; Там же. Д.8.Л.12; Там же.Д.9.Л.6-7об.; Там же.Д.11.Л.28,32,38-43,45-49,61.
²⁰Сибирский вестник. 1918. 6 нояб.; Приложение к №61 Сибирского вестника; Собрание распоряжений и узаконений Временного Сибирского правительства. 1918. 28 июля. №3; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.8.Л.3,5,10,16,33об,46-53об.
²¹Сибирская правда.1918.20 июня; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.8.Л.10,44.

²²Ф.Р-1289.Оп.1.Д.8.Л.4; Там же.Д.9.Л.68,70,82,101; Там же. Д.11.Л.58-59.
²³Там же. Д.9.Л.28,45.
²⁴Там же. Л.43,50,55.
²⁵Там же. Л.12,22,29,45,53.
²⁶Там же. Л.28-29,129; Там же. Д.10.
²⁷Утро Сибири. 1918. 1авг.; 18авг.; 7сент.; Ф.Р-1289.Оп.1.Д.9.Л.20,29,35,39 об.,59,66-68,72,88,91,93. Там же.Д.19.Л.65-70,80-88,101-103. Там же.Д.11.Л.57,61.
²⁸Там же.Д.19.Л.10-13,42,56,106-112,124.
²⁹Там же.Д.8.Л.54-55,89; Д.9.Л.62,123об.
³⁰Там же. Д.9.Л.57об.,98,116,129; Ф.И-3. Оп.3.Д.81 (листы не пронумерованы).
³¹Ф.Р-1289.Оп.1.Д.8.Л.59-60,62,67,120,122; Д.24.Л.63.
³²Там же. Д.9.Л.70,81,98,103,127,135.
³³Там же. Д.19.Л.24,34,35,52.
³⁴Д.9.Л.57.
³⁵Чистякова Н.М. Уровень жизни: социальные стандарты 80 лет назад // Вестник ЧелГУ. Серия 1. История. 1/2000. С.103-114.

Формы насилия и стратегии выживания населения на Урале в 1917 – 1922 гг.

Насилие как неотъемлемый фактор гражданской войны в России в течение десятилетий сохраняет в международной историографии статус ключевого предмета истории российской гражданской войны. При наличии бесчисленной литературы в ней преобладают политические интерпретации насилия: в зависимости от выбора исследователем угла зрения, отражающего позицию победителей или побежденных в гражданской войне, ответственным за огромные жертвы и массовую жестокость первого трехлетия русской революции оказываются «белый» или «красный» террор. При таком политическом и моральном вердикте за рамками исследования чаще всего остаются проблемы культурной природы насилия в гражданской войне и механизмов его функционирования, участия в нем широких слоев населения и многообразия его форм. В результате без убедительных ответов пребывают следующие вопросы: имелись ли существенные особенности (и воспринимались ли они населением) в применении разнообразных форм принуждения и устрашения со стороны противоборствовавших режимов, в какой степени современники революции и гражданской войны за пределами власти участвовали в эскалации насилия, имело ли оно специфические социально-групповые черты, каково было его культурное происхождения?

Урал – это один из регионов, предоставляющих богатейший материал для пластичного решения поставленных вопросов¹. Он был одной из наиболее «горячих точек» гражданской войны в России в 1918 – 1919 гг., «крестьянской войны» 1920 – 1921 гг., голодной катастрофы 1921 – 1922 гг. Эти события вместе с политическими катаклизмами Первой мировой войны и революции 1917 г. рождали в сознании их очевидцев образ непрерывной «7-летней войны» (1914 – 1921). Время с 1917 по 1922 г. оказалось особенно драматичным для уральского населения. Тревожные слухи о событиях в столицах и других регионах страны, боевые действия и подвижные линии фронтов, региональные правительства и национальные движения, крестьянские и рабочие возмущения и казачье повстанчество, погромные эксцессы в городе и деревне, многократная смена власти и ограбление население всеми, кому не лень – все эти события создавали благоприятную среду для беспрецедентного взлета насилия.

Несомненно, применение принуждения и акции устрашения со стороны противоборствующих сторон имели явные политико-идеологические

различия. Большевистский террор опирался на политические лозунги классовой борьбы и был направлен прежде всего на принуждение к сотрудничеству широких слоев населения, нелояльных к новому режиму. Насилие распространялось (по крайней мере, теоретически) на сферы управления, производства, распределения и культуры, включая систему образования. Этому служили многообразные формы устрашения, вплоть до взятия заложников и физического уничтожения, однако наиболее массовые размеры и тяжкие последствия для местных жителей имели такие механизмы принуждения, как продовольственная диктатура и милитаризация труда. В отличие от «красных» «белые» применяли насилие под патриотическими лозунгами. Это существенно локализовало террор, так как ему, во всяком случае, теоретически, должны были подвергаться малочисленные антипатриотически настроенные большевики. К тому же руководство небольшевицких режимов давало себе отчет о том, что пути назад, в дореволюционную Россию, уже не было. Это отразилось в достаточно осторожной политике в отношении реституции частной собственности, в рабочем и крестьянском вопросах. Антибольшевицкие правительства на Урале (как и в Поволжье) скорее стремились направить последствия большевицких экспериментов и крестьянского «черного передела» в относительно цивилизованное русло, чем бескомпромиссно бороться с ними.

Реальность применения насилия была однако принципиально другой. Населению «красный» и «белый» террор представлялся близнецами: массовые и беспорядочные обыски и аресты, взятие заложников и расстрелы, реквизиции и немотивированная жестокость практиковались всеми сменявшими друг друга режимами. Среди причин удивительного сходства практики насилия наиболее значимыми представляются следующие. Во-первых, противоборствующие стороны были вынуждены действовать в сходных ситуациях и сталкиваться с аналогичными проблемами. К ним относятся распад экономики и крах финансов, разрушение рынка мирной продукции и транспортной системы, разрыв связей между регионами и дефицит надежной информации, ограниченная лояльность населения и, не в последнюю очередь, слабость управленческих структур, которая компенсировалась энергичным применением принуждения. Административный хаос, конкуренция управленческих институтов с неопределенными полномочиями, нехватка компетентных и лояльных сотрудников восполнялись созданием чрезвычайных органов власти и управлением с помощью чрезвычайных методов.

Вторая и, видимо, наиболее важная причина безудержного распространения произвола при любом режиме коренилась в том, что все они имели дело с одним и тем же человеческим материалом, тяжело вживавшимся в экстраординарные условия существования и однотипно реагирующим на действия властей. Население было не только жертвой

насилия, но и само активно использовало его в собственных интересах. В определенной степени насилие выступало в качестве средства выживания не только государственных структур, но и самого населения.

Различия в технологиях выживания и формах насилия позволяют условно выделить три значимые социальные группы, определившие лицо русской революции и гражданской войны. Первую из них составляли «активисты» государственной службы и сопротивления, комплектовавшие как государственный аппарат различных режимов, так и ядро организованного сопротивления, а также организованной преступности. Это были мужчины призывного возраста, как правило, пережившие мировую войну в качестве солдат и младших офицеров, достаточно амбициозные и решительные, чтобы пойти на риск самостоятельного планирования своей жизненной перспективы в условиях грандиозного хаоса. Многие свидетельствуют о том, что большинство из них идентифицировало государственную службу с привилегиями, произволом и злоупотреблением служебным положением. Именно они поставляли основную массу мелких тиранов и исполнителей санкционированных или самочинных актов насилия в отношении населения. В отличие от активистов организованного сопротивления, они чаще всего географически и социально были (или ощущали себя) чужаками в зоне своей деятельности. Государственная служба часто играла в их жизни роль способа выживания, удовлетворения амбиций, инструмента социального восхождения.

Активисты повстанчества, напротив, чувствовали себя укорененными в местной среде. Многие свидетельствуют о том, что среди них преобладали лица, жизненные планы которых оказались перечеркнутыми революцией. На Урале среди них чаще всего встречались представители не дореволюционных элит, а казачества и национальных меньшинств Южного Урала. Активисты приспособления к новым обстоятельствам или сопротивления им, будучи группой повышенного риска, в начале 20-х гг. перестали влиять на развитие событий, о чем свидетельствует как бюрократизация структур власти, так и прекращение активного сопротивления большевистскому режиму.

Основная часть населения составляла вторую, самую многочисленную и наиболее пассивную социальную группу «попутчиков». Она не имела ярко выраженного социального профиля и отличалась особой профессиональной и половозрастной пестротой. Ее стратегия выживания заключалась в дистанцировании от активной политической деятельности и комбинировании законных и нелегальных источников существования. В этой связи не представляется возможным провести четкую границу между пассивным приспособлением и пассивным протестом. Это не означает, однако, что эта группа не имела отношения к насилию. Однако, в отличие от «активистов», насилие «попутчиков»

было направлено не на изменение ненавидимых порядков, а на устранение конкурентов из числа себе подобных. Социальная зависть и банальная месть часто выступали в качестве мотивов обращения к насилию, а донос – в качестве оружия. Эта социальная группа вела с новыми властителями сложную и весьма успешную игру в «кошки-мышки», так как слабое государство болезненно и поспешно реагировало на любое доноительство. Устный характер доноса еще более усиливал импровизационный характер террора.

Наконец, третью группу населения, резко увеличившуюся к началу 20-х гг., составили жертвы маргинализации общества вследствие все более ухудшавшихся условий существования. Хозяйственная «разруха» толкала социально более слабых, прежде всего детей, стариков и женщин, к таким занятиям, как бытовая преступность, нищенство и проституция. Разорившиеся крестьяне и безработные рабочие в ряде случаев составляли рыхлое и неустойчивое окружение активистов организованного протеста. «Маргиналы» были однако не столько субъектом, сколько объектом насилия со стороны государства и самосуда со стороны других категорий населения.

Резкий рост групп «попутчиков» и «маргиналов» означал трансформацию большей части населения в «социальных амфибий» и «социальных рептилий». Этот процесс составлял содержание интенсивной архаизации общества. Тем самым процесс цивилизации, описанный Н. Элиасом², в революционной России, в том числе и на Урале, пошел вспять. В конечном счете, за эскалацией насилия в русской революции стояла беспрецедентная культурная катастрофа: стремительное сокращение возможностей планирования жизни и возрастание неуверенности в завтрашнем дне компенсировалось высвобождением аффектов и нагнетанием насилия как наиболее эффективного способа выживания.

Примечания:

¹Подробнее о поведенческих моделях населения Урала в 1917 – 1922 гг. см.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001.

²См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М. – СПб., 2001. Т. 1 – 2.

«Белые мальчики»: в мемуарах и воспоминаниях

Поколение, рожденное на рубеже XIX-XX вв., гражданская война расколола на неравные части. Одна, пойдя за пропагандой большевиков, стала впоследствии поколением первых комсомольцев, добровольных и подневольных участников социалистическихстроек. Другая, следуя за белыми, стала первой волной русской эмиграции, рабочими на всевозможных рудниках, шоферами столичных такси, изгоями в разных странах. О Белом движении, его судьбе за рубежом написано немало книг, журнальных очерков и статей. Почти все главные воинские объединения составили и опубликовали подробную историю своих частей. Не забыта была и «белая молодежь» – те мальчики-кадеты и гимназисты, которые приняли участие в вооруженной борьбе и разделили судьбу своих «отцов», старших соратников, в изгнании.

К сожалению, до сих пор в исследованиях антибольшевизмского движения упор делается на отождествлении его с лидерами, встречается приверженность неким универсалиям и схемам с заранее известным ответом, непреодолимое подчас желание форсировать выводы без понимания сложности и многообразия ушедшей реальности. В то же время исследовательский взгляд часто не обращается к важному пласту «другой» стороны Белого движения – его юным участникам, подросткам. Весьма актуально по этому поводу звучат слова одного из «белых мальчиков», юнкера М.Д. Каратеева о своих соратниках-одногодках: «То немногое, что о «белых мальчиках» писалось и пишется, обычно грешит героическим пафосом или слезливостью, это не только искажает, но и обедняет картину: ничем не прикрашенная правда тут сама по себе настолько богата содержанием и красноречива, что нет никакой надобности ставить этих «мальчиков» на ходули. Нам подчас приходилось трудно, даже очень трудно, но все же наша жизнь не была трагедией: там, где крепка товарищеская спайка, довлеют здоровые традиции и не утрачено чувство юмора, [события] в сознании участника принимают иную окраску, нередко даже комическую»¹.

Ключевым для моего исследования стали историко-сравнительный метод и культурно-ментальный подход, с помощью которых была предпринята попытка изучения психологии подростка, юноши, сделавшего свой выбор именно в пользу Белого движения. Источниковая база – документы личного происхождения молодых участников Белого движения. Этот корпус источников достаточно разнообразный, и в силу разных причин, к сожалению, мало введен в научный оборот.

Несмотря на всю разность работ, главное, что объединяет их – это отблеск юности на восприятии событий гражданской войны, неизбежные

для любого человека идеализация и романтизация своей молодости. Нужно отметить, что «белая молодежь» включала в себя представителей разных социальных групп, разные культурные пласты. Далеко не все из них были склонны к написанию мемуаров в силу социокультурных установок, места в рядах Белого движения, бытовых проблем эмиграции. Юнкер Каратеев отмечал. «О повседневной жизни и мытарствах мелкой военной сошки .. историк получит очень слабое представление, ибо, в противоположность генералам (которым было о чем сказать), эта сошка своих воспоминаний не писала, полагая, что они никакого общественного или исторического значения не имеют»². Поэтому не менее важным представляется вопрос о мотивах мемуарной деятельности и социальном круге авторов. В этом смысле необходимо обращение к социокультурным реалиям России начала XX в. Бесспорна принадлежность авторов к городским образованным кругам, носителям определенных культурных стереотипов и кодов, характерных именно для « горожан», что заставляет нас не абсолютизировать выводы, а более тонко и взвешенно подходить к проблеме осмысления и оценки их мемуарного наследия.

Следующей проблемой является разнотипность и одновременность источников, оставленных «белой молодежью». Это дневники, написанные по «горячим следам», мемуары, созданные сразу после прекращения боевых действий, здесь, в России, и воспоминания, написанные на склоне лет в эмиграции. Все это, безусловно, усложняет задачу исследователя, пытающегося понять и почувствовать, насколько это, конечно, возможно, мироощущение молодых людей, начинающих жить «по-взрослому» в условиях социальной конфронтации в стране. Для нас сегодня очевидно, что нельзя свести к одному, двум факторам сложный комплекс индивидуальных причин, толкнувших подростка идти в белые, подчас порывая с родителями, семьей, родными и близкими навсегда. По-видимому, корни этого стоит искать в социально-политических коллизиях России начала XX в. Особо можно выделить: роль индивидуального выбора и корпоративности, присущей студенческо-гимназической среде и воспитанникам военно-учебных заведений дореволюционной России. Рассуждая о гражданской войне, нужно признать, что во многом ее приблизила революция начала века (с ее манифестами, «свободами», террором и др) и Первая мировая война. Молодежь, продукт социальной эмансипации начала 20 века, не могла не отреагировать на этот социокультурный вызов («перегрев») российского общества.

Молодежь, среда, весьма склонная к импульсивности поступков и выводов, всегда бурно реагирует на внешнее, подвержена к максимализму мышления. Все это не могло не повлиять на поколение 1900-х гг., которое острее других чувствовало, что динамика жизни стала иной, чем у поколения их «отцов». Начавшаяся война всколыхнула все общество, охватила его патриотическим подъемом, и молодежь не осталась в стороне, многие стремились на фронт. Но вскоре этот ажиотаж сменяется недовольством

вом общества по отношению к государству и армии. Массовые мобилизации мужского населения отрывали людей от привычного образа жизни. Сословная до сих пор армия начинает трансформироваться в более плюралистичные социальные формы. В первую очередь свою специфику утратил офицерский корпус, бывший преимущественно кадровым. В тоже время несмотря на изменения в офицерском звене армии, подавляющее большинство молодых офицеров военного времени гордились своей принадлежностью к когорте военных. Как вспоминал один из многих 19-летних поручиков: «Подумать только – большинство из нас – народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне... станут «ваше благородие»... Итак, свершилось. Мы офицеры... Нет-нет да и скосишь глаз на погон. Идущих навстречу солдат мы замечаем еще издали и ревниво следим, как отдают они честь».³ В мемуарах и воспоминаниях молодых людей, хорошо виден тот момент романтизации войны характерный для восприятия человека никогда на ней не бывавшим. Прапорщик С. Мамонтов вспоминал: «...мне не терпелось навестить брата – офицера, увидеть окопы, нашу пехоту, и, конечно, противника».⁴ Оказавшись на фронте, их беспечность и неопытность сразу же давали о себе знать. А некоторым едва не стоила жизни, прапорщик С. Мамонтов писал: «Попав в свою часть старший офицер предупредил меня не ходить по шоссе так как его обстреливают, но я пренебрег этим и пошел... Лопнули одна, две, три гранаты шагах в 60, и вдруг одна шлепнулась у самых моих ног, ушла глубоко под землю и появился всего лишь дымок. Испугался я по настоящему только вечером, когда сообразил, что вел себя глупо. Сам накликал огонь австрийцев. Но мне чертовски повезло, все кончилось благополучно, и я был горд, что обстрелян».⁵ Таких эпизодов в источниках встречается множество, крещение огнем для юношей стало тем барьером, за которым они изменили отношение к войне, от романтики не осталось и следа, начиналось серое и тяжелое ползание в окопах.

Февраль 1917 года военная молодежь восприняла по разному, многих объединяло некое воодушевление, ожидание чего-то нового... Для воспитанников военно-учебных заведений революция стала очередной вехой в их жизни, которая изменила их отношение к себе и к окружающей действительности. Прапорщик С. Мамонтов вспоминал: «Поступил я в училище 21 февраля 1917 года. 28 февраля сидел я на подоконнике в белом зале и зубрил, с полным отчаянием, тезоименитства всего дома Романовых. Подошел юнкер и вполголоса сказал, что в городе беспорядки... Первое чувство было беспокойство Неужели революция? О ней давно говорили, но все же она случилась неожиданно. ...Мелькнула мысль: если революция, то экзаме-на ведь не будет. Из-за этого я стал ждать революцию».⁶ Первые часы и минуты происходившего в Петрограде большинство их характеризует как беспокойное и нервное воодушевление, сменяющееся странной эйфорией. Он пишет: «...я вышел со счастливой улыбкой из училища...»⁷ Но

очень скоро радость сменяется резким неприятием происходящего: «...моя улыбка и мой восторг вскоре исчезли. Революция хороша лишь в книгах, много позже, но не на улице, когда она происходит. Тут грабили, громили магазины, избивали все одного, совершенно не известно за что. На улице вышли подонки, чернь и солдаты, потерявшие человеческий образ. Все искали украсть и на каждом углу демагогические речи. Просто какой-то понос речей с бесстыднейшим враньем и подлой лезть. Грязь, вонь, глупость, злость и безграничное хамство»⁸. Принадлежность к военно-корпоративной среде, где все подчиняется уставу, где порядок это аксиома, в эти часы сработало как защитный психологический механизм и определило затем оценки и интерпретацию событий самими же юнкерами». «На второй или третий день революции вооруженная и возбужденная толпа потребовала роспуска юнкеров»⁹. В глазах улицы они сразу же ощутили бешеную агрессию по отношению к себе. Политические спекуляции на улицах и в подворотнях, в глазах неграмотного солдата приобретали окраску абсолютно истинных. Молодых юнкеров сразу же обвиняют в «старорежимности», сыпятся самые нелепые обвинения и т.д. Это психологическое давление, постоянно усиливалось, что естественно переходило в желание защититься. Прапорщик Мамонтов писал: «Вернулся я в училище гораздо меньшим революционером, чем вышел из него три дня назад. Какая прекрасная вещь – порядок. Его только начинаешь ценить когда его нет. Все же эти три дня принесли мне немалую пользу никакая пропаганда меня больше не прошибет. Я видел революцию воочию и во всей ее «красоте»¹⁰. Молодежь которая до войны в обычных условиях едва ли могла рассчитывать получить офицерские погоны, имела более острые чувства агрессии и нежелание с ними расставаться. Этот своеобразный комплекс дорожного обоешелся многим из них после прихода большевиков. Психологическое состояние юношей можно характеризовать как пограничное, т.е. это, постоянное существование перед лицом грозящей им смерти, при этом все, что заполняло их каждодневную доселе жизнь становилось несущественным. Очевидно тогда они стали по иному оценивать свое место в окружающем вихре гражданской войны. Выбор у них был небольшой, в тоже время нельзя не отметить сознательную реакцию подростков на события в стране, отсутствие инфантильности и равнодушия. Присутствует здесь и феномен юношеской агрессии как фактор бескомпромиссной и жестокой гражданской войны.

Изучение гражданской войны сегодня постепенно выходит на новый уровень, который все более убеждает ученых в многоцветности и плюралистичности противостояния 1917-22 гг. В связи с этим обращение к материалам молодых участников гражданской войны позволяет нам увидеть необычное и новое в казалось бы ставшей уже хрестоматийной теме гражданской войны. Все это заставляет не спешить с генерализацией фактов, а попытаться осмыслить «новое».

Примечания:

¹М.Д.Каратеев «Белогвардейцы на Балканах.Воспоминания белого офицера»// Москва.1998.№11. С.195.

²М.Д.Каратеев...Указ.соч. С.195.

³С.И.Мамонтов «Походы и кони . Воспоминания о гражданской войне»// Подъем.Воронеж.1992.№ 5-6. С.32.

⁴«Офицерский корпус русской армии. Российский Военный сборник.»//М. 2000. С.524.

⁵С.И.Мамонтов... Указ.соч. С.22.

⁶там же С.8.

⁷там же С.8.

⁸там же С.8.

⁹там же С.8.

¹⁰там же С.9.

А.Л. Худобородов

Казачья эмиграция 1920-х – 1930-х гг. о судьбе Белого движения в период гражданской войны

История гражданской войны 1917–1920 гг. и судьба Белого движения в этот период подробно освещалась в эмигрантской казачьей прессе и дискутировалась среди казаков-эмигрантов в 1920-е – 1930-е гг. Практически не было ни одного казачьего журнала, который не публиковал бы воспоминания, документы, очерки или статьи по этой проблеме. Причем, авторами воспоминаний, статей были известные и для многих в белой эмиграции авторитетные казачьи деятели, например, войсковые атаманы П.Н. Краснов, А.П. Богаевский, А.П. Филимонов, Г.М. Семенов, председатель Кубанской Краевой Рады Д.Е. Скобцов, оренбургские казацкие генералы И.Г. Акулинин, А.В. Зуев, оренбургский полковник Г.В. Енборисов и другие.

Достоинством работ указанных авторов является, прежде всего, достоверность богатого фактического материала при освещении многих событий боевых действий, сражений в период Первого Кубанского («Ледяного») похода в феврале–марте 1918 г. (А.П. Богаевский, А.П. Филимонов), жизнь Донского войска летом–осенью 1918 г. (П.Н. Краснов), столкновение целей и задач Кубанской Рады и Командования Добровольческой армии осенью 1919 г. (А.П. Филимонов, Д.Е. Скобцов), борьбы оренбургского белого казачества во главе с А.И. Дутовым против советской власти в 1917–1919 гг. (И.Г. Акулинин). Правда, в мемуарах П.Н. Краснова «Всевеликое войско Донское» есть фактические неточности, связанные с ошибочной информацией войсковой контрразведки о вооруженных формированиях Красной Армии, на что обратили внимание современные издатели многотомника «Белое дело»¹.

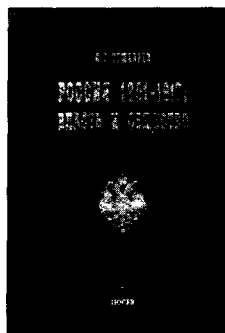
Несмотря на определенный субъективизм и пристрастность, свойственный вообще мемуарам как жанру литературы, отмеченные выше авторы делают нередко очень верные и объективные наблюдения и оценки. Так, П.Н. Краснов справедливо отметил антимонархические настроения крестьян и казаков Дона в 1918 г.², верно он же подчеркнул негибкость политики А.И. Деникина в национальном вопросе, излишнюю жесткость в борьбе с сепаратизмом окраин: «План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина»³. Прямолинейно идя к «Единой и Неделимой России», Деникин «создавал себе еще новых врагов, не справившись со старыми. Деникин не признавал гетмана Скороподского, потребовал подчинения ему Крыма, ссорился с Грузией, был в холодных отношениях с Кубанской Радой...»⁴

С.Г. Пушкарёв «Россия 1801–1917: власть и общество»

Москва. «Посев», 2001. 672 стр.

Книга известного русского зарубежного историка повествует о том, что происходило в России до революции, в последние пять царствований. Книга излагает историю государственной власти и общественных движений, описывает социально-правовое положение различных групп населения, прежде всего крестьянства, развитие народного хозяйства и культуры, в частности образования и Церкви. Эпилог кратко излагает ход революции 1917 г. и причины крушения.

Книга допущена как учебное пособие для высших учебных заведений, но может быть полезна и в старших классах средней школы. Содержит многочисленные цитаты из документов, 20 карт и диаграмм, 209 иллюстраций, указатель 1170 имен и хронологическую таблицу.

«Свобода и ответственность» С.А. Левицкий

«Основы органического мировоззрения», «Статьи о солидаризме».

464 стр., тверд. переплет.

Этот труд Сергея Левицкого написан живым образным языком, несмотря на то, что является полноценным введением в философию.

Книга адресована всем, кто интересуется философией, историей русской культуры, идеями российского солидаризма.

Она может стать настольной книгой для всех тех, кто приступает к изучению философии, но также и для знатоков русской мысли.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой
О.А. Тел./факс (095) 925-92-48 rosevru@online.ru

Кубанский атаман А.П. Филимонов верно отобразил истоки и сущность противоречий Кубанского казачества с командованием Добровольческой армии⁵, надуманный характер «опасности казачьей самостийности» в 1918–1919 гг.⁶ Интересно отметить, что в эмиграции ряд лидеров казачьих организаций, демократических по своим взглядам и принципам, также решительно осуждали этот «жупел» казачьей самостийности и сепаратизма в годы войны». Так, в ноябре 1924 г., обсуждая доклад П.Н. Милюкова в Праге о Белом движении, В.А. Харламов заявил: «Нельзя отказать казачеству в том, что оно было демократическим и государственным. Казачья борьба не была борьбой за свою хату, за свой избыток. Казачество боролось за воссоздание русской государственности, казачий же сепаратизм был сочинен. Борьба с этим выдуманым сепаратизмом ослабляла Белое движение, вносила в него развал и довела до Новороссийска»⁷.

Разная политическая ориентация авторов мемуаров неизбежно приводила к тому, что по вопросу о месте казачества в Белом движении казаки-эмигрантами высказывались и защищались противоположные точки зрения. По мнению монархиста Г.В. Енборисова, казачество было основой Белого движения. «Прежде всего, русские люди не должны забывать, – писал он, – что вооруженная борьба с большевиками началась в казачьих областях – ни в каких других местах России. Не будь казачьих земель – не было бы и Белого движения... В Воронежской губернии могла возникнуть «Антоновщина», на Украине «Махновщина», по Черноморскому побережью «зеленое движение», но для Белого дела не было почвы, оно было возможно только на казачьей земле»⁸.

Совершенно иную позицию по этому вопросу занимал член ЦК Союза возрождения казачества Г.Ф. Фальчиков. 1 ноября 1924 г. во время дискуссии в Праге о Белом движении он себя признал противником Белого движения и далее заявил, что «Белое движение сводилось к тому, что остатки классов старой монархической России объединились для преодоления революции и восстановления монархии. Рядом с ним и совершенно независимо от него существовало сложное народное движение. Эти два движения, в конце концов, столкнулись. В частности, казачье движение установило свое взаимоотношение с Белым на основе военных договоров, которые не соблюдались. Казачья территория была оккупирована, казачество преследовалось и было обмануто руководителями Белого движения. Вообще Белое движение не было мечтой, оно было реальной попыткой осуществить реставрацию. Наше отношение – непримиримая борьба...»⁹

Аналогичную оценку событиям гражданской войны давали казаки-самостийники на страницах своих журналов. Они представляли гражданскую войну в России не как внутреннюю, а как внешнюю казацко-русскую войну, в ходе которой тамбовские и рязанские Иваны оккупировали казачьи края. Журнал «Вольное казачество» осуждал союз атаманов с До-

бровольческой армией и считал, что нужно было не воевать с Украиной, а заключить с ней союз против Московии.

В целом же казачья эмигрантская пресса – интереснейший и до сих пор малоизученный источник по истории Белого движения в годы гражданской войны.

Примечания:

¹См.: Белое дело. Кн. 3. М., 1992. С. 405–406.

²Там же. С. 134.

³Там же. С. 143.

⁴Там же.

⁵См.: Белое дело. Кн. 8. М., 1992. С. 285, 286.

⁶См.: Белое дело. Кн. 2. М., 1993. С. 141.

⁷П.Н. Милюков в Праге. (Прения по докладу о «Белом движении») // Последние новости. (Париж), 1924, 14 ноября.

⁸Цит. по: Априлов А.В., Попов Л.А. Судьба казачьего полковника Г.В. Енборисова // Оренбургское Казачье Войско: Военная служба и общественная жизнь. Сб. науч. трудов. Челябинск, 1997. С.27.

⁹П.Н. Милюков в Праге // Последние новости (Париж), 1924, 14 ноября.

Ижевско-Воткинское восстание. 1918 год.

(Спецвыпуск «Посева» за 2000 г. Библиотечка россиеведения Вып № 5.)

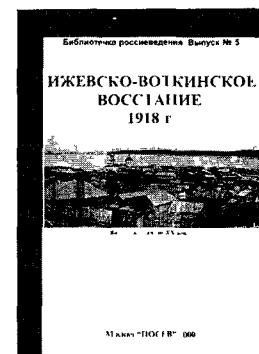
Под редакцией В.Ж.Цветкова.

Брошюра «Ижевско-Воткинское восстание. 1918 год.» продолжает серию изданий «Библиотечки россиеведения», посвященных истории народных антибольшевистских восстаний в России в годы гражданской войны. Рассматриваются проблемы, связанные с предпосылками, ходом, последствиями самого крупного вооруженного восстания рабочих против советской власти – восстания Ижевского и Воткинского заводов

Приводится подборка воспоминаний участников восстания – от командиров до простых рабочих и крестьян, даются документальные материалы из повстанческой прессы. Исследуется программа восставших, эволюция их лозунгов, особенности военных действий, социальный состав повстанческой армии

Издание иллюстрировано фотографиями и схемами.

Для всех интересующихся отечественной историей XX века.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А. Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

Об авторе идеи похода от Урала до Ганга

«Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии...» Это слова из секретного письма в ЦК РКП(б), написанного 5 августа 1919 года председателем РВСР Республики и членом ЦК Л.Д.Троцким. Обычно они приводятся, как свидетельство авантюризма «вождя Красной армии», как называли тогда Троцкого в печати. Но были ли у него единомышленники и соавторы этого плана? Стояли ли за этими звучными словами какие-либо конкретные действия? Наконец, чем обосновывался данный замысел?

Некоторый свет проливают на эти вопросы документы не так давно открытого фонда Секретариата заместителя председателя РВСР в Российском государственном военном архиве. «Крушение Венгерской Республики, – писал Л.Д.Троцкий в послании в ЦК, – наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте меняют в значительной мере нашу международную ориентацию... Дорога на Индию может оказаться для нас на данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию»¹.

Как обеспечить материальную базу плана? И здесь есть ответ. «Разумеется, операции на востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале... Необходимо во что бы то ни стало возродить Урал... Сосредоточить на Урале или Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции... Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов... Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении, к сосредоточению необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами».

Мысль о базе на Урале возникла не случайно. Еще 28 июля в телеграмме Л.Д. Троцкого, находящегося на Южном фронте, в адрес чрезвычайно уполномоченного Совета Труда и Оборона по снабжению Красной армии и флота А.И. Рыкова, говорилось: «Совершенно необходимо немедленно приступить на Урале или других заводах к производству танков, используя для этого, если возможно, части тракторов...»².

Что касается подготовки военного удара на Индию, то в письме в ЦК прямо не говорится об авторе этой идеи: «Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30-40 тыс. всадников) с расчетом бросить его на Индию».

Нельзя исключить и того, что автором этой авантюристической идеи был сам Л.Д.Троцкий. Или даже «коллективный разум партии» – ее центральный комитет. Афишировать авторство подобной идеи, видимо, было не в интересах партии. А как организовывалась «инициатива с мест», можно проследить на примере преобразования боевых армий в трудовые, относящемуся к этому же времени.

В Биографической хронике В.И. Ленина сообщалось: «13 января 1920 г. на заседании Совнаркома В.И. Ленин докладывает о предложении Реввоенсовета 3-й армии преобразовать армию в Революционную армию труда, избирается состав комиссии для выработки предложений о способах наиболее целесообразного использования армий»³. Предложение о создании на Урале 1-й Армии Труда от 10 января 1920 г. на имя В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого (обратите внимание) подписано командующим 3-й армией М.С. Матиясевичем и членом РВК П.И. Гаевским. На что В.И. Ленин незамедлительно ответил телеграммой: «Вполне одобряю ваше предложение. Приветствую начин...»⁴

Так и было записано в полном собрании сочинений В.И. Ленина, что с предложением расформировать управление Восточного фронта и 3-й армии обратился к В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому Реввоенсовет 5-й армии и Сибревком.⁵ Далее в соответствии с постановлением РВСР от 19 декабря 1919 г. правления Восточного фронта и 3-й армии с 15 января 1920 г. предложено считать расформированными, части 3-й армии преобразованы в 1-ю Революционную армию труда.⁶

В советской историографии долгое время так и считалось. Но были ли авторами плана этих преобразований действительно РВС 3-й армии и Сибревком? В первые постперестроечные годы автором идеи и инициатором создания трудовых армий в публицистике стал называться Троцкий. За что и был «заклеймен позором» как ярый сторонник милитаризации труда.

Но в 1990 г. журнал «Известия ЦК КПСС» публикует информацию, что начать разработку вопроса о введении милиционной системы трудовой повинности, с соблюдением необходимой тайны, было поручено Троцкому Пленумом ЦК РКП(б) еще 29 ноября 1919 г.⁷ А 20 декабря 1919 г. на заседании Политбюро ЦК были заслушаны подготовленные Троцким тезисы по этому вопросу.⁸ В нужный момент появляется и соответствующая «инициатива трудящихся» подписанная командующим 3-й армии.

Профессор В.Г. Сироткин автором идеи удара по Англии с тыла называет воспитанника Пажеского корпуса генерала от инфантерии А.А. Брусилова. И даже сообщает, но при этом без точной ссылки, что бывший главком Временного правительства Брусилов докладывал о плане удара на Индию на закрытом заседании Совнаркома под председательством В.И. Ленина (с картами, схемами, выкладками).⁹

По нашему мнению таким «серьезным военным работником» вполне мог быть командующий Восточным, а с 15 августа 1919 г. Туркестанским фронтом, М.В. Фрунзе. В вышедшей в 1991 г. книге «Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма» приводится его речь в Оренбурге 20 сентября 1919 г. перед 5 тысячами военнопленных казаков разбитой армии атамана А.И.Дутова. Есть в ней такие слова: «И из-за того, товарищи, что мы установили связь с Индией, к нам теперь особенно враждебно относится Англия... вас, казаков, дураков, бросали в эти голодные степи, чтобы вашим потом, вашей кровью защищать, прикрывать английскую Индию. Теперь вы знаете, что путь в Ташкент уже открыт, и, может быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России – их мечта о приближении к Индии, может быть, это удастся нам – измененной трудовой России. Мы взорвем английский капитал в Индии...»¹⁰.

Действительно, удар по Англии с тыла – это старый проект русских царей. В 1800 г. поход на Индию пытался осуществить Павел Первый, в 1808 г. – Александр Первый. Однако М.В. Фрунзе высказывал такие мысли открыто и видимо неоднократно. Л.Д. Троцкий понимал политические последствия подобных заявлений и вынужден был предостеречь слишком откровенного командующего. В телеграмме ему говорилось: «В номере 264 газеты «Коммуна» ваша статья «Туркестан и задачи фронта» является крайне рискованной в политическом отношении. Не журналист, а командир говорит об операциях в Афганистане, Персии, Индии и прочее. Статья несомненно будет широко использована»¹¹.

Эти планы видимо не получили тогда поддержки ЦК и В.И. Ленина. В телеграмме М.В. Фрунзе 18 октября В.И. Ленин рекомендовал ему все внимание уделить не Туркестану, а ликвидации уральских казаков¹². Однако самого Л.Д. Троцкого эта идея еще долго не оставляла. В телеграмме начальнику Полевого штаба РВСР П.П.Лебедеву от 26 ноября 1919 г. Троцкий дает указание: «Вами предоставлена справка о предположительном количестве предметов военного снабжения, которое мы можем предоставить в ближайшую очередь Афганистану. В настоящий момент необходимо приступить к реализации этого дела...»¹³.

Исходя из вышесказанного, не выглядит случайным и то, что зимние месяцы 1919-1920 гг. Л.Д. Троцкий провел на Урале, в Екатеринбурге, где лично руководил хозяйственной работой.

И все же главное не то, кто был автором. Идея мировой революции овладела не только руководящим слоем коммунистов. В июле 1927 г. бывший член партии «Бунд» и участник англо-бурской войны на стороне буров А. Лурье представил Сталину проект экспорта мировой ре-

волюции... в Южную Африку, что попутно позволило бы захватить в пользу Коминтерна золотые рудники, «которые большей частью принадлежат английским бандитам». А сделать это можно руками старых бундовцев, бежавших в Южную Африку от преследования царского правительства еще в 1905-06-07 годах и местных африканских племен, из которых состоят рабочие золотых рудников в окрестностях г. Йоганнесбурга. «На рудниках такое настроение, – писал А. Лурье, – что брошенная искра может разжечь пожар и твердолобая сволочь Англия получит должный урок».¹⁴

Да и идея похода на Индию оказалась живуча. В канун 1941 г. комсомольский поэт Павел Коган продолжает писать:

*Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя!*

Сам печатный орган ЦК ВКП(б) в редакционной статье по случаю Нового, 1941 года, многозначительно писал первого января: «... И кто знает, где придется нам встречать Новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год?»¹⁵

К чему приводит авантюризм и кто доминирует сейчас в Афганистане известно всем.

Примечания:

¹РГВА. Ф. 33987. Оп. 2 Д. 32 Л. 279-280.

²РГВА. Ф. 33987. Оп. 2 Д. 32 Л. 262.

³В.И. Ленин Биографическая хроника Т. 8 М: 1974. С. 215.

⁴Бумаги Л.Д. Троцкого. Т. 2 – Париж, 1971. С. 2,8.

⁵См: В.И. Ленин И.Н. Смирнову // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений Т. 51. С. 67; РГВА. Ф. 33987, Оп. 2. Д. 32. Л. 552; Ф. 33988 Оп. 1 Д. 153. Л. 229.

⁶См: Директивы Главного командования Красной Армии. М: 1974. С. 597.

⁷См: Известия ЦК КПСС. 1990. №6. С. 182.

⁸См: Известия ЦК КПСС 1990. №7. С. 215.

⁹См: Сироткин В. Зарубежное золото России. М: 2000 С. 141.

¹⁰М.В.Фрунзе. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма. М: 1991. С. 176.

¹¹РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 514.

¹²См: Директивы Главного командования Красной Армии. М: 1974. С. 538.

¹³РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 528.

¹⁴Коммунистический Интернационал и идея мировой революции. М: 1998. С. 608-609.

¹⁵См: Аргументы и факты. 1996. №2; Сироткин В. Указ соч. С. 119.

Формирование частей и соединений в Оренбургском Казачьем Войске весной и летом 1918 г.

Борьба в Оренбуржье против власти Советов приняла активный характер лишь весной 1918 года. До этого времени оренбургское казачество (в большинстве своем) относилось к новой власти настороженно, соблюдая нейтралитет; в казачьей среде господствовали антивоенные настроения. Призывы атамана Дутова и Войскового правительства к активной борьбе против власти большевиков не находили в войсковой среде сколь-нибудь значительной поддержки. Атаман Дутов не смог консолидировать казаков вокруг Войскового правительства и, к весне 1918 года, как отмечал сподвижник войскового атамана И.Г. Акулинин: «Войсковое правительство ... в сущности было предоставлено самому себе... Никакой вооруженной силы в распоряжении Войскового правительства не было, кроме небольшой личной охраны атамана Дутова и офицерской сотни.¹ Под ударами красноармейских частей в апреле 1918 года Дутов с его малочисленным отрядом покинул территорию Оренбургского войска и отправился в свое Тургайское «сидение».

Непопулярность идеи борьбы с большевиками подтверждает и тот факт, что казаки станиц 1 Округа Оренбургского войска вначале не поддержали усилий своего атамана К.Л. Каргина, пытавшегося еще в феврале 1918 года поднять станичников своего округа на борьбу с большевиками, захватившими власть в Оренбурге. Казачество заняло выжидательную позицию и не послало делегатов от станиц на окружной съезд в станицу Нижнеозерную. Лишь небольшая часть казаков влилась в созданные партизанские отряды под командованием войскового старшины Н.В. Лукина (ст. Красногорская, Островная) и подьесаула А.П. Донецкого (ст. Изобильная, Буранная, Линевская). Нехватка вооружения, опыта партизанской борьбы, а также суровые зимние условия существенно повлияли на активность сформированных отрядов.

Но по мере того, как большевики укреплялись на территории войска, их отношение к казачеству становилось все более жестким. Осуществляя политику ликвидации казачества как социального слоя, большевистские отряды стали взимать контрибуции с населения станиц, вывозили весь хлеб и скот для нужд Красной Армии, осуществляли разбойные нападения на станицы и поселки, грабили личное имущество, сжигали усадьбы, нередко расстреливали сопротивлявшихся насилию казаков. Все эти ужасы и несправедливости не могли не отрезвить казачество, и оно активнее стало браться за оружие, защищая свои станицы. По инициативе казачьих Сходов организовывались новые партизанские отряды и дружины са-

мообороны. Активизация борьбы с карательными отрядами большевиков связана также с формированием в конце марта первых казачьих полков из казаков станиц Изобильной, Буранной, Ветлянской и др. Под командованием есаула Е.В. Ершова они в начале апреля 1918 года разбили карательный отряд красных численностью до 300 штыков, руководимый председателем Оренбургского губисполкома С.М. Цвиллингом.

В это же время (4 апреля) отряды войскового старшины Лукина и офицерского отряда подполковника Корчакова захватили Оренбург. Во время ночного боя было убито более сотни красноармейцев.² Оренбург не был взят в силу малочисленности отрядов, слабой организованности и дисциплины казаков.

Таким образом, преимущественно стихийное выступление казаков близлежащих к Оренбургу станиц (и, соответственно, более всего подвергшихся насилию со стороны большевиков) нуждалось в едином руководстве и, с тем, чтобы превратить их в реальную военную силу, способную активно бороться за освобождение территории войска от красногвардейских отрядов.

Именно эту задачу решал собравшийся 3 апреля 1918 года в станице Нижнеозерной съезд делегатов 15 станиц 1 Округа, который объявил себя властью на территории округа, объединил разрозненные отряды казаков и включил их в четыре созданных фронта. На основе решений съезда началась мобилизация казаков в создаваемые части и подразделения. Общее командование всеми военными силами было поручено войсковому старшине Д.М. Краснояреву. Фронтами и отрядами командовали войсковые старшины Н.П. Корноухов, Н. Шмотин, есаул Сукин, подьесаулы Ф.А. Богданов, Ершов, А.П. Донецков, Нестеренко, Садчиков, сотники Н.Слотов, Мелянин, Тимашов, капитан А.М. Булгаков.³

Ситуация, сложившаяся весной 1918 года в 1 округе, показала, что на борьбу с большевизмом поднялись рядовые казаки, а командовали созданными отрядами и полками в основном младшие офицеры.

Следует отметить, что на этом этапе казачество боролось не столько с советской властью как таковой, сколько против насилия большевиков, за освобождение своей территории от «красногвардейских банд», тем более перед ними был пример действий уральских казаков, изгнавших за пределы своих станиц отряды Красной гвардии. Именно поэтому вплоть до мая 1918 года неоднократно предпринимались попытки договориться с местными советскими властями, примириться на основе невмешательства во внутренние дела казачества и признания относительной автономии казачьей территории, самоуправления станиц.

В ответ на такие предложения большевики продолжили еще в более жестких формах террор против оренбургского казачества. Отряды Красной гвардии сжигали целые станицы, грабили и убивали мирных жителей. Только в мае 1918 года были сожжены станицы Донецкая, Татищевская, Донгузская, Угольная, Григорьевская, Пречистенская, Благодословен-

ная, Воздвиженская, Ильинская. После таких зверств большевиков пллюзии оренбургского казачества о советской власти, как власти всего народа, стали рассеиваться. На усиление карательных мер со стороны большевистских отрядов стало усиливаться и расширяться повстанческое движение в низовых станицах, к ним стали прибывать казаки-добровольцы из станиц и поселков других округов войска. На основе правобережных отрядов в конце мая был образован Правобережный фронт под командованием полковника Фаддеева. Его организаторские усилия привели к формированию в начале июня 1918 г. казачьих полков: 1-го Татищевского, 2-го Донецкого, 3-го Рассыпнинского, 1-го дивизиона 4-го Нижнеозерного, 2-го Правобережного.

С введением мобилизации казаков, несменяемости их через определенное время на боевых позициях, назначением командного состава вместо выборных, казачьи формирования все больше стали приближаться по уровню дисциплинированности к прежним регулярным полкам.

В середине июня 1918 года Съезд объединенных станиц установил связи с Комитетом членов Учредительного собрания в Самаре и командования Чехословацкого корпуса. С момента признания съездом власти Самарского правительства как единственной власти до открытия Учредительного собрания, оренбургское казачество в лице казаков 1 округа приняло политическое решение о борьбе с советской властью. Съезд делегировал своего представителя в Тургай к атаману Дутову с информацией о решениях съезда, военной обстановке вокруг Оренбурга и борьбе с большевизмом.

С целью централизации политического и военного управления в условиях наступления на Оренбург, Круг объединенных станиц Оренбургского войска 29 июня 1918 года назначил Н.Л. Каргина до прибытия на войсковую территорию атамана Дутова временно исполняющим должность войскового атамана. Таким образом, законность власти Дутова и Войскового правительства Съездом и Кругом не оспаривались, хотя некоторую часть казаков, особенно из командного состава, удивляла пассивность Войскового атамана. Войска, находившегося в это время в Тургайских степях и не предпринимавшего активных действий по консолидации сил казачества и возвращению на разгорающийся театр военных действий в Оренбуржье. Естественно предположить, что такая пассивность Дутова умаляла его политический и военный авторитет среди борющегося казачества.

Утром 3 июля 1918 года Оренбург был освобожден отрядами войскового старшины Корнаухова. В этот же день в город прибыл Войсковой Круг, который назначил управляющим губернии и Оренбургским казачьим войском атамана Каргина. По прибытию 7 июля в Оренбург Войскового правительства и Атамана Дутова Войсковой Круг передал им власть.

По примеру казаков низовых станиц на борьбу с большевизмом поднялись казаки других округов. В июне 1918 года в станице Кундравинской была свергнута советская власть и образована Военная Комиссия

под председательством бывшего члена Государственной Думы П.Ф. Вопилова. Этот временный орган власти сумел в самые кратчайшие сроки мобилизовать казаков и сформировать 1 и 2-й Кундравинские казачьи полки под командованием подъесаулов Прокопьева и Зуева, которые в упорных боях с отрядами Красной армии освободили свои станицы. Затем 1-й и 2-й Кундравинские, Чебаркульский районный полк и сформированный Уйский с боями двигались к центру округа – городу Верхнеуральску. Благодаря совместным действиям этих полков и отряда есаула Анненкова Верхнеуральск был освобожден от красновардейских частей.

Таким образом, в июле 1918 года наступил новый этап в борьбе оренбургского казачества с Советской властью. Возникла необходимость создания более широкого фронта действий против большевиков и координации боевых операций с войсками Комуча. Нужно было решать труднейшие задачи финансового обеспечения, снабжения войск вооружением, боеприпасами, обмундированием, транспортом. Изменившиеся условия ведения боевых действий требовали новой организации для казачьих частей в целях успешной борьбы с образовавшимися регулярными полками, дивизиями и армиями большевиков, что требовало привлечения опытных военных специалистов, старших и высших офицеров, получивших значительный военный опыт в мировой войне.

Актуальной явилась проблема агитационно-воспитательной работы в среде казачества, направленная на нейтрализацию настроения самоуспокоенности казаков после освобождения своей территории. Энтузиазм борьбы у них стал ослабевать, все чаще раздавались призывы о роспуске частей по станицам для поправки своих разоренных хозяйств, сенокосения, уборки созревших хлебов. Полностью изжить такие настроения не удалось, что сказалось в дальнейшем на боевом духе оренбургских казаков.

Прежде чем решить задачу создания новых боеспособных соединений Оренбургского казачьего войска, атаману Дутову и Войсковому правительству необходимо было полностью подчинить многочисленные части и отряды, образованные весной и в начале лета и не изжившие еще элементов партизанщины, что приводило к разрозненности боевых усилий. Основная часть казаков 1 округа воевала под Актюбинском и Орском, части 2 округа преследовали отряды В. Блюхера, отходившего на север Башкирии для соединения с частями Красной армии. Другая часть казаков осаждала Орск. Отряды и полки 3 и 4 округов действовали на Пермском и Екатеринбургском направлениях, другая часть казаков находилась на Актюбинском фронте.

С целью подчинения войск единому командованию был воссоздан Оренбургский военный округ и образована Отдельная Оренбургская армия (впоследствии Юго-Западная) во главе с генерал-майором Дутовым. В течение июля-августа штаб армии и округа, а также войсковой штаб провели так называемую «инвентаризацию» частей, отрядов и команд.

Указом Войскового правительства 31 августа казачьим полкам присвоена единая нумерация.⁴

Несмотря на усилия Войскового правительства полки, образованные оренбургскими казаками, полностью подчинить не удалось. Некоторые из них в оперативном подчинении находились в составе 3-го Уральского корпуса, затем в Западной и Сибирской Армиях. Например, сотни 18-го Оренбургского казачьего полка участвовали в боях на Екатеринбургском и Уфимском направлениях, 17-й казачий полк действовал на Кунгурском и Самарском направлениях, штаб 11-казачьего полка находился в Челябинске, а сотни полка на Екатеринбургском фронте, 2-й полк до середины октября находился в Самаре. В условиях ведения войны, изменения боевой обстановки, казачьи полки и отряды нередко переподчинялись пехотным частям и действовали в зоне ответственности других армий и обратно переподчинить их Юго-Западной армии оказывалось трудным делом. Например, в конце октября 1918 года генерал Дутов дважды телеграфировал в Уфу в штаб Самарской группы войск генералу Войцеховскому о необходимости срочно отправить в Стерлитамак отряд есаула Шеина, необходимый для обеспечения правого фланга Юго-Западной армии. В ответ атаман Дутов получил следующую телеграмму: «Отряд есаула Шеина ведет бой группе полковника Каппеля и без замены отпущен быть не может, а заменить его нечем. Генерал-майор Войцеховский».

Поэтому необходимо было наладить более четкое управление частями и подразделениями, находившимися в зоне ответственности армии Дутова. К концу лета 1918 года образовались два направления боевых действий войск, подчиненных командующему Оренбургским военным округом, получивших названия фронтов: Ташкентский и Самаро-Уфимский. Ташкентский фронт включал следующие части и подразделения: 4-й Нижнеозерный, Степной, 1-й линейный, 3-й Левобережный, 2-й Правобережный, Краснохолмский казачьи полки, отряд сотника Пущаева, партизанский отряд есаула Степанова, 1-я Оренбургская казачья батарея. Самаро-Уфимский фронт имел два направления: Уфимское и Орское. В районе Орска действовали 15-й (Кваркенский), 1-й Восточный, 10-й (Полтавский) казачьи полки, группа подъесаула Кравцова, партизанский отряд хорунжего Скрыпникова, артиллерийская батарея. На Уфимском направлении находились 4-й Левобережный полк сотника Ерошенкова, подъесаула Шеина и хорунжего Валиева, партизанский отряд прапорщика Бобряшева и другие. В состав гарнизона Оренбурга входили 1-й казачий, 1-й Башкирский пехотный, Сакмарский казачий полки, Атаманская сотня, офицерский батальон, красногорский партизанский отряд и отряд есаула Керенцева. Именно эти части составили основу созданной Оренбургской армии. При этом следует обратить внимание на тот факт, что официально штабу армии они были подчинены лишь (!) 3 сентября 1918 года. На наш взгляд это свидетельствует не только о сложности обстанов-

ки в условиях гражданской войны, но и об организаторских способностях атамана Дутова и его окружения.

Активизация боевых действий Восточного фронта Красной армии потребовала от Войскового правительства провести большую работу по мобилизации казачества на фронты и создания более крупных частей и соединений. В октябре 1918 года часть казачьих полков были сведены в дивизии, и 26 октября был сформирован 1 Оренбургский казачий корпус в составе Юго-Западной Армии. В состав корпуса входили 1-я Оренбургская казачья дивизия (7,8,13,14 казачьи полки, 1,4, 10 казачьи батареи), 2-я дивизия (9,10, 15,16 полки 5,7,8 батареи), 4-я дивизия (19, 20, 24, 25 полки; 11,12 батареи) и 1-й Оренбургский линейный казачий полк.

Такова эволюция формирования казачьих частей Оренбургского войска и борьбы казачества с большевиками весной и летом 1918 года. С осени 1918 года (октябрь) начался новый этап борьбы с Красной Армией.

Таким образом, части Оренбургского казачьего войска до конца августа – начала сентября не имели стройной организации. Разрозненные части состояли из казачьих и неказачьих подразделений, конных и пеших разного состава, наблюдалось обилие отдельных сотен, партизанских отрядов, не сведенных в крупные соединения. Значительное количество Оренбургских казаков воевало за пределами войска. Так на середину сентября 1918 года в составе 3-го Уральского корпуса Сибирской Армии находились 2,5,9,10,11,12,15,16,17 и 18 Оренбургские казачьи полки. Из них обратно в Юго-Западную Армию вернулись только 9,10, 15,16 казачьи полки. Казачьи части летом 1918 года были слабо укомплектованы и вооружены, характеризовались невысокой воинской дисциплиной, что объясняется воздействием начального этапа борьбы, связанного с партизанским движением. Одной из главных причин неудачных действий Оренбургской (Юго-Западной Армии) против частей Красной армии являлась неподготовленность всего войскового аппарата к новым формам борьбы, вызванным гражданской войной.

Примечания:

¹Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками 1917-1920 гг. Шанхай 1937 с.51

²Гражданская война в Оренбуржье (1917-1919 гг.) Документы и материалы – Оренбург 1958, с.140

³В апреле 1918 г казаки низовых станций сформировали пять крупных партизанских отрядов: Правобережный отряд (подъесаул Садчиков), Левобережный (подъесаул Богданов), Восточный отряд (войсковой старшина Корноузов), Южный отряд (подъесаул Донецков), Отдельный партизанский отряд (капитан Булгаков)

⁴Так, бывшему 1-му линейному полку присвоен №7 2-му линейному – 8, Степному – 9, Полтавскому – 10, 6-му старших возрастов 3 округа – 11, 4-му – Исетско-Ставропольскому – 12, 3-му Левобережному – 13, Восточному – 14, Кваркенскому – 15, Петропавловскому – 16, 3-му Уфимско-Самарскому – 17, сведенному из 1-го и 2-го Кундровинских и Чебаркульского – 18, 2-му 1-го Округа (Самара) – 19, Сакмарскому – 20, 5-му – 2 Округа старших возрастов – 21 Уйскому – 22, 4-му Левобережному – 23

Новотроицкий партизанский отряд (июнь-июль 1919 г.)

Советской республике с первых дней существования пришлось преодолевать ожесточенное сопротивление свергнутых классов. Весной и летом 1918 года оно переросло в самую жестокую форму борьбы – гражданскую войну. На Урале она началась с вооруженного мятежа частей чехословацкого корпуса, находившихся в Челябинске численностью 8400 солдат и офицеров. Прокатилась волна массовых арестов и расстрелов согласно приказов вновь созданного «Комитета народной власти». К концу июля 1918 года контрреволюционные силы захватили весь Южный Урал.

Организованную борьбу против них возглавили подпольные организации, создаваемые в городах и рабочих поселках. Белогвардейские власти стали беспощадно расправляться с «подозрительными» лицами. Однако дезорганизация белогвардейского тыла приобретала все более организованный характер: срывались мобилизации молодежи, проводились террористические акты против офицерского состава и др.

Весна 1919 года придавала силы подпольным организациям, которые создавали партизанские отряды и группы для дезорганизации белогвардейского тыла. Молодые рабочие, подлежавшие колчаковской мобилизации, уходили в леса и вливались в партизанские отряды.

В Симском горном округе действовало около десятка партизанских отрядов, наиболее крупные из них возглавляли А. Масленников, К. Горбунов и А. Горшков. Под руководством К. Туманова и А. Белогурова провели через линию фронта отряды молодежи, которая влилась в один из полков пятой Красной Армии. На территории Катав-Ивановского горного округа было создано семь партизанских отрядов, самыми крупными и наиболее боеспособными были Юрюзанский, Александровский и Тюбелясский. В Кыштымском горном округе терроризировали белогвардейский тыл четыре партизанских отряда. Наибольшей боеспособностью отличался Тютнярский (Карабашский) под командованием П. Пичугова. Вместе с 308 полком 35 стрелковой дивизии партизаны участвовали в освобождении Карабаша и других населенных пунктов. Посланец Сибирского бюро ЦК РКП(б) И. Антонов возглавил партизанский отряд из Златоустовских рабочих. Встретившись с частями Красной Армии, партизаны провели их скрытыми тропами к Златоусту и

совместными усилиями нанесли колчаковцам неожиданный и сокрушительный удар.

В городе Троицке, центре третьего военного отдела Оренбургского казачьего войска, в разное время находились 12, 14 и 18 казачьи полки. Подпольная организация, возглавляемая Н.С. Полухиным, создала свои

группы и вела агитационную работу. Вскоре эти полки стали «крамольными», были отправлены на фронт, желания воевать не изъявляли и многие казаки дезертировали.

В начале июня 1919 года в поселке Новотроицком, что в 18 км от города, была создана подпольная группа численностью 11 человек. И. Дудинский, С. Ревенко, Т.Пелих, В. Калюжный, Е. Чупис, Д. Пищита и др. они обезоруживали белогвардейских солдат и офицеров, разрушали полотна железной дороги, чем парализовали движение поездов. Когда группа стала численно увеличиваться, местом пребывания был избран лесной район около озера Чебаркуль. После установления связи с Троицким военно-революционным штабом группа была переименована в партизанский отряд, командиром назначен И. Дудинский. Партизанские дозорные следили за передвижением колчаковских войск, нередко нападали на них, забирая оружие, продовольствие и гужевой транспорт. Однажды удалось разоружить роту солдат, остановившуюся на ночлег в Новотроицком поселке. Около 200 солдат из мобилизованных еще в ноябре 1918 года крестьян Симбирской губернии, влились в партизанский отряд с полным комплектом вооружения.

Ночью 31 июля 1919 года в Новотроицком поселке были разоружены две колчаковские роты, взято в плен до 350 солдат, 268 винтовок, 6500 патронов, 2 пулемета и обоз в 20 повозок с продовольствием и снаряжением. Командованием отряда было сделано им предложение о вхождении в ряды партизан, а не пожелавшим этого сделать, объявлена «воля». Трех офицеров и двух солдат – добровольцев, заявивших что они будут защищать «святую Русь и Колчака» – расстреляли. Новотроицкий партизанский отряд сразу возрос до 550 человек. По согласованию с Троицким военно-революционным штабом партизанский отряд был разбит на две роты, по четыре взвода в каждой, полностью обеспеченные необходимым вооружением.

В июле 1919 года части Пятой Красной Армии под командованием М.Н. Тухачевского постепенно освобождали южноуральский край. Были разбиты белогвардейцы под Златоустом (13 июля), Чебаркулем (20 июля) и т.д. На Троицком направлении белогвардейское командование сосредоточило крупные силы. Сибирский пехотный, 34-й казачий полк и другие воинские подразделения. В советскую группировку войск входили 3-я кавалерийская бригада: Верхнеуральский и им. Степана Разина полки. Бои носили ожесточенный характер за каждую станицу, поселок, деревню.

Троицкий военно-революционный штаб потребовал от командования партизанским отрядом активизировать боевые действия и вместе с частями Красной Армии принять участие в освобождении города от колчаковщины. Утром 1 августа 1919 года партизаны с боем заняли поселки Бугристый, Солодянкино и Токаревку, пошли на соединение с частями Крас-

ной Армии. На речке Увелька они попали под обстрел конного разъезда, к которому вскоре подошло подкрепление. Заняв круговую оборону, партизаны стали отражать атаки противника. Бой с колчаковцами, начавшийся в 7 часов утра, продолжался до 8 часов вечера. Вырвавшись из окружения, партизанский отряд, отступил к Ершовской мельнице. За время тринадцатичасового боя было убито 38 и ранено 16 партизан. Большие потери понесли и белогвардейцы. Партизанская разведка около поселка Сосновского встретила с полком им. Степана Разина, наступавшим на Троицк.

3 августа 1919 года Новотроицкие партизаны всем отрядом соединились с полком им. Степана Разина и из них была сформирована пластунская сотня. На следующий день, 4 августа полк им. Степана Разина, в составе которого находились все Новотроицкие партизаны, освободил город Троицк от белогвардейцев.

Секрет успехов Новотроицкого партизанского отряда, на наш взгляд, состоит в организованности и дисциплине, продуманности планов боевых операций командованием. Преимущество партизан заключалось в тесной связи с местным населением и городской подпольной организацией, имевшей своих агентов в колчаковской контрразведке, предупреждавших о готовившихся карательных экспедициях. Известно, что предупрежденная опасность – это устраненная опасность. Таков был девиз подпольщиков и новотроицких партизан.

5-й номер альманаха «Белая Гвардия»

Белое движение на Востоке России

Очередной, пятый номер альманаха тематически посвящен истории Белого движения в восточных регионах России – в Сибири, на Урале, в Забайкалье. Основу альманаха составили материалы 4-й научной конференции «История Белой Сибири», состоявшейся в феврале 2001 г. в г. Кемерово. В номер вошли также неопубликованные воспоминания офицеров Уральской казачьей армии, документы о наградной системе в Сибири, даны полные списки боевых расписаний Российской армии адмирала А.В. Колчака. Номер иллюстрирован фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, Государственного музея современной истории России, Центрального музея вооруженных сил, частных коллекций.

Заказы направлять по адресу: 127051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.
Тел./факс (095) 925-92-48 posevru@online.ru

А.М. Буяков

Особое отделение штаба колчаковской армии

В последнее время истории колчаковской армии в Сибири, деятельности ее войсковых частей и соединений, а также структурных подразделений штаба Верховного Главнокомандующего в годы гражданской войны уделяется более пристальное внимание в отечественной и иностранной историко-публицистической литературе. Одним из менее изученных вопросов является вопрос о функционировании такого специфического органа как Особое отделение. Отчасти пролить свет на его историю позволяют ряд документов, обнаруженных автором в фонде Бориса Александровича Крюкова (подпоручик по адмиралтейству, бывший помощник начальника морской контрразведки штаба командующего Сибирской флотилии контр-адмирала Г.К. Старка, 1921–1923 гг.) в архиве Гугеровского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в США¹.

Необходимо сказать, что структура как Главного штаба, так и штаба Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими Вооруженными Силами России адмирала А.В. Колчака строилась по образцу старой армии, но с учетом особенностей и специфики гражданской войны и условий Сибири.

Первоначально Особое отделение было создано и действовало в составе квартирмейстерского отдела Главного штаба и замыкалось на начальника штаба генерал-майора В.И. Марковского, а 28 мая 1919 г. передано в управление 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем в Омске. Управление 2-го генерал-квартирмейстера ведало разведкой и контрразведкой, военным контролем в действующей армии и тыловых военных округах, вопросами печати, осведомления и агитации, а также деятельностью военного Цензурно-Контрольного Бюро.

Отделение обладало небольшим штатом и состояло из 5 сотрудников – 3 офицеров и 2 писарей. Во главе отделения стоял гвардии штабс-ротмистр Николай Леонидович Жадвойн, его заместителем-делопроизводителем был гвардии поручик Анатолий Эдуардович Шацкий, делопроизводителем – поручик Ефим Захарович Мацков. Владимир Петрович Сулимов и Александр Степанович Филатов были писарями старшего разряда².

Особое отделение занималось контактами с военными агентами союзнических и нейтральных стран, поддержанием непосредственных связей с представителями союзнического командования в Омске, иностранными миссиями, перепиской с МИД, поставляло высшему командованию воен-

но-политическую информацию. На начальника отделения замыкались фельдъегерская часть, шифровальное делопроизводство и служба связи.

Из «Описи дел Особого отделения», составленной на 28 мая 1919 г. видно, какие вопросы входили в его компетенцию. Так, в частности, отделение рассылало оперативные сводки генералам Д.Л. Хорвату, И.П. Романовскому и П.П. Иванову-Ринову, осуществляло переписку с генералом А.И. Деникиным, Министерством иностранных дел Российского правительства, передавало информацию из Бюро печати при Совете министров и получало ее оттуда же в свой адрес, получало донесения и вело переписку с русскими военными агентами за границей, обобщало и анализировало информацию по Урянхайскому и монгольскому вопросам, вопросу о КВЖД, восстаниям и беспорядкам в Сибири и на Дальнем Востоке³.

Одним из вопросов, входивших в компетенцию отделения, был и вопрос о выдаче разрешений для поездок в Сибирскую армию и на фронтовые позиции представителям союзнического командования, а также иностранным корреспондентам. Представители иностранных дипломатических и военных миссий обращались непосредственно по этому вопросу к начальнику Особого отделения.

В связи с передачей отделения в ведение 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем генерал-майора П.Ф. Рябикова произошли некоторые изменения в его задачах. Они, прежде всего, коснулись деятельности двух делопроизводств Особого отделения. Остановимся на них подробнее.

1. Делопроизводство вело: специальную секретную книгу всех военных агентов с указанием информации когда назначен военный агент, старшинство его в последнем чине с краткой характеристикой о нем; специальную книгу российских военных миссий за границей и их личного состава; кандидатские списки на должности военных агентов с подробными сведениями о каждом офицере-кандидате с краткой характеристикой его деловых и личных качеств, знаниями иностранных языков; кандидатские списки офицеров, предназначенных в заграничные командировки; специальную книгу со списками офицеров, владеющих иностранными языками; переписку с русскими военными агентами за границей, причем на каждого агента заводилось особое дело.

2. Делопроизводство, в свою очередь, вело: полный список (секретная книга) всех иностранных представителей, как военных, так и гражданских, находящихся на территории подвластной Российскому правительству; полный список находящихся в Омске иностранных представителей; подробные сведения о находящихся в Омске иностранных представителях и их персональные характеристики; дела офицеров-представителей при военных миссиях – США, Великобритании, Франции, Чехословакии и Японии, на каждую миссию заводилось особое дело со всеми получае-

мыми от наших офицеров сведениями и донесениями, специальное дело докладов Начальника Отделения 2-му генерал-квартирмейстеру; дела связанные с пребыванием иностранцев на территории России и переписка с ними и о них. Кроме того, данное делопроизводство осуществляло переписку с Главнокомандующим Союзными силами в России генералом Жаненом, а также с Министерством иностранных дел по вопросу о пребывании в России иностранных представителей⁴.

На отделение было возложено и ведение списка личного состава управления 2-го генерал-квартирмейстера, списка чинов отделения, списка министров, их заместителей, главнуправляющих и начальников управлений Российского правительства с обозначением адресов, имени и отчества.

Офицеры-представители, состоявшие при иностранных миссиях, общались начальнику отделения обо всем происходившем в миссиях, получая через него руководящие указания от генерал-квартирмейстера. Так, в частности, один раз в неделю все офицеры-представители собирались на заседание в помещении Особого отделения. В ходе его происходил обмен мнениями, сопоставление сведений о различных миссиях и получение офицерами задач. К заседаниям каждый офицер готовил отчет обо всем виденном и слышанном за истекшую неделю в иностранных и военных союзнических миссиях в Омске⁵.

Начальник отделения лично поддерживал связь со всеми иностранными миссиями в Омске, составлял доклады для генерал-квартирмейстера на основании получаемых от офицеров-представителей материалов.

Несколько слов о самом начальнике Особого отделения Н.Л. Жадвойне. Участвовал в первой мировой войне. В 1917–1918 гг. работал в составе русской военной миссии по ликвидации русского отдела Союзнического Бюро. Зарекомендовал себя как опытный специалист. В 1918 г. был назначен начальником Особого отделения. В 1920 г. служил в Чите. На 18 января 1921 г. генерального штаба гвардии полковник, находился в Дайрене при атамане Г.М. Семенове. О дальнейшей судьбе сведений нет⁶.

В конце октября 1919 г., в связи с эвакуацией белой армии из Омска, деятельность Особого отделения была фактически прекращена.

Примечания:

¹Архив Гуверовского института Войны, Революции и Мира при Стэнфордском университете (США). Фонд Крюкова Б. А. Коробка 2.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 202. Лл. 187-188.

Радиошкола морского ведомства во Владивостоке 1918–1919 гг.

В ходе гражданской войны в Сибири правительством адмирала А.В. Колчака было создано Морское министерство, в состав которого входили Сибирская, Амурская и Камская речная боевые флотилии. Одной из проблем при создании флотилий было отсутствие специалистов-матросов, так как правительство запретило использовать для комплектования флотилий матросов старого флота. При вступлении в службу добровольцами, эта категория личного состава принималась только при письменном заверении их благонадежности офицерами, служившими с ними ранее. При призыве из запаса по мобилизации матросы подлежали отправке в пехоту солдатами, единственное исключение из этих правил было сделано для специалистов радиотелеграфии, которых надлежало отсылать в распоряжение начальников баз Речной Боевой флотилии (г. Пермь и Уфа)¹. Такое исключение было сделано в виду особо трудного положения, сложившегося из-за отсутствия специалистов связи и впрямую влиявшего на успех боевых действий белых флотилий. Выражение «Потеря связи есть потеря боевого управления»² было более чем актуально для них. Наладить организацию связи даже до уровня Волжской флотилии РККФ, им так и не удалось. Старший лейтенант В.С. Макаров так характеризует состояние службы связи Камской флотилии белых: «Сигнальное дело сильно хромало, радиотелеграфисты нагоняли тоску своей беспомощностью, и наша связь с армией было из рук вон плохой»³.

По воспоминаниям Морского министра правительства А.В. Колчака контр-адмирала М.И. Смирнова, в его распоряжении имелось около 20 малых радиостанций, пригодных для установки на пароходы и для береговых станций службы связи. Во Владивостоке и в Омске были организованы мастерские для ремонта радиостанций. Заведовал радиотелеграфным делом лейтенант Кравцов. Однако создание реально действующей службы связи сдерживалось отсутствием специалистов. По его же воспоминаниям: «Для подготовки радиотелеграфистов во Владивостоке была открыта радиотелеграфная школа. Срок обучения был очень короток – всего 2 месяца, поэтому вначале мы не имели опытных людей, и радиотелеграфная связь хромала, но затем и это дело наладилось»⁴. Созданию радиошколы во Владивостоке уделяет внимание в своих воспоминаниях и капитан 1 ранга Н.Г. Фомин⁵.

Контр-адмирал М.Смирнов не участвовал в боях 1918 г. на Волге, однако с учетом уже полученного опыта войны на реках, и необходимости с

началом навигации 1919 г. вновь вооружить речные флотилии, он принимает решение о создании Радиошколы Морского ведомства с расположением в г. Владивостоке. Уже 31 декабря 1918 г. им была утверждена «Инструкция Радиошколы Морского ведомства во Владивостоке». Целью создания школы было ускоренное приготовление специалистов по радиотелеграфу и электротехнике для комплектования личного состава флота и частей Отдельной бригады морских стрелков. Школа должна была комплектоваться добровольцами, имеющими образование не ниже курса высшего начального училища, достигшими 18-ти летнего возраста. Курс обучения предполагал три месяца по программе утвержденной Морским министром, со сдачей экзамена в конце обучения. Лиц, успешно сдавших экзамен, предполагалось назначать на суда и в части, и, после месяца практической службы, присваивать звание радиотелеграфистов и электриков. 50% лучших учеников на втором месяце обучения выделялись в унтер-офицерский класс. По окончании теоретического обучения, после 2-х месячной практической отработки, властью не ниже командира Отдельной бригады морских стрелков (ОБрМС), производились в радиотелеграфные унтер-офицеры и унтер-офицеры электрики. Расквартирование обучающихся производилось в казарменном порядке, с подчинением помощнику начальника школы, пользовавшегося дисциплинарной властью командира роты. Начальник школы имел права командира корабля 1-го ранга⁶.

Создание Радиошколы Морского ведомства во Владивостоке было возложено на помощника Верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке по морской части и командующего Морскими силами Дальнего Востока (в дальнейшем ком. МС ДВ) контр-адмирала С.Н. Тимирева. Последним были произведены необходимые организационно-административные мероприятия: создание учебной базы школы и размещение учеников возложено на Службу связи Тихого океана (Сл. Св.ТО), введены временные штаты, сформирован начальствующий и преподавательский состав.

Начальником школы был назначен инженер-электрик Н.А. Скрицкий*, в введении которого находились вопросы учебной части школы и

***СКРИЦКИЙ Николай Александрович.** Инженер-электрик. Строитель радиостанции Морского ведомства на о. Русский. 12.10.1918 г. член комиссии по передаче строящейся радиостанции Морского ведомства на о. Русский правительству США. 27.12.1918 г. назначен начальником школы для ускоренной подготовки радиотелеграфистов и электриков для надобности МВ. С 03.03.1919 г. отчислен от должности начальника школы по личной просьбе. 28.02.1919 г. благодарность от ком. МС ДВ «за высокополезную деятельность по организации учебной части радиошколы». В 1922 г. – профессор по кафедре электротехники Владивостокского высшего политехникума. Дальнейшая судьба неизвестна. Ист. и лит.: ГАПК НСБ. Пр. ком. Сиб. фл. № 288 от 12.10.1918, Пр. Пом. ВУ по МЧ и ком. МС на ДВ. № 34 от 27.12.1918, № 306, 308 от 28.02.1919 г. ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 3 С. 5.

все вопросы и кредиты с ней связанные. Строевые вопросы возлагались на помощника начальника школы. Преподавателями были назначены в основном чины Сл.Св.ТО и минеры, опытные офицеры-практики: по радиотелеграфу – инженер-электрик Н.А. Скрицкий; по судовой электротехнике – капитан 1 ранга А.А. Яковлев; по электротехнике переменного тока – старший лейтенант С.И. Вениаминов; по электротехнике постоянного тока – мичман военного времени (далее – в.в.) Синяпкин; по практическим занятиям по радиотелеграфу и вспомогательным предметам – подпоручик А. Чикарев; по строевым занятиям и уставам – прапорщик К.Дубов. Инструкторами школы были назначены чиновники в.в. А.А. Сарычев, И.С. Бондарчук, И.Г. Кононов; инструктор в.в. Литхен⁷. Делопроизводителем учебной части был назначен губернский секретарь Троцук⁸. 3 марта Н.А. Скрицкий по личной просьбе был отчислен от должности начальника школы, его заменил начальник Владивостокского района Сл.Св.ТО лейтенант Клягин, он же одновременно назначен преподавателем радиотелеграфии. Ком. МС ДВ в приказе отметил: «Отчисляя от должности, согласно личной просьбе, профессора инженер электрика Скрицкого, считаю своим долгом отметить его высоко полезную деятельность по организации учебной части радиошколы и принести от лица службы ему благодарность»⁹. С 15 марта 1919 г. было произведено переназначение преподавателей. В класс радиотелеграфистов: по электротехнике переменного тока – ст. лейтенант С.И. Вениаминов; по электротехнике постоянного тока – мичман в.в. Синяпкин; по практической радиотелеграфии – подпоручик А. Чикарев. В класс электриков: по электромагнетизму и электротехнике постоянного тока – подпоручик А. Чикарев; по судовой электротехнике – капитан 1 ранга А.А. Яковлев; по практической электротехнике – штабс-капитан П. Бандюгин (с оставлением в должности начальника береговых радиостанций Амурской речной флотилии), подпоручик Николаев; по строевым занятиям и уставам – штабс-капитан Унжаков (с 16.05.1919 г. его заменил штабс-капитан Катугин).

Первоначально комплектование школы переменным составом производилось по разнарядке Главного управления по делам личного состава (ГУЛИСО) из числа добровольцев на основании положения о службе добровольцев в армии. После принятия Советом Министров постановления № 220 от 14.03.1919 г. о службе добровольцев во флоте, с 15 марта в добровольцы радиошколы зачислялись: ученики-радиотелеграфисты – на оклад рядовых радиотелеграфистов, ученики-электрики – на оклад рядовых электриков¹⁰. Офицеры-слушатели радиошколы: штабс-капитан А.И. Павлов, гвардии поручик С.П. Булычев-Бузуев, поручик В.И. Тутолмин, прапорщики В.И. Любомудров и И.О. Шумилов первоначально были назначены в Морскую роту, а с 1 марта 1919 г. были переведены в Службу связи Тихого океана на оклад офицера-бойца¹¹. В дальнейшем в

отношении офицеров-слушателей применялось это правило. 3 февраля 1919 г. ком. МС ДВ объявил приказом об открытии радиошколы с 15 января 1919 г.¹²

14 апреля, согласно телеграмме Морского министра, были досрочно отправлены в г. Пермь, в распоряжение командующего Речной боевой флотилией первые 22 выпускника радиошколы¹³. В дальнейшем, все выпускники сдавали установленный экзамен комиссии, назначавшейся специальным приказом ком. МС ДВ для каждого класса отдельно. Как правило, председателем экзаменационной комиссии был начальник Сл. Св.ТО инженер-капитан 2 ранга Величковский. 24 мая 1919 г. были произведены в радиотелеграфисты 19 оставшихся слушателей, еще 3 как не сдавшие полный курс, были выпущены учениками-радиотелеграфистами, до сдачи полного экзамена в частях. Кроме этого, экзамены выдержали офицеры-слушатели, с правом назначения на вакансии радиотелеграфных офицеров в частях и учреждениях Морского ведомства гвардии поручик С.П. Булычев-Бузуев, прапорщики И.О. Шумилов и В.И. Любомудров¹⁴. Все офицеры и 10 выпускников были переведены, для получения назначения на фронт в Пермь, еще 10 – в Уфу¹⁵.

25 июня сдали экзамены с правом назначения на вакансии радиотелеграфных офицеров в частях и учреждениях Морского ведомства штабс-капитан по Адмиралтейству (далее – адм.) А.И. Павлов, подпоручики по адм. В.И. Тутолмин, А.С. Дэк¹⁶. В этот же день сдали экзамены и получили звание электрика 14 учеников класса электриков при радиошколе, вместе с ними был произведен в электрики сдавший экзамен ученик класса минных машинистов С.В. Летягин¹⁷. После выпуска, с 1 июля класс электриков был закрыт, преподаватели капитан 1 ранга А.А. Яковлев, штабс-капитан П. Бандюгин отчислены от школы. 5 июля был произведен 3-й выпуск. Сдали экзамены и были произведены в радиотелеграфисты 47 выпускников класса радиотелеграфистов школы¹⁸. 23 сентября сдали экзамены с правом назначения на вакансии радиотелеграфных офицеров в частях и учреждениях Морского ведомства подпоручик Е.В. Сокаль, прапорщик М.П. Шемякин. Этим же числом произведены в радиотелеграфисты 11 учеников класса радиотелеграфистов школы (4 выпуск)¹⁹.

7 марта 1919 г. Морской министр приказал ком. МС ДВ срочно организовать при радиошколе класс мотористов для обслуживания радиотелеграфных установок. Набор в количестве 46 человек произвести исключительно из лиц, знающих моторное дело и первый выпуск произвести не позднее 15 мая 1919 г. Создание класса было возложено на начальника Сл. Св.ТО²⁰. К 20 марта ком. МС ДВ утвердил временный штат 2-х месячного класса мотористов при радиошколе. Он состоял из одного преподавателя по двигателям внутреннего сгорания (44 теоретических и 36 практических часов) и двух инструкторов по двигателям внутреннего сгора-

ния (по 32 практических занятия по 3 часа). Занятия по уставу и строю проводились совместно с учениками радиошколы, без увеличения штатов²¹. Преподавателем по вольному найму был назначен лейтенант в отставке М. Бабакин (с 01.06.1919 г. его заменил капитан Красников), инструкторами – подпоручик А.М. Гребзде (Сл. связи ТО) и по вольному найму Г. Годунов²². Преподавание в классе мотористов было начато 1 апреля 1919 г. 10 июня был произведен 1-й выпуск класса – произведены в мотористы 16 учеников класса мотористов при радиошколе, успешно сдавшие экзамены (очевидно, трое учеников не сдали экзамен, т.к. не получили звания мотористов). 26 июня все 19 выпускников были откомандированы на фронт, в г. Пермь²³. 23 августа был произведен 2-й выпуск – сдали экзамены и были произведены в мотористы 21 ученик класса мотористов школы²⁴. После выпуска класс был закрыт, преподаватели капитан Красников и подпоручик А.М. Гребзде возвращены к исполнению прямых обязанностей²⁵.

С 3 июня при радиошколе был открыт 2 /2 месячный класс минных машинистов. С 16 июля класс был выделен из состава радиошколы в отдельный класс для укомплектования команд МС ДВ, заведующим классом был назначен капитан 1 ранга А.А.Яковлев. 2 сентября 1919 г. были произведены по экзамену (председатель экзаменационной комиссии капитан 1 ранга Струве) в минные машинисты 23 ученика класса минных машинистов²⁶.

К октябрю 1919 г. положение на Восточном фронте резко изменилось в пользу РККА, Речная боевая флотилия была уничтожена. Командование Морским министерством попыталось сохранить хотя бы часть с таким трудом подготовленных специалистов, для чего перевело из действующего флота в Амурскую и Сибирскую флотилию около 200 специалистов, остальные были переданы в Морской учебный полк и дивизию Морских стрелков. В этих условиях необходимость в подготовке специалистов уменьшилась, и было принято решение Радиошколу Морского ведомства во Владивостоке расформировать, приступив к ликвидации с 1 октября 1919 г. Преподаватели и инструкторы школы были возвращены к исполнению непосредственных обязанностей, освобожденные – назначены на суда и в части Амурской и Сибирской флотилий²⁷. По документальным данным школа подготовила 102 радиотелеграфиста, 8 радиотелеграфных офицеров, 15 электриков, 21 моториста, 23 минных машиниста.

В целом, создание Радиошколы Морского ведомства во Владивостоке позволило в короткие сроки подготовить для действующего Боевого флота специалистов радиотелеграфного дела, и снять остроту кадрового вопроса. Подготовленность выпускников школы с каждым выпуском улучшалась, что позволяло в перспективе, увеличив время обучения, готовить более квалифицированные кадры. После падения правительства

А.В. Колчака, до октября 1922 г., Сибирская флотилия так и не смогла привести Службу связи Тихого океана в надлежащее состояние. Большинство бывших преподавателей и часть выпускников школы в составе Сибирской флотилии эвакуировалось в октябре 1922 г. Судьба оставшихся была predetermined. Документы комиссии по делам добровольцев Сибирской флотилии были захвачены в качестве трофеев 5-й армией РККА, позже, в списках разыскиваемых ОГПУ были указаны все выпускники Радиошколы Морского ведомства во Владивостоке со стандартным определением «Доброволец колчаковского флота. Окончил радиошколу МВ во Владивостоке, Служба связи ТО». К сожалению, объем статьи не позволяет привести именные списки выпускников Радиошколы Морского Ведомства во Владивостоке и персональные данные преподавательского состава.

Примечания:

¹Государственный архив Приморского края (ГАПК). Научно-справочная библиотека (НСБ). Приказ нач. штаба Верховного Главнокомандующего № 359 от 25.04.1919 г. // В приказе ком. МС ДВ № 975 от 04.06.1919 г.

²Служба связи Военно-Морского Флота (история развития). Под общ. ред. Г.Г. Толстолуцкого. М.: Воен. изд-во, 1975. С.156-161.

³Макаров В.С. Материалы для истории флота в период гражданской войны. 1917-1920. Сибирь // Морские записки. Изд. общества Русских морских офицеров в Америке. Т. I. № 4. Сентябрь 1943. С. 114.

⁴Архив Гуверовского института революции, мира и войн. Стэнфорд, США. Ф. Бориса Заварина. Бокс 1. М.И. Смирнов. Речная боевая флотилия на реке Каме. Машинописная рукопись. С. 13-14, 27.

⁵Фомин Н.Г. Краткий отчет о деятельности офицеров флота, участвовавших в антибольшевистском движении на Волге, Каме и в Си-

бири в период 1918 и 1919 гг. // Морские записки. Изд. общества Русских морских офицеров в Америке. Т. XVI. № 2 (47). Июль 1958. С. 45.

⁶ГАПК. НСБ. Приказ по Флоту и Морскому ведомству № 55 от 31.12.1918 г. // В приказе ком. МС ДВ № 149 от 05.02.1919 г.

⁷Там же. Приказ ком. МС ДВ № 300 от 28.02.1919 г., № 470 от 25.03.1919 г.

⁸Там же. Приказ ком. МС ДВ № 53 от 20.01.1919 г., № 126 от 31.01.1919 г.

⁹Там же. Приказы ком. МС ДВ № 306, 307, 308 от 28.02.1919 г.

¹⁰Там же. Приказ ком. МС ДВ № 417 от 16.03.1919 г.; Правительственный вестник (Омск) № 107 от 03.04.1919 г.

¹¹Там же. Приказ ком. МС ДВ № 479 от 25.03.1919 г.

¹²Там же. НСБ. Приказ ком. МС ДВ № 147 от 03.02.1919 г.

¹³Там же. Приказ ком. МС ДВ № 633 от 14.04.1919 г.

¹⁴Там же. Приказы ком. МС ДВ № 896, 897, 898 от 24.05.1919 г.

¹⁵Там же. Приказ ком. МС ДВ № 919 от 26.05.1919 г.

¹⁶ГАПК. НСБ. Приказ ком. МС ДВ № 1139 от 30.06.1919 г.

¹⁷Там же. Приказ ком. МС ДВ № 1140, 1141 от 30.06.1919 г.

¹⁸Там же. Приказ ком. МС ДВ № 1214 от 10.07.1919 г.

¹⁹Там же. Приказ ком. МС ДВ № 1829 от 08.10.1919 г.

²⁰Там же. Приказ ком. МС ДВ № 415 от 15.03.1919 г.

²¹Там же. Приказ ком. МС ДВ № 417 от 16.03.1919 г.

²²Там же. Приказ ком. МС ДВ № 535, 536 от 01.04.1919 г.

²³Там же. Приказ ком. МС ДВ № 1011 от 11.06.1919 г., № 1105 от 26.06.1919 г.

²⁴Там же. Приказ ком. МС ДВ № 1590 от 31.08.1919 г.

²⁵Там же. Приказ ком. МС ДВ № 1660 от 12.09.1919 г.

²⁶Там же. Приказы ком. МС ДВ № 966 от 03.06.1919 г., № 1262 от 16.07.1919 г., № 1523 от 21.08.1919 г., № 1742 от 28.08.1919 г.

²⁷ГАПК. НСБ. Приказ ком. МС ДВ № 1810 от 06.10.1919 г.

Одним из героев Белой Сибири был командир 1-й отдельной Сибирской штурмовой бригады полковник Евгений Иосифович Урбанковский, погибший смертью храбрых на Пермском фронте 11 марта 1919 г. Его биография была опубликована в томской газете «Сибирская Жизнь» (28 марта 1919 г.), в некрологе «Памяти Е.И. Урбанковского», который приводится ниже с незначительными сокращениями. По-видимому, автором этого очерка, скрывшимся за псевдонимом «Штурмовик», был один из офицеров 1-й Сибирской штурмовой бригады.

Публикация А.А. Краснощекова

Памяти Е.И. Урбанковского

11 марта умер от ран молодой герой Сибирской армии, командир 1-й Сибирской штурмовой бригады, полковник Евгений Иосифович Урбанковский.

Е.И. было только 23 года. Родился он в городе Екатеринославе 23 марта 1896 года, начальное образование получил в Красноярске и затем в первой Томской губернской гимназии, которую окончил в 1914 году и поступил в технологический институт. Но учиться ему не пришлось. Грянула Великая Мировая война, и верный своему долгу Е.И. идет в ряды армии. В 1915 году он заканчивает Московское Александровское военное училище и в чине прапорщика отправляется в действующую армию в 56-й Сибирский стрелковый полк, где назначается в пулеметную команду и участвует во всех боях, выказывая спокойствие духа, распорядительность и храбрость. 24 декабря 1916 г. он является одним из главных участников при взятии знаменитой «пулеметной горки», где и был ранен.

С войны вернулся в чине штабс-капитана; за германскую войну имел ордена: Св. Станислава 3-й степени, Св. Анну 3-й ст., Св. Анну 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст., Станислава 2-й ст. и сербскую медаль, был представлен к Георгиевскому золотому оружию, но переворот не дал его получить¹.

Вспыхнуло октябрьское восстание, и Великой Русской Армии не стало. Молодой штабс-капитан возвращается в Томск. Гордая натура, сознание долга перед Родиной не дают ему покоя, и он, не покладая рук, работает в офицерской военной организации для свержения советской власти. При его непосредственном участии совершена была кража винтовок 28 февраля 1918 г. Все застыло и замерло под пятой осадного по-

ложения, и только участник этого подвига спокойно разгуливал по улицам города.

Конец мая 1918 года и вслед за ним свержение совдепщины сначала в Новониколаевске, а потом и в Томске, не обошлись без деятельного участия Е.И.

30 мая Е.И. выехал на очищение остальной Сибири, получив назначение на должность начальника пулеметной команды при 3-м Томском полку. Он участвует в очищении города Барнаула и его уезда от банд красноармейцев и немцев и оттуда с полком отправляется на Восток.

В бою под раз. Паньковкой Е.И., оцененный как опытный начальник и хороший солдат, получает назначение начальником боевого участка. Несмотря на громадный перевес противника, он с горстью храбрых, показывая личным примером, как нужно защищать Родину, вышел победителем. Не было такого офицера или солдата, который бы не видел его во время боя, и, казалось, что в эти кровавые минуты он был вездесущим, а его спокойный вопрос: «Как ваши дела?» до сих пор звучит в ушах. После славного боя под раз. Паньковкой ему была дана еще более ответственная задача – засада в горах Байкала. Эту задачу он выполнил как нельзя лучше. Двое суток сидел маленький отряд под дождем в горах, и только пример вождя не давал заползти в душу сомнению. Наши отошли, и только тогда непреклонный вождь сказал с уверенностью и спокойствием: «Теперь пора, громкое «ура» – и дело кончено».

7 августа, как ночные орлы, налетел отряд на раз. Салзан, сам начальник лично взрывает полотно дороги, и путь противнику отрезан. Ему дан такой удар, от которого он уже не мог оправиться. За этот бой Е.И. получил чин капитана и командование 2-м Томским полком.

8 конце августа он вместе с полком был отозван в Томск, где получил назначение сформировать ударный батальон. Это было его детище, которое он сам выносил на своих руках. Показывая сам методы обучения и воспитания солдата, он входил в мелочи работы, и его глаз видел все. Помогая офицерам словом и делом, Е.И. приготовил свой батальон. В середине октября выехали на фронт. Как радовался Е.И., что, наконец, будет на фронте, наконец-то боевой работой будет помогать возрождению России.

Середина ноября... Корпус генерала Пепеляева оказался на некоторое время в тяжелом положении и отошел на несколько десятков верст назад, а затем, когда оправился, решено было двинуться вперед. Новому батальону дана трудная задача – без дорог, по колено в грязи, обойти Кыповский завод. После нескольких дней утомительного перехода – удар, и завод в наших руках; не давая опомниться врагу, батальон идет по пятам противника и на [его] плечах врывается в Серебрянский завод. Угроза железнодорожной группе разбита, и корпус спокойно начинает свою пермскую операцию.

¹ По другим сведениям, он был награжден орденами Святого Станислава, Святой Анны, орденом Святого Георгия 4-й степени, а также сербским орденом Белого Орла и французским орденом. («Военные Ведомости». Новониколаевск. 27 марта 1919 г.)

Штурмовому батальону имени генерала Пепеляева, как стал называться ударный батальон, дана была ответственная задача – совместно с 5-м Томским полком пробиться к ж.д. Кунгур – Пермь, отрезать путь к Перми и соединиться с Кунгурской группой. 15 декабря Е.И. повел свой батальон со ст. К. в два дня был переход сделан больше, чем в 50 в[ерст]. Разведка и жители сообщили, что в Кузнецовском заводе стоит 2-й морской Кронштадтский полк, состоящий исключительно из матросов. В глухой декабрьский вечер рота за ротой, по пояс в снегу, уходят далеко в тыл противнику. Все рассчитано, как по секундомеру. Шесть часов утра. Раздается три орудийных выстрела – сигнал к атакам. Не успел еще замолкнуть звук выстрелов, как далеко в тылу вспыхнуло зарево пожара, то сигнал дальней роты о приходе на место. Еще 5–10 минут, и на всем протяжении Кузнецовского завода. Верхних и Нижних Исад раздается дружное «ура». Как один, кинулись роты и, оспаривая друг у друга первенство храбрости, в каких-нибудь два часа уничтожили «красу и гордость революции» – матросов. Зимнее солнце осветило кровавую жертву, которую устроил Е.И. Урбанковский за все издевательства матросов над Родиной. Больше тысячи легло их на кровавых полях, мы же потеряли одного убитого и трех раненых. Через несколько дней еще один такой же смелый маневр, и в наших руках громадное пространство от Верхних Исад до Шаквинского завода. Врагу наносятся удар за ударом, не давая ему опомниться и сделать перегруппировку. Слева около нас оказывается.... дивизия, и мы круто меняем свое направление. Подходим к деревне Высокое Поле. Впереди, в 5–10 верстах, прекрасно оборудованная позиция у села Кольцова. Но сил мало, и красные решили удержать до подхода войск из Перми, а если возможно, то и сбить нас у деревни Высокое Поле. 22 декабря впереди одна рота. Противник силою до трех полков со знаменитой конной «стальной сотней» и «путиловцами» напрягает все усилия сбить роту, но тщетно. Капитан Урбанковский, сам управляя огнем орудия, отдает приказание роте стоять до последнего. Пулемет один замерз, – мороз до 37 градусов, патронов мало, но из цепи ни ропота, ни слова о поддержке, ни о нехватке патронов. Стреляют спокойно, с выдержкой; здесь сказалось все воспитание и обучение солдата. Перед нами была не бесформенная масса, а сознательный боец, который сам знал, что ему делать. 8 часов продолжался неравный бой, но урбанковцы твердо, как скала, стояли на одном месте. Все атаки, заходы и обхваты отбивались, несмотря на громадный численный перевес. К вечеру подошли и остальные роты, весь день спешившие на помощь. Смелый маневр на глазах и под огнем противника – и он разбит, он бежит. Отдыха нет. Роты вперед! Во главе сам Е.И. гонит противника, не давая ему опомниться; взято Кольцово. Здесь мы получаем сообщение, что Енисейцы ворвались в Пермь. Мы, не обращая внимания на бродячие шайки разбитых банд красных, на подводах спешим в Пермь. Бой идет за обладание ст. Пермь II, где красные оказывают

упорнейшее сопротивление. На ходу, разводя роты, Е.И. сам указывает места атак. Еще миг, и станция в наших руках. Одним из первых ворвался туда сам командир. Через несколько минут сообщают, что мост через реку Каму захвачен в тот момент, когда туда был пущен мотор для взрыва мины. Мост спасен, спасено многомиллионное достояние народа. За всю пермскую операцию Е.И. получает чин полковника.

Не успел батальон отдохнуть и трех дней, как боевая обстановка потребовала Е.И. на фронт. Ему дана громадная задача: описать дугу в 100–150 верст около Пермской ж.д. и выйти на ст. Менделеево. Беспорывно ведя бои, батальон дошел до разветвления дорог: на с. Дворецкое и на с. Серьги. Штурмом то и другое взяты. Здесь противник оказал самое стойкое сопротивление, но наш вождь сам являлся в трудную минуту в цепи, сам вел их на штурм, сам руководил огнем пулеметов. Конные части батальона взяли в конном строю ст. Менделеево.

Стратегическое положение заставило оттянуть фронт более чем на сотню верст. На долю Урбанковского выпадает чрезвычайно трудная и неблагодарная задача полевой войны – прикрывать отступление дивизии. Под ураганным огнем батарей и подошедшего подкрепления красных отходит молодой вождь, не отдавая даром ни одного шага земли. Верные своему вождю, штурмовики умирают, сражаются один против сотни, но дают время для перегруппировки других частей, введения порядка и подготовки оборонительной полосы в тылу. Много легло урбанковцев в этих боях, но своего вождя они спасли. Как зеницу ока, оберегали его и ни шаг не давали ему сделать без надежных солдат.

Положение изменилось, наступление красных остановлено. Молодой полковник получает приказание развернуть штурмовой батальон в штурмовую бригаду. Закипела работа, как из земли вырос первый батальон, за ним второй. Врагу приготовили разгром. Вместо сдачи Перми, о чем мечтали красные, на них вдруг обрушилась вся Сибирская армия. Штурмовой батальон впереди. Командир бригады лично руководит боем на одном из самых важных участков.

Между двумя ударными группами красные сосредоточили кулак из нескольких полков. Разбить этот кулак – вот новая и последняя задача, которую выполнил Урбанковский. Как львы дерутся урбанковцы, но трудно им – против них громадная сила. Слабеют руки... Но к цепи выезжает сам командир бригады. Откуда взялись силы! Все ринулись вперед. Огонь противника ужасен, и одна из пуль попадает в ногу Е.И., но он остается в седле. После больших усилий удалось вывести его из-под обстрела. Он упал. Сделана немедленно перевязка. Еще хватает сил сделать соответствующие распоряжения, и молодой герой впадает в бессознательное состояние. У него оказывается перебитой артерия, и от громадной потери крови Е.И. скончался...

Штурмовик

Сербский полк имени майора Благотича

Публикация И.В. Купцова

*«Сербия — эта одна из красивейших и до-
блестных страниц истории человечества.*

Сербия — это сплошное героичество».

*(Слова Верховного Правителя Адмирала
Колчака, сказанные на банкете в Челябинске
в феврале 1919 года).*

Великое отражается в малом. Героическая и славная Сербия, ставшая теперь большим государством, нашла свое отражение в небольшой воинской частице, именуемой Добровольческим полком сербов, хорватов и словенцев имени майора Благотича. Рыцарский дух, обязывающий дать помощь ближнему в минуту опасности, не покинул сербов, заброшенных судьбою в далекую и неприветливую Сибирь. С беззаветною самопожертвенностью сербы принесли себя в жертву братской России, не прося за это ни наград, ни особой признательности. Героизм и присущая сербам храбрость выявились в бою под Челябинском.

Сербский полк, носящий имя славного героя майора Благотича, взявшего Казань и спасшего от большевиков для Всероссийского Правительства золотой запас до 800 миллионов рублей, оказался достойным имени погибшего под Казанью своего бесконечно храброго и беззаветно любившего Россию командира. Теперь, когда полк понес невознаградимые жертвы, когда он кровью и жизнью своих погибших под Челябинском офицеров и солдат запечатлел свои братские чувства перед братской Россией, будет справедливым дать характеристику той работы, которую полк с командным составом во главе посильно нес, закладывая в фундамент возрождающейся России не последний камень. После трагической гибели майора Благотича под Казанью и после оставления Казани Народной Армией оставшаяся сербская воинская часть под командой поручика Чедомира Протича, который искусно вывел вверенную ему часть из большевистского кольца около Симбирска, была расквартирована в г. Челябинске. Здесь по инициативе сербского представителя г. Миланковича стал организовываться добровольческий полк сербов, хорватов и словенцев имени покойного майора Благотича. В несении труда по организации полка помимо г. Миланковича принимал участие и первый командир его, капитан 1-го класса Маринкович. В дальнейшем заботы о полке легли на капитана 1-го класса Павковича, который после отъезда Маринковича принял и несет по сие время обязанности командира полка. Полк с первых шагов своего существования заявил себя настолько здоровой воинской частью воодушевленной идеей помощи к воссозданию братской Рос-

сии, что высшее командование того времени в Западной армии возложило на полк заботу об охране спокойствия города Челябинска, имевшего крайне важное значение, как базы Армии. После ухода чешских частей на Д. Восток на сербский полк имени майора Благотича была возложена задача охраны ж.-д. дорожнего пути от Челябинска до фронта Западной армии и сербских солдат полка можно было встретить в Троицке, Златоусте, Миассе и на станциях железной дороги, несущих охрану пути и оберегающих спокойствие вышеуказанных городов и местечек. Момент восприятия верховной власти адмиралом Колчак первый приветствовал в Челябинске Сербский полк имени майора Благотича. И возможно, что многие печальные события в гор. Челябинске в то время не произошли только потому что Сербский имени майора Благотича полк категорически заявил себя сторонником единоличной сильной власти в России, видя в этом единственный путь, который может привести Россию к спасению. А события в это время в Челябинске назревали грозные и такие, о которых будущий историк не применит упомянуть, что если бы они разыгрались, то повергли бы несчастную Россию в пучину еще больших испытаний. Когда была взята нашими войсками Уфа, то части полка выехали на охрану этого города, приняв на себя задачу борьбы с просачивающимися большевиками в Уральских горах и заводах. Насколько успешна была эта борьба видно уже из того, что большевики обратились со специальными прокламациями к солдатам полка. Помимо этой внешней работы на командном составе полка во главе с командиром Павковичем лежали не легкие в тяжелой русской действительности заботы поддержания строгой воинской дисциплины в полку и внушения его составу беспредельной любви к России. Лозунгом работы командного состава было, что «без великой, единой и могучей России — не может существовать великая Сербия» — при чем этот лозунг внушался солдатам полка при всяком удобном случае. При полку издавалась сербская газета «Югославянское объединение», содержание которой с первого до последнего номера было полно любви и преданности России и необходимости принесения посильной помощи со стороны сербов к возрождению и восстановлению былого могущества и величия матери славянства — России. Каждый шаг иностранных государств, унижающий международное положение России, с горечью констатировался газетой а печальной и горькой памяти «Принцезы острова» были охарактеризованны, как оскорбление всего славянского мира. Результаты всей этой работы выявились в момент отхода большевиков к Челябинску.

Все тыловые учреждения и воинские части были из города вывезены, остался лишь сербский полк имени майора Благотича для обеспечения спокойствия в городе до последней возможности. Полк, представляя из себя тыловую воинскую часть, не готовился выступить на фронт, но 23 июля командующий армией генерал Сахаров заявил, что ему необходимо

выступление сербов на фронт. И полк, не оставляя охраны города, выступил в ночь с 23 на 24 июля в составе одного батальона на фронт. Имея незначительный численный состав, всего 1200 с лишним человек, офицерство и солдаты полка заявили, что если России нужны в настоящий момент жертвы и доказательства преданности, то Сербский полк готов их принести. Геройство и упорство, проявленное сербами на занимаемом фронте, заставили большевиков бросить на сербский батальон превосходные силы и сербы, потеряв убитыми почти всех офицеров бывшего батальона и до 200 солдат, принуждены были отойти. В бою особенно отличился командир роты поручик Любомир Пиля, герой взятия Казани, бывший адъютант майора Благотича. Поручик Пиля три раза бросался в штыковую атаку, отгоняя наступающего врага на расстояние почти двух верст. Командир батальона капитан Шимунич, когда большевики начали особенно жестоко наступать, крикнул: «Сербы, не позорьте свои шайкачи! Напред!» и кинулся в бой, но был также сражен пулей врага русского народа. Кроме указанных офицеров в этом бою погибли смертью славных героев командир роты подпоручик Гаврич, начальник пулеметной команды Хас, взводный офицер Шрамцер и ранен был в грудь на вылет адъютант батальона поручик Попович. В то время, как батальон дрался на фронте, другой оставшийся батальон для охраны города принужден был подавлять вспыхнувшее восстание в городе и потерял убитыми двух офицеров, подпоручиков Кларича и Финка, а также до 50 солдат.

Итак полк запечатлел свою любовь и преданность России гибелью своих членов из офицерского и солдатского состава. Рыцарский дух сербского народа выявился в полной мере в небольшой воинской частице. Слова Верховного Правителя, сказанные о Сербии нашли свое подтверждение не только на полях славной маленькой страны, но и в необъятных степях далекой суровой Сибири.

Рыцарство обязывает к жертвам и рыцари современной истории — сербы в лице полка майора Благотича эти жертвы дали в самой невознаградимой форме.

Геройская смерть — высшая форма жертвы, и сербы ее принесли во имя любви к братской России. В великий текущий момент воссоздания матери славянства — России, сербы своею кровью окропили ее фундамент. И эта святая кровь будет невидимым звеном, лучшим цементом, связующим во веки Сербию и Россию.

Юрий Еленев
(Русская Армия (Омск). — 1919. — 8 авг. — № 169).

Публикация И.В. Купцова

«ПОСЕВ»

Библиотечка россияведения

ВЫПУСК 1

Коммунистический режим и народное
сопротивление в России 1917-1991

Изд. 2-е, испр. М., 1998. 80 с.

ВЫПУСК 2

Ярославское восстание. Июль 1918

М., 1998. 112 с. 22 илл.

ВЫПУСК 3

Пушкарев С.Г. Воспоминания историка 1905-1945

М., 1999. 112 с. 6 илл.

ВЫПУСК 4

НТС: Мысль и дело 1930-2000

М., 2000. 128 с. 46 илл.

ВЫПУСК 5

Ижевско-Воткинское восстание 1918.

М., 2000. 116 с. 18 илл.

ВЫПУСК 6

Преемственность и возрождение России

Сборник статей.

М., 2001. 224 с.

ВЫПУСК 7

Белая Россия

Материалы научной конференции в Севастополе.

М.-СПб.; 2002. 176 с. 3 илл.